

ISSN 2413-6859

ВЕСТНИК ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ТОМ 3, ВЫПУСК 1 (9), 2017

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ОСНОВАН В 1994 ГОДУ

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год

Т. 3,
вып. 1 (9)

2017

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

ЛИНГВИСТИКА

- 5 *З.К. Темиргазина* Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии
- 10 *В.М. Калинин* Знакомьтесь: поэтонимология
- 18 *U.A. Musabekova* Linguistic research of ancient Turks anthroponymy (on the base of written monuments)
- 25 *М.В. Терских* Специфика концепта *успех* в PR-материалах индустрии моды

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

- 35 *Г.Ш. Джумагулова,
Р.Т. Бейсекова* Эффективные методики формирования гражданской активности старшеклассников

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 41 *В.В. Колчанов* От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистории М.А. Булгакова «Белая гвардия»
- 55 *Р.И. Утепова* Отражение поэтического мировидения О. Сулейменова в аттракции слов «пламя—поле—полюнь»
- 62 *Н.В. Лесных* «Ноль-позиция» как способ выражения авторского сознания в пьесе М. Угарова «Маскарад Маскарад»

ПЕРСОНАЛИИ

68 Н.Ю. Желтова

Знак качества личности и творчества (к 75-летию профессора Л.В. Поляковой)

76 А.Б. Туманова

Истинное служение науке (85-летию профессора М.М. Багизбаевой посвящается)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. филол. н., проф. А.С. Щербак.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин (научный редактор) (г. Санкт-Петербург), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. филол. н., проф. К.М. Абишева (г. Астана, Казахстан), д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев, д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский (г. Москва), д. филол. н., проф. Р. Гольдт (г. Майнц, Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва), д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная (г. Минск, Беларусь), д. философии, доц. Дж. Куртис (г. Оксфорд, Великобритания), д. филол. н., доц. О.Н. Новикова (г. Уфа), д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. филос. н., проф. Л.А. Пронина, д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская (г. Нижний Новгород), д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг (г. Пенза), д. филол. н., проф. В.И. Супрун (г. Волгоград), д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина (г. Павлодар, Казахстан), д. филол. н., доц. А.Б. Туманова (г. Алматы, Казахстан), д. филол. н., проф. В.К. Харченко (г. Белгород), д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-61097 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге агентства ОАО «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, М.И. Филатова.

Редакторы английских текстов: Т.А. Ковалева, Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2017. – Т. 3. Вып. 1 (9). – 80 с. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 22.02.2017. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 17050. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2017

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология», 2017.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

CONTENTS

LINGUISTICS

- 5 *Z.K. Temirgazina* Zoomorphic model of metaphorization in Russian and Kazakh zoological terminology
- 10 *V.M. Kalinkin* Please meet poetonymology
- 18 *Y.A. Мусабекова* Лингвистическое исследование древнетюркской антропонимики (на основе памятников письменности)
- 25 *M.V. Terskikh* Specific features of the concept *success* in PR materials of fashion industry

METHODS AND METHODOLOGY

- 35 *G.S. Dzhumagulova,
R.T. Beysekova* Effective methods of civil activity of upper-form pupils' formation

STUDIES OF LITERATURE

- 41 *V.V. Kolchanov* From diableria to "operetka": musical buffo and methods of neuro-linguistic programming in mystery novel of M.A. Bulgakov "The White Guard"
- 55 *R.I. Utepova* The reflection of poetic world view O. Suleymenov in attraction of words "flame-field-wormwood"
- 62 *N.V. Lesnykh* "Zero-position" as a means of author's consciousness expression in M. Ugarov's play "Masquerade Masquerade"

PERSONALIA

- 68 *N.Y. Zheltova* Quality status of personality and creative work (for 75th anniversary of Professor L.V. Polyakova)
- 76 *A.B. Tumanova* Veritable service to science (dedicated to 85th anniversary of Professor M.M. Bagizbaeva)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor.

EDITORIAL BOARD of the Journal: Doctor of Philology, Doctor of History A.A. Burykin (Scientific Editor) (St. Petersburg), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Astana, Kazakhstan), Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev, Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow), Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Germany), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow), Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain), Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa), Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina, Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina, Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod), Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza), Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd), Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), Doctor of Philology, Associate Professor A.B. Tumanova (Almaty, Kazakhstan), Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko (Belgorod), Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru.

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-61097 from 19 March, 2015.

Subscription index 80303 in the catalogue of the agency JCS “Rospechat”

Editors: E.Y. Zakomoldina, M.I. Filatova.

English texts editors: T.A. Kovaleva, E.A. Finaeva.

Computer layout T.Y. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Philology and culturology. – Tambov, 2017. – Vol. 3. Issue 1 (9). – 80 p. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 22.02.2017. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 9,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 17050. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© FSBEI of HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2017

© The journal “Tambov University Review. Series: Philology and culturology”, 2017.

All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ МЕТАФОРИЗАЦИИ В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

© **Зифа Какбаевна ТЕМИРГАЗИНА**

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и литературы
Павлодарский государственный педагогический институт
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60
E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Рассмотрен когнитивный механизм аналогии на материале метафорических зоологических терминов русского и казахского языков, которые до сих пор не исследовались в этом аспекте. Актуальность данной проблемы обусловливается необходимостью выявления когнитивных основ возникновения научной терминологии в разных языках. В качестве методологии избрана теория концептуальной метафоры, в основу методики анализа зоологических терминов-метафор положены понятия «метафорическая модель» и «метафорическая субмодель». Исследованы метафоры, область-источником возникновения которых является фауна, то есть анализу подвергнута зооморфная метафорическая модель. В ходе детального анализа выявлены метафорические субмодели, входящие в состав зооморфной метафорической модели. Источником зоологических терминов-метафор в них выступают области «млекопитающие», «птицы» и «мифические существа». Зооморфная метафорическая модель относится к архетипическим универсалиям научного дискурса в силу ее распространенности, мифологичности. О ее архетипичности свидетельствует и тот факт, что многие зоологические термины, функционирующие в русскоязычном и казахскоязычном научном дискурсе и заимствованные из латинского и греческого языков, построены по зооморфной модели. Выявлено, что ряд казахских терминов образован путем калькирования русских терминов.

Ключевые слова: когнитивный механизм метафоризации; зоологические термины; научный дискурс; метафорическая модель; метафорическая субмодель; метафорические универсалии; зооморфная модель

Терминология любой науки есть вербализованный результат специальных научных знаний, она формируется в тесном и непосредственном взаимодействии с «профанным» сознанием носителей языка. Научное познание окружающей действительности как более поздний этап человеческой когниции в значительной степени использует уже имеющиеся у человека знания, которые были приобретены им в процессе донаучного познания мира. Научная категоризация, отличающаяся логичностью, абстрактностью, рациональностью, опирается во многих случаях на константы обыденного сознания.

Особенно показательными в этом отношении представляются метафорические термины той или иной отрасли наук. Как полагают В. Крофт, Д.А. Крузе, метафоры – это повседневные разговорные формы концептуализации, которые тесно связаны с опытом человека, с окружающим миром и его телесными ощущениями [1, р. 204]. Когда человек сталкивается с необходимостью осмысления и интерпретации новых научных данных, с проблемой встраивания новой научной ин-

формации в существующую концептуальную модель мира, в имеющуюся научную картину, он опирается на когнитивные механизмы, основанные на принципе сходства, аналогии, то есть на механизм метафоризации. Этот когнитивный механизм является весьма эффективным и распространенным в научном дискурсе различных отраслей.

В нашей работе мы опираемся на когнитивную трактовку процесса метафоризации, которая была впервые описана в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Дж. Фоконье, М. Тернера [2–5]. В частности, когнитивное понимание метафоры предполагает, что «в основе метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев», а знания, репрезентируемые в них, «представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и социумом» [6, с. 157]. Таким образом, словесные метафоры – это результат действия когнитивного механизма аналогии в человеческом сознании. Действие этого механизма можно описать с помощью метафорической модели,

построенной на проводимой человеком аналогии знаний об одном объекте со сведениями о другом объекте. Предлагаемая Дж. Лакоффом и М. Джонсоном трактовка позволяет рассматривать метафору в языке не как единичный случай, а как один из элементов системы вербальных репрезентаций понятийно-аналоговой метафорической модели, существующей в сознании носителей языка. Эта система вербальных репрезентаций в научном дискурсе, как мы предполагаем, носит устойчивый, регулярный характер, основывающийся на прочности и устойчивости понятийной структуры в ментальном мире человека. Отсюда вытекает и универсальный характер множества метафорических терминологических единиц в научных дискурсах, различающихся по структуре и генезису языков, как будет показано далее в нашей работе. Свойственные только отдельным языкам метафоры порождаются специфическими понятийными структурами в целом или специфическими элементами в них при общем сходстве.

Проблема метафоризации в научном дискурсе изучалась достаточно серьезно (работы С.С. Гусева, Е.Ю. Махницкой, З.И. Резановой, С.Г. Дудецкой, А.Е. Седова и др.). Тем не менее метафора в зоологическом дискурсе русского и казахского языков не становилась до сих пор объектом внимания лингвистов, что определяет новизну нашей работы. Мы попытаемся сопоставить терминологические метафоры как результат действия когнитивного механизма аналогии в зоологическом дискурсе двух генетически и структурно отличающихся языков – русского и казахского.

Помимо теоретической значимости, наша работа имеет важность и для решения практических задач, например, таких как совершенствование практики создания новых зоологических терминов по описанным базовым моделям, включение новых сведений в их лексикографическое описание в терминологических словарях научного и учебного предназначения, в том числе и в двуязычных зоологических словарях – русско-казахских, казахско-русских.

В качестве методологического основания исследования выбрана теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона, на базе которой нами была определена мето-

дика описания действия когнитивного механизма аналогии в обоих языках. Она опирается на понятие «метафорическая модель» [7], которая определяется как обобщенное вербализованное представление в виде формулы, состоящей из двух элементов: номинации сферы-источника знаний и номинации сферы-мишени, задействованных в процессе метафоризации зоологического термина.

В соответствии с гипотезой инвариантности Дж. Лакоффа [3] о частичном сохранении при метафорической проекции структуры сферы-источника в сфере-мишени, мы вводим в методику описания метафорических зоологических терминов понятие «метафорическая субмодель». Оно позволит детализировать сферу-источник по составляющим ее элементам.

Согласно исследованиям, базовыми понятийными областями-источниками терминов многих наук являются человек, фауна, флора, война, природа (ландшафт, климат), артефакты (одежда, ткань, инструменты, пища, архитектура и т. п.). В своей предыдущей работе мы детально проанализировали антропоморфную метафорическую модель образования русских и казахских зоологических терминов [8]. Предметом нашего дальнейшего исследования является зооморфная метафорическая модель с базовым источником «фауна». Термины извлечены нами из зоологических терминологических словарей русского, казахского языков, а также двуязычных – казахско-русских, русско-казахских – словарей [9–11].

Метафорические модели, построенные на понятийно-предметных областях-источниках природного происхождения – натурфактах, относятся наряду с антропоморфной моделью к наиболее ранним научным метафорам, поскольку в их основе лежат древнейшие когнитивные механизмы, корнями уходящие в мифологическое мышление. Научная метафора с источником-натурфактом придает абстрактным теоретическим понятиям телесный и предметно-вещный характер. Эти модели широко распространены практически во всех отраслях науки, обладают регулярной воспроизводимостью и повторяемостью, их относят к метафорическим архетипам научного дискурса.

Фауна как область-источник метафорической концептуализации задействована в

гносеологическом моделировании в отдельных научных областях (например, в медицине – *заячья губа*, *волчья пасть*, в стоматологии – *стадия гадкого утенка*), но они не являются универсальными для всего дискурса в целом, в отличие от сферы «человек». Зооморфная модель познания, как и антропоморфная, может быть отнесена к архетипам научного познания в силу своей мифологичности и «фольклорности», хотя и отличается от нее своей меньшей распространенностью в различных научных дискурсах.

Метафорическая модель [животные]→[другие животные].

В рассматриваемой модели знания об одних животных используются как источник познания других животных с помощью механизма метафоризации. Если рассуждать в рамках дискурсивного взаимодействия и пересечения, можно говорить о том, что эта метафорическая модель относится к области внутридискурсивного взаимодействия. В рамках зооморфной модели вычленяются несколько субмоделей со сферами-источниками «млекопитающие», «птицы», «мифические существа».

Метафорическая субмодель [млекопитающие]→[другие животные].

Приведем в качестве примера термины латинского происхождения, функционирующие в русскоязычном зоодискурсе, построенные по этой субмодели: *педипальпы* (вторая пара членистых ротовых конечностей головогруды) от лат. *pedis* – нога, *palpus* – щупальца и другие; и термины собственно русского происхождения: *морские собачки* (семейство рыб отряда окунеобразных, во время отливов передвигаются по суше прыжками с помощью плавников), *морские слоны* (род млекопитающих семейства настоящих тюленей длиной до 6,5 м и весом до 3,5 т, на голове у самцов имеется вздутие, похожее на короткий хобот), *морские львы* (ластоногие семейства ушастых тюленей длиной до 3,6 м и весом до 400 кг), *морские лисицы* (семейство рыб надотряда акул длиной до 6 м), *морские свиньи* (род дельфинов длиной до 2 м, огромный хвостовой плавник равен примерно половине туловища), *морские зайцы* (род моллюсков подкласса заднежаберных длиной до 40 см, задняя пара щупалец по форме напоминает заячьи уши), *морские ежи* (класс беспозвоночных живот-

ных типа иглокожих), *молочко пчел* (белковое вещество, вырабатываемое в одной из особых пар слюнных желез у рабочих пчел, которым они выкармливают личинок). В казахском языке: *теңіз иттері* (морские собачки), *теңіз шошқалары* (морские свиньи), *теңіз пілі* (морской слон), *теңіз арыстаны* (морской лев), *теңіз түлкісі* (морская лисица), *теңіз қояны* (морской заяц), *теңіз кірпісі* (морской еж), *ара сүті* (молоко пчел).

Метафорическая субмодель [птицы]→[другие животные].

Рассмотрим термины греко-латинского происхождения, созданные по этой модели: *корацидий* (свободно плавающая личинка некоторых ленточных червей, покрытая слоем ресничных клеток) от греч. *kotax*, род. падеж *kotakos* – ворон, а также что-либо согнутое крюком, как клюв ворона; *хелицеры* (первая пара головных конечностей у хелицеровых, которые используются как челюсти для схватывания и разрывания добычи) от греч. *chele* – коготь, *keras* – рог; *бипиннария* (свободноплавающая личинка морских звезд) от лат. *bi* – двойной, *pinnā* – перо; термины собственно русского происхождения: *морские петухи* (семейство рыб отряда окунеобразных), *мягкоперые* (один из подотрядов когтистых рыб). Термины казахского зоодискурса: *қауырсыны жұмсақ қанаттылар* (мягкоперые крылатые).

Метафорическая субмодель [мифические животные]→[другие животные].

Условно к этой модели примыкают метафоры, порожденные религиозно-мифологическим дискурсом, а точнее, понятиями, обозначающими мифические существа. Например, в русском языке: *морские черти* (семейство рыб отряда удильщикообразных длиной до 1,5 м и весом до 20 кг), *морские ангелы* (род крылоногих моллюсков длиной до 5 см); в казахском языке: *теңіз шайтаны* (морские черти), *теңіз періштесі* (морские ангелы).

Во всех трех рассматриваемых нами субмоделях выделяется группа терминологических сочетаний русского и казахского языков, построенных по однотипной структурно-семантической модели [прилагательное *морской/теңіз*] + [существительное – наименование животного]. Первый компонент структурно-семантической модели называет сферу обитания организма, а второй – жи-

вотное, птицу или мифологическое существо из сферы-источника. Казахские термины образованы путем калькирования русских зоотерминов, в процессе которого возникают полные кальки (*теңіз арыстаны* – морской лев, *теңіз түлкі* – морская лисица, *теңіз қояны* – морской заяц) и неполные кальки: *теңіз ит* (морская собачка). В последнем примере полное калькирование ограничено морфемно-словообразовательными возможностями казахского языка – малочисленностью уменьшительных аффиксов, поэтому существительное *собачка* передается казахским существительным *ит* (дословно собака), в котором отсутствует суффикс -к- с уменьшительным значением.

Понятия из сфер-источников «птицы», «млекопитающие» переносятся для категоризации понятий в областях «морские организмы», «рыбы», «насекомые», то есть можно констатировать следующую тенденцию в зооморфной метафоре, когда знания о более высших организмах позволяют метафорически осмыслить и номинировать понятия об организмах низшего уровня.

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим положениям, не противоречащим нашей гипотезе и подтвержденным анализом языкового материала. Во-первых, часть терминологических метафор в зоодискурсе русского и казахского языков построена на основе универсальной архетипической зооморфной модели. Названная модель активно используется и сегодня для номинации новых понятий в научном дискурсе.

Во-вторых, метафоры, порожденные в рамках универсалий, схожи в исследуемых нами языках – русском и казахском. Многие из них восходят к греко-латинским обозначениям зоологических понятий, поскольку те также опираются на названные метафорические универсалии.

В-третьих, в научной коммуникации метафорическое выражение функционирует как готовый термин, содержащий лишь сугубо научную информацию. Носителями языка не осознается метафоричность его природы, поскольку у давно функционирующих зоометафор «стирается» связь со сферой-источником, но она не утрачивается, переходя на глубокий, онтологический уровень, откуда метафорическая модель может вернуться в

общую базу знаний человека, уже обросшая новыми смыслами, ассоциациями.

В-четвертых, сопоставительный анализ терминов-метафор в казахском и русском зоологическом дискурсе свидетельствует о том, что небольшая часть терминов различается в силу различных структурных возможностей языков (отсутствие уменьшительных аффиксов в казахском языке и, наоборот, широкие возможности русского языка в этом отношении).

Таким образом, анализ научной зоологической терминологии подтверждает метафоричность языка науки, порождаемую когнитивным механизмом аналогии. Научная метафора образуется на базе уже сформированных в каждой этнической культуре понятийных структур, получивших закрепление в языковых структурах. Между научным мышлением и «профанным» сознанием нет жестких границ, поэтому научное познание использует общие знания человека о мире в процессе представления знания в любой научной отрасли.

Список литературы

1. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
2. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. 1998. № 22. Part 2. P. 133-187.
3. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. P. 54-71.
4. Lakoff G. Cognitive Semantics // Meaning and Mental Representations / ed. by V. Eco. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 119-154.
5. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 272 p.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 256 с.
7. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Российской академии наук. Серия Литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 33-43.
8. Temirgazina Z.K., Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P., Akosheva M.K. Cognitive mechanism of metaphorization in zoological terms // American Journal of Applied Sciences. 2016. Vol. 13. № 12. P. 1385-1393.

9. *Бабарыкина Т.С.* Популярный биологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 319 с.
10. Казахско-русский, русско-казахский терминологический словарь / под ред. А.К. Кусайнова. Алматы: Рауан, 2000. 302 с.
11. Казахско-русский словарь / под ред. Р.Г. Сыздыковой, К.Ш. Хусайна. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1008 с.
7. Baranov A.N. Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki [Metaphorical models as discursive practice]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya Literatury i yazyka – Bulletin of the RAS: Studies in Literature and Language*, 2004, vol. 63, no. 1, pp. 33-43. (In Russian).
8. Temirgazina Z.K., Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P., Akosheva M.K. Cognitive mechanism of metaphorization in zoological terms. *American Journal of Applied Sciences*, 2016, vol. 13, no. 12, pp. 1385-1393.
9. Babarykina T.S. *Populyarnyy biologicheskiy slovar'* [Popular Dictionary of Biology]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2009, 319 p. (In Russian).
10. *Kazakhsko-russkiy, russko-kazakhskiy terminologicheskiy slovar'* [Kazakh-Russian, Russian-Kazakh Terminological Dictionary]. A.K. Kussainov (ed.). Almaty, Rauan Publ., 2000, 302 p. (In Russian).
11. *Kazakhsko-russkiy slovar'* [Kazakh-Russian Dictionary]. R.G. Syzdykova, K.Sh. Khusain (eds.). Almaty, Dayk-Press Publ., 2002, 1008 p. (In Russian).

References

1. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 356 p.
2. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 1998, no. 22 (2), pp. 133-187.
3. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*, 1990, vol. 1, pp. 54-71.
4. Lakoff G. *Cognitive Semantics. Meaning and Mental Representations*. Bloomington, Indiana University Press, 1998, pp. 119-154.
5. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*. Chicago, The University of Chicago Press, 1987, 272 p.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.01.2017 г.
Received 15 January 2017

UDC 81.11

ZOOMORPHIC MODEL OF METAPHORIZATION IN RUSSIAN AND KAZAKH ZOOLOGICAL TERMINOLOGY

Zifa Kakbaevna TEMIRGAZINA

Doctor of Philology, Professor, of Russian Language and Literature Department

Pavlodar State Pedagogical Institute

60 Mira St., Pavlodar, the Republic of Kazakhstan, 140000

E-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Cognitive mechanism of analogy on the basis of metaphorical zoological terms of the Kazakh and Russian languages is considered, for it has not been researched in this aspect before. The relevance of the issue is determined by the necessity of revealing of cognitive base of scientific terminology formation in different languages. Methodology of the research is centered on the theory of conceptual metaphor; analysis of zoological metaphorical terms is based on such notions as “metaphorical model” and “metaphorical submodel”. Metaphors the source of formation of which is fauna are investigated, id est the zoomorphic metaphorical model is analyzed. During the detailed analysis metaphorical submodels that are included into zoomorphic metaphorical model are revealed. The source of zoological metaphorical terms includes such groups as “mammals”, “birds” and “mythical creatures”. Zoomorphic metaphorical model refers to archetypical universals of scientific discourse due to its popularity, mythology. Archetypical character of the model evidences the fact that many zoological terms, functioning in Russian and Kazakh scientific discourse and loaned from Latin and Greek, are formed according to the zoomorphic model. It is also noted that a number of Kazakh terms are formed with the help of loan translation of Russian terms.

Key words: cognitive mechanism of metaphorization; zoological terms; scientific discourse; metaphorical model; metaphorical submodel; metaphorical universals; zoomorphic model

Информация для цитирования:

Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 5-9.

Temirgazina Z.K. Zoomorfnaya model' metaforizatsii v russkoy i kazakhskoy zoologicheskoy terminologii [Zoomorphic model of metaphorization in Russian and Kazakh zoological terminology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 5-9. (In Russian).

УДК 801.311/313(066)

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

© Валерий Михайлович КАЛИНКИН

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
 Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького
 83003, Украина, г. Донецк, пр-т Ильича, 16
 E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

Рассматриваются постулаты специфики значения поэтонима, которые фиксирует принципиальные отличия семантики онима художественного произведения от семантики собственного имени в языке. Осмысливается соотношение поэтонимов с *виртуальными*, словесными (в смысле материала) *референтами*. Обосновывается, что в «семантическом треугольнике» поэтонима вместо референта (денотата) в общепринятом смысле присутствует виртуальный референт (денотат). Кроме того, этот виртуальный денотат правильно приложим не к классу предметов, а к единичному предмету, выделенному по уникальному признаку из некоторого класса и поэтому гораздо более правомерно именование его именно референтом. Доказывается целостность поэтонимосферы, предопределяющая важнейшее свойство каждого отдельного поэтонима: он пронизан «силовыми линиями» поэтонимосферы, испытывает ее влияние и сам воздействует на свойства совокупности поэтонимов. Обосновывается понятие «Филология Имени». Акцентируется внимание на использовании понятия «Филология Имени», которая стала постепенно складываться в XX веке как симбиоз ономастики и семиотики в деятельности нескольких групп ученых в значительных и высокоавторитетных гуманитарных научных центрах, главными из которых в СССР были Московская и Тартуская семиотические школы. Обосновывается особое направление лексикографии – поэтонимография, формирующая теорию и совершенствующая практику составления словарей собственных имен художественных произведений.

Ключевые слова: художественная речь; поэтоним; семантика; поэтонимия произведения; ономография

Окончание. Начало в т. 2, вып. 4 (8).

Многие литераторы ясно осознавали, что между реальным ономастиком и собственными именами художественного произведения имеются существенные различия, и ориентация писателей-реалистов на правду жизни и, соответственно, на реальную онимию не мешала этому пониманию. Известно, например, высказывание Л.Н. Толстого по поводу книги «Война и мир», касающееся и собственных имен в ней [1]. Хотя следует признать, что собственное имя исторического лица имеет в сознании читателя прямую референцию с конкретной личностью, восприятие персонажа – исторической личности (и его имени) – в художественном произведении осложнено и изменено преобразующим воздействием творящего сознания. «Наполеон «Войны и мира» – это в предельной степени творение Толстого, концепция Толстого, но живет этот образ непрерывным соизмерением с настоящим Наполеоном. Структура образа заведомо двойная, основанная на том, что у читателя есть представление о Наполеоне» [2, с. 8]. В этом случае речь идет об **аксиоме взаимного самоотра-**

жения. *Собственное имя в художественном произведении и обозначенный им «фиктивно» существующий выдуманный или реальный объект находятся в состоянии взаимного самоотражения.* Заметим, что самая важная **аксиома знаковости:** *всякое собственное имя в литературно-художественном произведении есть знак «фиктивного» (в смысле: сотворенного воображением писателя) существования.*

Понимать аксиому взаимного самоотражения следует так: собственное имя в художественном произведении так же добавляет определенный смысл описываемому предмету, как и описание предмета добавляет определенное содержание его имени. Разные способы именования одного и того же референта могут отражать как различное представление об имени, о роли его формы для именуемого объекта, так и эволюцию отношения к самому именуемому объекту.

Аксиома контекста как широкого принципа заключается в том, что, *являясь знаком «фиктивного» существования описываемого в художественном произведении объекта, собственное имя получает свою полноценную значимость не только в кон-*

тексте других знаков художественного произведения, но и в контексте, понимаемом как широчайший принцип. Главный вывод, следующий из этой аксиомы, состоит в том, что единственным способом проникновения в смысловую сферу поэтонима является фактор контекста.

Аксиома бесконечной смысловой валентности поэтонима: *всякое собственное имя может иметь бесконечное количество значений.* Из этой аксиомы следует, что собственное имя в художественном произведении при определенных условиях может не только быть полномочным представителем носителя имени, но и превратиться в символ. Примеры общеизвестны: Дон Жуан, Отелло, Ромео, Дон Кихот, Печорин, Иудушка Головлев и т. д.

Аксиома сознания: *всякое собственное имя в художественном произведении есть акт и результат не только переживаемой автором действительности, но и воспринимаемой читателем авторской рефлексии.* Эта формулировка, представляющая собой сведенные воедино лосевские аксиомы сознания, переживания, понимания и т. д. знака, фиксирует мысль о том, что произвол автора художественного произведения в выборе, изобретении и использовании поэтонимов ограничивает стремление к взаимопониманию с читателем.

Аксиома предикации: *всякое собственное имя в художественном произведении есть предикация того или иного понимания обозначаемой предметности в отношении самой этой предметности.* Из этого следует, что взаимоотношения между содержанием, передаваемым собственным именем и информацией о названном объекте в художественном произведении (в отличие от общезыковой ситуации), всегда эксплицированы, пребывают в состоянии постоянного взаимотражения. Подробности же, касающиеся аксиом и постулатов поэтономологии, связанных с теорией поэтонима, полнее изложены в уже опубликованной монографии «Поэтика онима» [3, с. 108-124].

Следующим моментом, на котором нужно остановиться, является семантика поэтонима, имеющая как общие, так и особенные черты по сравнению с семантикой онимов языка. Корни различий кроются в характере причинной обусловленности имен. Семанти-

ка собственного имени строго детерминирована историческими и языковыми факторами; даже полная утрата связи с апеллятивным значением не лишает имя способности, оставаясь элементом ономастической системы, передавать информацию об именуемом объекте.

Литературная онимия детерминирована иначе. Каждое собственное имя художественного произведения прочно связано со свойствами изображаемого (и названного именем) предмета. В семантике поэтонима наблюдается сдвиг в сторону обязательности либо вещественного значения корневых морфем, либо семантической нагруженности суффиксов. Постулат специфики значения поэтонима фиксирует четыре принципиальных отличия семантики онима художественного произведения от семантики собственного имени в языке:

1) поэтоним всегда обладает какой-нибудь из особенностей, позволяющих либо соотносить его содержание с понятием апеллятива, послужившего основой имени, либо ощущать актуализированность речевой, языковой, энциклопедической информации или эксплицированность ситуации наречения именем;

2) поэтоним, именующий действующее лицо литературного произведения, содержательно и информативно всегда адекватен стремлению автора сделать имя персонажа соответствующим его внутренней сущности (независимо от того, какая из сторон сущности персонажа и каким образом проявляется);

3) поэтоним в пределах художественного произведения, в отличие от реальных собственных имен, никогда не подвергается информативному и содержательному опустошению, хотя в каждом из конкретных его употреблений реализуется лишь часть его семантического потенциала; тем или иным образом автор постоянно «напоминает» читателю: «Nomen est omen», имя дано персонажу не случайно;

4) поэтоним никогда не именует реальный объект; специфичность его значения проявляется в «фиктивности» (точнее, в воспроизведенности авторским сознанием) даже реально существующих предметов.

Воспользовавшись популярным ныне термином из компьютерных технологий, можно сказать, что действительность литера-

турного произведения по сути представляет собой виртуальную (*от лат. virtualis – воз-можный*) реальность, а поэтонимы в ней обозначают виртуальные объекты. Это значит, что в «семантическом треугольнике» поэтонима вместо референта (денотата) в общепринятом смысле присутствует виртуальный референт (денотат). Кроме того, этот виртуальный денотат правильно приложим не к классу предметов, а к единичному предмету, выделенному по уникальному признаку из некоторого класса, и поэтому гораздо более правомерно именование его именно референтом.

В поэтониме как феномене художественной речи всегда и одновременно присутствуют и взаимодействуют как минимум два начала:

1) внутренняя «борьба» между механизмами конкретизации и обобщения, в конечном счете, движущая имя по оси апеллятив – оним;

2) внешнее «сражение» поэтонима с контекстом, меняющее аккумулятивную информацию об объекте именования.

Правильно предположить, что дальнейшее углубленное изучение свойств поэтонима в непрерывно меняющихся условиях функционирования откроет и другие факторы, определяющие динамику семантики поэтонима.

Вслед за осмыслением специфики поэтонимов в художественных произведениях в поэтономологии начало развиваться направление исследований, связанное с изучением совокупностей собственных имен, составляющих поэтономию целостного произведения. Сама по себе проблема осмысления статуса, природы и особенностей совокупности собственных имен в художественном произведении зародилась еще на ранних этапах развития литературной ономастики, возникла в серии опытов изучения то антропонимии, то топонимии, то какого-нибудь иного ряда собственных имен конкретного произведения. Предпринимались также попытки изучения всех собственных имен и в отдельно взятом произведении, и в каком-либо образе связанных рядов произведений. Хотя такого рода работы назывались с использованием термина «ономастическое пространство», исследования, как правило, осуществлялись без учета тех отношений, которыми

изучаемые множества организуются в системы. О необходимости же изучения совокупностей собственных имен как особым образом организованных систем писал еще в самом начале 1960-х гг. В.Н. Топоров, уделивший внимание лишь одному вопросу: «<...> образует ли топономастика систему, или, точнее, может ли она рассматриваться как система. Естественно, что в случае положительного ответа возникает признание возможности изучения топономастики структурными методами» [4, с. 4]. Сформулировав проблему в самом общем виде, В.Н. Топоров, между прочим, поднял интересные вопросы, связанные со степенью проявления свойства «быть собственным именем» и о введении количественной меры этого проявления, показал, что наибольшая чистота и полнота проявления «назывательной» функции связана с наименьшей мотивированностью названия, что собственное имя тем более «собственное», чем менее известен говорящему денотат, или когда известный денотат носит предельно непонятное название [4, с. 8].

Приняв в качестве предварительного определения, согласно которому «система – это совокупности элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно отражается на остальных элементах», ученый обратил внимание на возможность описания некоторых совокупностей фактов как системы. «Прежде всего, к ним относятся случаи зависимого употребления двух или нескольких топонимов (или личных имен), образующих, по сути дела, элементарную топономастическую микросистему» [4, с. 10]. Среди примеров микросистем указывались такие, которые образовывали бинарные оппозиции, включающие противопоставления *Большой – Малый, Старый – Новый, Белый – Черный* и т. д. Кроме того, В.Н. Топоров видел в изучении таких микросистем основание для реконструкции утраченных или претерпевших произвольные изменения (из табуистических или иных соображений) названий, некогда входивших в противопоставление.

Поэтономология впервые поставила вопрос о принципиальной несводимости совокупности собственных имен художественного произведения к простой сумме компонентов. Иными словами, анализ «по единицам» был признан «недостаточным для понимания

глубинных процессов и существенных сторон семантики и поэтики онимов в литературных текстах» [5, с. 16]. Далее в процитированной здесь монографии на 20 страницах представлен тщательный обзор попавших в поле зрения исследовательницы попыток «привить» литературной ономастике представление о совокупности собственных имен в художественном тексте как системе.

В одной из первых наших работ, посвященных исследованию поэтонимосферы [6], мы предложили считать одним из эффективных подходов семиотический, на основании которого элементы поэтонимосферы можно представлять в системе оппозиций, конституирующих иерархию отношений между ними в языковой «картине мира» конкретного художественного произведения. Это позволяло бы устанавливать ономастические дихотомии в поэтонимосфере художественного произведения на основании устойчивых мифокультурных антиномий *низ – верх, жизнь – смерть, добро – зло, плохой – хороший* и т. д. Реализованные оппозитивные отношения между компонентами поэтонимосферы всегда воспринимаются только сквозь призму вошедшей в плоть и кровь читателя семиотической системы онимии языка. В той же работе было предложено (по аналогии с архитектурой) понятие «решение поэтонимосферы» (онимного пространства). Смысл, вкладываемый в это понятие, таков: во-первых, это итог творческих усилий автора, направленных на художественное воспроизведение фрагмента онимной системы языка (для реалистических произведений), который может быть так или иначе оценен; во-вторых, это оценка «лингвопоэтического» результата сочетания культурно-языковой и эстетической информации, аккумулированной в поэтонимах, со свойствами литературного произведения как художественного целого. В дальнейшем как в работах автора статьи, так и в исследованиях тех, кто продолжил изучение свойств поэтонимосфер художественных произведений, была осуществлена поляризация понятий «онимное пространство» и «поэтонимосфера». Этого потребовало сопоставление свойств онимного пространства естественного языка и поэтонимосферы художественного произведения. По сравнению с постоянно развивающимся и переменчивым онимным пространством язы-

ка, поэтонимосфера является раз и навсегда *завершенной* системой. А в связи с неизбежной «неполнотой» воссозданных в произведении объектов художественной картины мира – *фрагментарной*. Сами же объекты именования виртуальны.

Таким образом, поэтонимы соотносятся с *виртуальными*, словесными (в смысле материала) *референтами*. Целостность поэтонимосферы предопределяет еще одно, с точки зрения ее исследователей, важнейшее свойство каждого отдельного поэтонима: он пронизан «силовыми линиями» поэтонимосферы, испытывает ее влияние и сам воздействует на свойства совокупности поэтонимов. Исчезновение или смена хотя бы одного компонента поэтонимосферы в процессе работы писателя или поэта над текстом меняет систему в целом. А в некоторых случаях, как показывают конкретные наблюдения, преобразует произведение в целом, например, поэтонимосфера рассказа А.П. Чехова «Толстый и тонкий» [7]. Каждый оним, как известно, кроме исполнения присущей ему собственно номинативной функции, является своего рода «транспортным средством», доставляющим в текст набор аккумулированной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации, и потому участвует наравне с другими средствами в «конструировании» хронотопа литературного произведения.

Именно поэтому так реальна структурно-семиотическая и конструктивная роль онимной лексики в формировании «художественной картины мира» и так важна степень корреляции между информацией о названных собственными именами объектах, включая их семантику и поэтическую этимологию, и фундаментальными онтологическими и семиотически-ценностными категориями бытия, структурирующими мироощущение и мировосприятие человека.

Более 10 лет тому назад в докладе «От литературной ономастики к поэтике онима» (показательно, что в то время мы еще не отказались (сделали это позднее) от именования науки «Поэтика онима», ошибочно полагая, что это лучшее из возможных для нее название) мы призывали участников конференции, прошедшей в Горловском пединституте иностранных языков, помнить о «трех «П» (*поэтоним – поэтонимогенез – поэто-*

нимосфера) и назвали это «новой исследовательской парадигмой в литературной ономастике». Примерно с того же времени мы начали последовательно отстаивать право Имени на собственную науку. Один из аргументов звучал так: если до сих пор существует и плодотворно развивается возникшее еще в античности научное направление, именуемое «Философия имени», то необходимость и неизбежность общепилологического подхода к проблематике собственного имени является достаточным основанием для формирования и развития «Филологии Имени» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Аналогичное понимание, насколько нам известно, существует в российской филологии. В 2007 г. вышла в свет книга, посвященная памяти Владимира Николаевича Топорова «Имя собственное. Семантическая аура». Серия, в которой будут теперь выходить исследования, посвященные проприальной лексике, получила название «Имя/Именослов. «Филология имени». Допускаем, что у историков науки могут возникнуть сомнения в правоте наших утверждений, но думаем, что безо всяких деклараций и манифестов Филология Имени стала постепенно складываться в XX веке как симбиоз ономастики и семиотики в деятельности нескольких групп ученых в значительных и высокоавторитетных гуманитарных научных центрах, главными из которых в СССР были Московская и Тартуская семиотические школы. Лидеры Московской семиотической школы В.Н. Топоров и В.В. Иванов в рамках развития семиотики, в буквальном смысле слова, предприняли штурм комплекса проблем, связанных с реконструкцией праславянской мифологии. Именно в ходе этого штурма ученые пришли к выводу об особой роли имени собственного в связи с проблемой реконструкции. «При должном внимании исследователь, исходя из имени собственного, как по тонкой, ежеминутно грозящей оборваться нити, при определенных условиях может прийти к элементарным сочетаниям элементов, атрибутам и предикатам, мотивам и сюжетам, к фрагментам текста в его языковой форме, отсылающим к особым классам и жанрам текстов, наконец, к сложным идеологическим концепциям и их «реальной» подоснове» [8, с. 27]. Значительным количеством высококачественных исследований они показали неразрывную связь имени и текста, открыв, таким образом, горизонты новых направлений языкознания в изучении семантической ауры имени собственного. Завершая эту часть представления поэтонимологии, хотим процитировать слова Т.М. Николаевой из предисловия к книге, посвященной памяти В.Н. Топорова. Она настаивает на том, что «ветвление традиционной «ономастики» продолжается буквально на глазах», что появляется множество принципиально новых исследовательских направлений. «Исчерпаны ли все линии анализа семантической ауры имени в тексте?» – спрашивает она. И отвечает? – «Конечно, нет» [9].

Хотим добавить, что именно поэтонимология, в буквальном смысле слова, вдохнула новую жизнь в ономастику и способствует преобразованию ее в ФИЛОЛОГИЮ ИМЕНИ.

Смещение акцента с онима как такового на со-бытие имени собственного и литературного текста в работах последних лет далеко не случайно, ибо вся доступная обозрению логика развития научного направления свидетельствует о неизбежности этого поворота. Необходимо подчеркнуть: это не «разрыв» с традицией и не отход от нее и от ономастики как таковой, а попытка вовлечь в сферу интересов науки о собственных именах не только онимы, но и «среду их обитания». Именно на этом пути, мы убеждены, ономастику в ближайшее время ждут интереснейшие открытия. Так же убеждены, что опыт ономастики будет чрезвычайно полезен филологии, которая, распавшись на огромное количество рукавов и протоков, уже оплодотворила огромные пространства гуманитарного знания. Но за этой дельтой Великой реки – Океан Истины Неисследованной.

Особое место в поэтонимологии принадлежит еще одному действительно новому направлению исследований. О нем расскажем по возможности кратко, подчеркнув, однако, что всего лишь перечислим требующие особого внимания вопросы словарного дела. Речь пойдет об особом направлении лексикографии – поэтонимографии, формирующей теорию и совершенствующей практику составления словарей собственных имен художественных произведений. О первом личном опыте мы отчитались в конце XX века монографией, посвященной лекси-

кографированию поэтонимов романа «Евгений Онегин» [10]. Во вводных замечаниях к ней была представлена отнюдь не богатая традиция отечественной (и не только) лексикографии имен литературных произведений.

В настоящее время остро необходимым считаем решение комплекса вопросов, связанных с проблемой, которую можно обозначить как задачу разработки теории словарей языка писателя в плане отношения к собственным именам. Последние являются неотъемлемым компонентом и художественной, и публицистической, и бытовой речи художников слова, достаиваемых чести составления специальных лексикографических изданий. Наиболее авторитетный из отечественных «Словарь языка Пушкина», как известно, собственные имена из рассмотрения исключил («не помещаются в словаре собственные имена реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении» (из предисловия к первому тому «Словаря языка Пушкина»). Однако для имен античной, библейской и христианской мифологии, а также отонимных образований было сделано исключение.

Каждый исследователь, попытавшийся решать задачи представления собственных имен художественных произведений в жанре словаря, неизбежно столкнется с массой вопросов общего и специального характера, начиная с того, что и в каком объеме может и должно быть материалом для описания, каким образом можно включить информацию о поэтике онимов в каждом конкретном употреблении и, кончая тем, какими техническими приемами можно обеспечить стандартизацию описания. Главное же состоит в том, что до сей поры лексикографическая лакуна — словари собственных имен в языке писателей — остается незаполненной.

Какими же могут или должны быть словари поэтонимов? Доводы самого общего характера говорят в пользу возможности и необходимости создания словарей собственных имен конкретных литературных произведений. Вопрос лишь в целесообразности выбора, обусловленного культурно-исторической ценностью произведения. Далее, не может быть серьезных возражений против

словарей поэтонимов, созданных в процессе исследования всего творчества выдающихся представителей мировой художественной литературы. Возможно, по крайней мере, в плане постановки задачи, создание словарей поэтонимов для произведений определенного жанра или литературного направления в рамках национальной культуры. «Словарным предприятиям» несть числа. Однако следует иметь в виду, что все они составят лишь вершину айсберга проблем исследовательского и организационного характера, которые могут встать перед учеными, отважившимися на реализацию архисложного дела — онимографию для словаря языка писателя.

С учетом всего того, что было сказано выше о специфике поэтонимов, совершенно очевидно, что среди онимного материала в языке писателя почти неизбежно встретятся формально одинаковые, но различные по свойствам собственные имена. В одной из наших работ онимографического направления [11] был представлен опыт статьи для онимной составляющей словаря языка А.С. Пушкина. Сознательно построенная в виде своеобразного «приглашения на кухню», она показывает не только результат проделанной работы (статью ВОЛЬТЕР), но раскрывает всю кропотливую исследовательскую и собирательскую деятельность, предшествовавшую составлению самой словарной статьи. Основными мотивами такого подхода были новизна дела в целом, наличие нескольких не использовавшихся ранее в практике словарной работы с собственными именами подходов к их описанию и попытка представить имя во всем многообразии его функций и состояний, включая опыт извлечения поэтонимогенеза из онимогенеза как формы существования имен в языке.

Стремление зафиксировать реальное функционирование слова в языке писателя требует не только учета всех без исключения контекстов его употребления в окончательной редакции того или иного текста, но и тщательного анализа всех доступных исследований его вариантов. Однако и без того, очевидно, что в корпусе текстов Пушкина собственное имя *Вольтер*, его дескрипции и перифразы существуют в различных ипостасях и выполняют разнообразные функции. Отсюда и необходимость теоретического осмысления проблем онимографии (раздела

лексикографии, разрабатывающего принципы, правила и приемы описания собственных имен), и определения места и специфики поэтонимогграфии как неотъемлемой части самой ономографии.

* * *

Ю.О. Карпенко, один из признанных «вождей» ономастических исследований на Украине, основатель Черновицкой, а затем Одесской ономастической школы, в том числе самой крупной школы литературной ономастики в СССР, опубликовавший в 2008 г. сборник своих статей, касающихся собственных имен в художественной литературе, изучением которых он занимался около 50 лет, в предисловии подвел итог усилиям всех поэтонимологов: «<...> литературная ономастика – очень трудная дисциплина. Практически все, написанное о ней, принадлежит лишь к первым эскизам, за которыми рано или поздно придет более глубокое познание» [12, с. 3].

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 10.
2. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Совет. писатель, 1979.
3. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
4. Топоров В.Н. Из области теоретической топонимости // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 3-12.
5. Бувская М.В. Поэтонимосфера художественного текста. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2012. 288 с.
6. Калинин В.М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: науч.-метод. сб. К 80-летию проф. О.Е. Ольшанского / отв. ред. В.А. Глушенко. Славянск: СГПИ, 2001. Ч. 1. С. 93-97.
7. Калинин В.М., Бувская М.В. Опыт о свойствах и структуре поэтонимосферы // И слово Ваше отзовется. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2012. С. 182-194.
8. Топоров В.Н. От имени к тексту // Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 15-27.
9. Имя: Семантическая аура / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2007. 360 с.
10. Калинин В.М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А.С. Пушкина). Донецк: Юго-Восток, 1999. 247 с.
11. Калинин В.М. На подступах к пушкинской ономографии // К «Оправданию филологии», или Вариации на тему общего дела: сб. науч. тр. / отв. ред. В.М. Калинин и др. Донецк, 2011. С. 257-312.
12. Карпенко Ю.О. Літературна ономастика: Збірник статей. Одеса: Астропринт, 2008. 328 с.

References

1. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow, State Publishing House of Artistic Literature, 1955, vol. 10. (In Russian).
2. Ginzburg L.Ya. *O literaturnom geroe* [About the Literary Hero]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1979. (In Russian).
3. Kalinkin V.M. *Poetika onima* [Poetics of Onym]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999, 408 p. (In Russian).
4. Toporov V.N. Iz oblasti teoreticheskoy toponomastiki [From the field of theoretical toponomastics]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*, 1962, no. 6, pp. 3-12. (In Russian).
5. Buevskaya M.V. *Poetonimosfera khudozhestvennogo teksta* [Poetonymosphere of Literary Text]. Kiev, Dmitry Burago Publishing House, 2012, 288 p. (In Russian).
6. Kalinkin V.M. K voprosu ob oppozitsiyakh v poetonimosfere khudozhestvennogo proizvedeniya [To the question about the opposition in poetonymiosphere of art]. *Teoreticheskie i prikladnye problemy russkoy filologii. K 80-letiyu professora O.E. Ol'shanskogo* [Theoretical and Applied Problems of Russian Philology. To the 80th Anniversary of Professor O.E. Olshansky]. Sloviansk, Sloviansk State Pedagogical Institute Publ., 2001, part 1, pp. 93-97. (In Russian).
7. Kalinkin V.M., Buevskaya M.V. Opyt o svoystvakh i strukture poetonimosfery [Experience About the Properties and Structure of Poetonymiosphere]. *I slovo Vashe otzovetsya* [And Words of Yours Resound]. Kiev, Dmitry Burago Publishing House, 2012, pp. 182-194. (In Russian).
8. Toporov V.N. Ot imeni k tekstu [From the name to the text]. *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic Aura]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 15-27. (In Russian).

9. *Imya: Semanticheskaya aura* [Name: Semantic Aura]. T.M. Nikolaeva (ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007, 360 p. (In Russian).
10. Kalinkin V.M. *Teoriya i praktika leksikografii poetonimov (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina)* [Theory and Practice of Lexicography of Poetonyms (on the Material of Creative Works of A.S. Pushkin)]. Donetsk, Yugo-Vostok Publ., 1999, 247 p. (In Russian).
11. Kalinkin V.M. Na podstupakh k pushkinskoy onimografii [On the approach to Pushkin's onymography]. K «Opravdaniyu filologii», ili Variatsii na temu obshchego dela [To the “Justification of Philology”, or Variations on the Common Work Theme]. Donetsk, 2011, pp. 257-312. (In Russian).
12. Karpenko Yu.O. Literaturna onomastika [Literary Onomastics]. Odessa, Astroprint Publ., 2008, 328 p. (In Ukrainian).

Поступила в редакцию 21.09.2016 г.
Received 21 September 2016

UDC 801.311/313(066)

PLEASE MEET POETONYMOLOGY

Valeriy Mikhaylovich KALINKIN

Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department

Donetsk National Medical University of Maxim Gorky

16 Ilich Ave., Donetsk, Ukraine, 83003

E-mail: kalinkin.valeriy@mail.ru

The postulates of the poetonym's meaning specifics, which fix principal difference in onym semantics of fiction work from proper name in language semantics are considered. The correlation of poetonyms with virtual, verbal (about material) referents is considered. It is founded that in “semantic triangular” of poetonym instead of referent (denotation) in general sense there is a virtual referent (denotation). Besides, this virtual denotation is applied not to the class of objects but to one object, marked as unique feature from some kind of class and that is why it is right to name it a referent. The entirety of poetonymosphere is proved defining the most important features of each separate poetonym. It is filled by force lines of poetonymosphere, it is under influence and influences the features of total poetonyms. The notion “Name's Philology” is proved. The attention is paid to the use of notion “Name's Philology” which was built in the XX century as a symbiosis of onomastics and semiotics in the creative work of some groups of scientists in significant and humanitarian centers, the main of which was Tatu-Moscow Semiotic School in the USSR. The special direction of lexicography – poetonymography forming theory and improving practice of dictionaries creation of proper names of fiction works is improved.

Key words: artistic speech; poetonym; semantics; poetonymy of the creative work; onymography

Информация для цитирования:

Калинкин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 10-17.

Kalinkin V.M. Znakom'tes': poetonomologiya [Please meet poetonymology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 10-17. (In Russian).

UDC 81-2

LINGUISTIC RESEARCH OF ANCIENT TURKS ANTHROPNOMY (ON THE BASE OF WRITTEN MONUMENTS)

© **Urzada Abilkasimovna MUSABEKOVA**

Candidate of Philology, Associate Professor of Turkology Department

L.N. Gumilyov Eurasian National University

2 Mirzoyan St., Astana, the Republic of Kazakhstan, 010000

E-mail: mussabekovaua@yandex.kz

The proper names of the ancient Turkic anthroponymic system, which includes cultural information, reflecting the ethnic and aesthetic ideals of society, are studied. The object of the analysis is associated with various periods of social and cultural life characterized by stereotypes about the function of name in society, which represents the events of a political or spiritual life of the country. The subject of research is the analysis of anthroponymic systems of three large Turkic groups in the pre-Islamic and Islamic periods. The results of the work demonstrate the ability of the ancient Turkic anthroponymic system to self-preservation of the semantic structure and to a list of units. The study of proper names in synchronic and diachronic aspects allows to move from the description of particular laws to integrated research of anthroponymic problems in linguistics, psychology and sociology. The practical relevance of the research is associated with undying interest of people to the names, of knowing their values and influence on the destiny of a person, his behavior in society. One reason for the "longevity" of the Turkic anthroponymic system is its close connection with the stable ancient ethnic traditions, which are manifested in respect for ancestors and their names. Anthroponymy gives plentiful and unique material for the studying of relic word-formation models and ethnic history. In the Turkic linguistic world-image the principle of anthropocentrism is retained even when the price of human life is leveled, and the society elects other value systems.

Key words: anthroponymic system; name-formation; naming; New Turkic era; ancient Turkic and Kypchak anthroponymy; identification

Statement of the problem. The development of anthroponyms plays a huge role in the life of Turkic people by virtue of historical prerequisites. As a result modern Turkic anthroponyms represent undoubted interest. Today onomasiological aspect of a proper name is more evident in the functioning of language, as long as proper names appear in naturally-sounding language [1]. "Firstly, man must learn to generalize and create words for describing common concepts, and then master the technique of distinguishing between homogeneous phenomena and objects of the same class, and learn how to call individual things" [2, p. 6].

Modern linguistics defines language as a complex symbolic system [1, p. 7]. Proper names are ones of the most important parts of this system. Man lives with own name all his life. It is a kind of replacement of the person in the family and in other spheres of communication. History of the Turkic peoples is extremely rich and diverse. Turkic tribes at certain stages of its historical development had contacts with other ethnic groups, which is reflected in the language and history and have left a noticeable trace in the culture of the people, particularly in the tradition of naming.

A modern approach of studying language brings together linguists, psychologists, sociologists. The relevance of anthropological research system is interfaced with undying people's interest to names. As a bridge of all sides of integrated consideration of the name's place in the structure of self-consciousness and the evolution of anthroponymy we put forward the principle of the Dialogic name. Thus, the relevance of the research determines that the focus is man as "the Creator of names" (the term of Yu.N. Karaulova).

Presentation of the author's position. The study of names prevailing in Kazakhstan has a long history, during which the richest actual material is introduced into the scientific turn, it is also obtained detailed system and structural description from the standpoint of history, semantics, the functioning of different types of anthroponyms in different types of discourse. Choosing a name is one of the components of constructing personality, which overcome limitations of biological sex; ethnicity is not necessarily manifests itself through the name. In our view, the identity of the person and his name are identical to each other. The name that a person receives after birth, immediately getting accus-

tomed to it, also is deposited in his subconscious for all his life and becomes unique identification code of his personality. Extending the theory of identity, we would like to note that in Turk ethnic group personal name has additional assignment. Turkic people believe while choosing a personal name parents put energy program in their child, which has requirements and wishes that determine its future. The identity of name and destiny of man, not only of his personality, is a fundamental thesis in the Turkic world map. Proper name has a great number of cultural information, as a reflector of ethnic and aesthetics sides that are installed in a particular society. It is connected with different periods of socio-cultural life, which is characterized by stereotyped overview of name's functions in society, and which also reflects the events of the political or spiritual life of the country. In the linguistic world-image the principle of anthropocentrism is saved, even when human's life depreciates in society and it is elected by the other values. The proper name of a man is so widely discussed in different fields that further study is possible only with the involvement of data accumulated by linguistics, philosophy, sociology, cultural studies.

If we appeal to anthroponymic system from the position of human consciousness, connection of individuals' speech-thinking activity with its extra linguistic environment allows us to study the underlying processes of anthroponymical dynamics of Turkic peoples. Modern anthroponymy is the result of long linguistic and cultural activities of people. That is why it is necessary to consider the integrated nature of anthropological research and a number of additional linguistic and extra linguistic factors. The anthroponym is a component of lexical-semantic language system by itself and as part of interacting with a nominal lexical unit, often preserving in its structure the basics of already lost appellatives. Anthroponymy gives a unique wealth material for studying relic word-formation patterns and ethnic history.

Presentation of the basic material. The ethnic structure of the Turkic groups in ancient period with ancient Turkic, ancient Kipchak ethnic groups, Oguz-Kipchak tribes, Ugric, and later their close contacts with the Volga Tatars, Bashkirs, Bukhara, Kazakhs, who have significantly influenced on their naming [3, p. 5]. The most ancient components of modern Turkic an-

thropological system are ancient Turkic, Kipchak, Bulgar-Kipchak names. Later Turkic anthroponymy evolved under the influence of the names used by the peoples who was a member of Eastern Association: Tuvians, Yakuts, Hakas and Mongols. For example, the Turkic name like *Chalabai* has a base as *Chala*, *Cala*, which is saved in Tuvan language: Tuvan verb *Chala* ascend to Mongolian *zala* "send", "to be sent by God", and the noun *Bai* has a meaning as "prophet", "prophet of God". The presence of anthroponyms of Mongolian origin is historically conditioned because in the early XVII century large masses of the Western Mongols occupied the territory along the banks of the Ob, the Irtysh Rivers. Culture of naming in modern Turkish family is characterized by saving traditions, peculiar to the Turks in the late XIX century.

National anthroponymy is a complex system uniting a number of subsystems built on word-formative, semantic, or communicative principles. It has such subsystems, which are composed of the names, joint by similar or opposite meanings of their bases. Certain mental and linguistic patterns of a general nature are shown on their development. Ideal of all onomastic researches is fully view of anthropological system, "throughout its movement, from its origins to the prospects. It is completely impossible, but it can be approached from one side, putting one upon the other synchronic slices, and on the other side – linking the traceable diachronic changes of certain anthropological phenomena" [4, p. 51]. Indeed, if we have different objects of study within one object, synchronic and diachronic analyses "supply each other and give the opportunity to see "momentary" life of language and its life in time" [5, p. 92].

The fundamental remark belongs to V.A. Nikonov: "Only in the perspective of time and space we can see the dynamic of names: some trends are general, identifying, others are secondary and subordinate, and some are directed against the flow" [6, p. 26]. New in the list of names is not only the appearance of names, which were not before, but the change of frequency of older names. Analysis of historical data contributes to better understanding of the anthropological system, as it is the result of long development. The presence of historically developed and continuously developing case of anthroponyms on the one hand, and the oppor-

tunity to reflect on the name, choose it for a newborn, and then vary its naming on the other, determine the perspective of anthroponyms as existing “outside of human” and “inside of human”. But only in recent years, the anthroponyms are considered from the point of view of identifying the actual perception of the name of a particular linguistic-cultural community member. Semantics of naming is almost independent of the differences between languages. Male names which mean wish of power, courage, agility, common to most peoples. The wish-name *Tumer* (mong.-bur. *Tumer* “iron”) is found in many formant names of the Mongol khans: *UlzYTE Tumerhaan*, *Esun Tumerhaan*, *Tub Tumerhaan*, *Tuges Tumer Usgalhaan* and etc. Nowadays, many of these anthroponyms function are in a list of names of Turkic people, due to either genetic proximity of the ancient tribes, or by long contacts, which perhaps causes the community of anthropological lexicology. When we decode names, we must pay attention that generic names can have a totemic character: tur. *Kubdut* “billfish”, tur. *Khudai* “God”, tur. *Albin* “dog” (mong.-bur. *Galzut* “rabid, mad dog”, mong.-bur. *Sharayit* “red dog”, mong.-bur. *Bodongut* “wild boar”), have connection with place names (tur. *Huasai* ‘people of the bright plain’, tur. *Khargana* “the men of the place, which is rich with garganicum”). We distinguish three parts of anthroponyms in anthroponymic system. The first part is the names inherited from the Kypchak Turkic and medieval ethnonyms and anthroponyms. The second part is the names of the Islamic period, which were developed in the new Turkic era. The third part is the names borrowed from anthroponymical contacts with Turkic peoples.

At different stages of the evolution of society its anthroponymic system functioned there. The old Turk and old Kypchak anthroponymic systems existed on the basis of the ancient Turkic language. Formation and development of anthroponymic system are connected with the cultural traditions of the Turks, Kipchaks, Bulgars, Uighurs, and Karluks. Tribal names, ethnic anthroponyms of Turks allowed us to determine the language as a basis of anthroponymic systems. Confluence of tribes and clans was in medieval Turkic period (X–XV centuries), and led to formation of a single spiritual and material culture and it is the reason of functioning of Turkic anthroponyms of different origin. Turki-

zation and Islamization by the Golden Horde also had a great impact on anthroponymic system of Turks. Medieval Turkic period can be divided into three chronological stages: the Bulgarian stage (X–XIII centuries) as period before the Golden Horde, the Golden stage (XIII–XV centuries), and period after the Golden Horde or the Tatar Khan’s period (the middle of the XV – XVI centuries).

The modern system of Turks’ names is characterized by the presence of Turkic and Arab origin anthroponyms. The entrance of Muslim names continued for several centuries. The reason is the confrontation between the local paganism and the new religion. After studying the historical documents, F.Kh. Gilfanova concludes that contact of population of the Irtysh River basin with Islam took place from the first half of the XV century, when Muslim religious teachers began to arrive there, and before the reign of Khan Muhammad Shaybani. “Acquaintance with Islam” was enforced. Ishan Bagautdin gave order to sheikhs “to organize ... the great war for the faith” with Tatars, “who have not true faith and true concepts and who bowed to dolls” [7, p. 78-79]. In the second half of the XVI century, during the reign of Khan Kuchum, the Siberian khanate has already become a Muslim country. During the XV–XVI centuries there was a wave of Islamization of the population in this area, but among some groups Islamization was unclear until the XVIII century. Many scientists have an opinion that Islam was spread secretly by mullahs since 1720, because in the middle of the XVIII century the most part of Siberian Tatars have not yet adopted Islam, and finally it has been established in the first half of the XIX century. Relatively to the depth of entrance of Islam in the masses, the study of anthroponymic system of the Turks gives the following picture. Tatars first accepted Islam (the middle of XVIII century), and Tobol and Tumen Tatars – in the end of the XVIII century, barabins – in the early of the XIX century. In this case, the adoption of Islam occurred consciously, parents who were well-educated and studied Koran could give to a child an Islamic name. Indeed, despite the early beginning of the Turks’ Islamization, it could not become fully Islamic because remnants of the pagan faith still exist in the present days.

F.Kh. Gilfanova identifies the following stages of Turks’ Islamization: first stage: the

middle of XV–XVI centuries – the first wave of Islamization, “Acquaintance” with Islam was compulsory by ishanes, sheiks, and devout Muslims of the East; second stage: XVII – the middle of the XVIII century, assimilation of Islam, it was spread out relatively peacefully. It is attached evidently to Muslim primary schools, mosques and secondary schools, as well as Muslim or Arab culture which is called “Eastern culture”; third stage: the middle of the XVIII–XIX century – there is a natural Islamization of population [7, p. 188-194]. A powerful incentive to the adoption of Islam faith was forced by Christianization of Turkic-Tatar people in the first quarter of the XVIII century [8, p. 12-18]. The analyzed anthroponymic systems of the three large groups in the pre-Islamic and Islamic periods indicate the ability of self-preservation of their ancient Turkic anthropological system with its semantic structure and list of anthroponyms. The main extralinguistic reason of “longevity” of the anthroponymy is very closely connection with the ancient ethnic traditions, which differ with its stability, viability and patriarchal consciousness of the Turkic people. All of this is manifested in the processes of onymization of place-name elements in personal names. Pre-Turkic anthroponymic system has formed at a time when the ancient Turks practiced pagan religions.

Actually the main linguistic reason of safety of anthroponyms is the direct connection of the Turkic anthroponyms with the Turkic appellatives: nouns, adjectives, numerals, verbs. Also it is worth to note the productivity of phonetic indicators, word-formative means and structural antropomodels which are used in the formation of proper names.

Modern Turkic proper names are connected with traditional names of nature objects: a) celestial bodies (Ai, Koyash, Nur); b) the names of metals and minerals (Altyn, Tash, Timer, Chuertash); c) nicknames, and the names of animals (Arslan, Karmishak, Kochek, Kuchkar); d) verbal designation of labor instruments (Balta, Bulat, Saban, Urak); e) designation of social and family relations (Abishka, Bai, Murza); f) verbs of state, desires (Kil, Kalsin, Torsin, Tuktasin, Ulmas, Yashasen); g) color lexicology (Akkosh, Karabai, Karabash, Saribai).

Phonetic structure of names reflects the peculiarities of adverbs, dialects and sub-dialects, which are described in Turkic dialectology. A

particular dialect of adverb genetically traced back to its ancestral (tribal dialect). Tatars have saved in the ancient list of names, mainly Kipchak features as well as Oghuz and Karluk. Barabarian avderb is probably the origin of ancient Turkic-Kypchak-Bulgar and reflects features that are similar with the dialects of Uighurs and Karluks. Of course, systems of ancient ancestral and tribal dialects in the process of its development acquired innovations due to external reasons – influence of the neighboring languages. For comparison of vocals in the sound shell of the anthroponyms, which had ancestral and tribal origin in groups with native phonological structure of the Turkic languages, in the center of the system of vowel phonemes were the names of the considered groups, on the periphery were phonemes, which absent in other groups. Consequently, the structure of vocalism in anthroponyms of three groups mainly was saved, and detected deviations did not change the phonological structure and did not change the vocalism. Interchange of consonants of anthroponyms in comparison with the system of consonants in the Turkic languages is found in initial and final positions of consonants. In the centre of the scheme were found similar *p/b* (front, labial, clean, occlusive), *t/d* (average, teeth-alveolar, occlusive), *k/g* (occlusive), *ts/ch* (average, teeth-alveolar) instead of *h/g* in the Turkic languages – *h/k* in the list of names of three groups of Tatars [8]. Formation of the Turkic tribes was ended in the Altai era, for languages which were characterized by the presence of phonemes *z/sh/s*. Thus, comparing individual facts of language we must take into account all the difficulties of establishing genealogical relationships and the difficulty of determining relative degree, and in this regard, it is difficult to date particular phonetic, lexical and grammatical phenomena or process.

After analyzing the phonetic and morphologic structure of the earliest origin of anthroponyms, we can say that there are two main discharges of proper names: simple and compound anthroponyms, which are nominal or a verbal stem. Simple in its morphemic structure anthroponyms, in their turn, are divided into simple non-derivative (without affix) and simple derivative (with affix) anthroponyms. Simple non-derivative (without affix) anthroponyms are appellative proper names, which are not able to further morphological segmentation, id est an-

throponyms formed from the root of non-derivative bases. Simple non-derivative anthroponyms are the most ancient in the list of Turkic names, as they are associated with the tribal era of society development: *Alasha* – “nag”, *Chura* – “slave”. These are proper names which arose on the basis of appellatives.

Simple non-derivative proper names constitute the majority of the nominative units in comparison with simple derivatives (affixal) anthroponyms. This is probably due to the ease of use of such anthroponyms in everyday life, and encourages their high productivity. After calculating simple and compound anthroponyms we found out that nominative signs without affix have an advantage in ancient anthroponymic system. The simple non-derivative anthroponyms are names like: *Atsik* – “overt”; *Bakir* – “copper”; *Balta* – “ax”; *Bulyak/Pulyak* – “present”; *Eget* – “fellow”; *Keche* – “junior”; *Kochek* – “puppy”; *Kuchkar* – “sheep”; *Kubyak* (anc.-bulg.) – “dog”; *Kunak* – “guest”; *Sabir* – “patient”; *Timer* – “iron”; *Urman* – “forest”; *Urak* – “sickle” and so on.

The social and political life of the USSR did not have enough deep impact on the tradition of choosing name. Names borrowed from Arabic and Persian are firmly fixed into the vocabulary of the Turkic languages for three hundred years. Historicism of proper names is unconditional, because in many cases onymistic vocabulary saves traces of the disappeared words which are not currently used. The description of the historical aspects of the nomination is of great interest for the study of the motives of naming. 1920–1930 are the period of political and ideological orientations’ change which is characterized by the creation of names-neologisms [3, p. 51-53]. It is enough to recall such names as Vladilen (Vladimir Lenin), Gertruda (hero of labor), Isolda (from the ice), Kim (Young Communist International), Mai, Maya, Molot, Mels (Marks, Engels, Lenin, Stalin), Oktyabrina, Renata (revolution, science, labour), Stalina, Traktor, Hubishal – “revolution”. However, giving such names was rare.

According to O.N. Novikova, in the process of socialization people learn the system of names in the totality of their sociolinguistic and psychological implications as part of the culture. The name acts as a social sign. The presence of fund of the names implies stable stereotypes of collective evaluation, normative symbols of so-

cioethic identification. The stereotypes of proper name, paradigms of the images of consciousness are understood as ways of perceiving names, ensure the consistency of this perception at the level of culture as a system of consciousness, associated with a specific ethnic group. The scientific tool with which we can consider the complex play of factors which are important for the interpretation of complex of encoded different ways information can be expressed in the format of the opposition “own”/“alien”, forming cognitive frame of perception, of name of the individual. “Own” character of name is fixed by tradition. “Different”, “unusual” pulls out from the comfortable, familiar stereotypical perception of a person through his name, thus forcing people to change something in themselves. The basis of this process is a predictive character of the name: familiar leads to familiar images and associations. Choosing the name is mediated by historical context, cultural preferences of family members. Through the name they express their will, man who gave a name acts as the Creator who programs the fate of the newborn by using the name, gives him the patron from the number of ancestors, famous persons or from any positive forces; there are fixed memorable places, phenomena, events in the name. Thus, the name acts as a translator of family and/or personal values [9, p. 36-41].

The most Turkic elements in the composition of proper names are observed among the naimans and kereits who saved a strong influence of ancient Turkic culture in the speech, especially through religion. In “Secret legend...” there are following proper names of the naimans and kereits.

1. *Altun-Ashuk* (< anc. tur. *altunashuk* – “golden ankle” or “golden helmet”).
2. *Kuchuluk* (< anc. tur. *kuchlug* – “strong”, “powerful”).
3. *Yedi-Tublik* (< anc. tur. *yeditugluk* – “seven banners”).
4. *Inancha – Bilgekan* (< anc. tur. *Inanchubilgekan*, anc. tur. proper names *Bilge-Kagan*, *Kulbilge han*, *Inanchubilge*, *Inanchuchur*; there *inanchu* < anc. tur. *inanch* – “faith, trust” is used as a title; anc. tur. *inan* – “to believe, to trust”; *bilge* – (< anc. tur. – “wise” – from anc. tur. *bil* – “to know, to be able to”).
5. *Sangum* (< anc. tur. *sangun* – military title).

6. *Elku-tur* (< anc. tur. there are two anc. tur. words: *el* and *kutur*, where *el* – “tribal union, people” – is often met in anc. tur. proper names, for example, *El buga*, *El Temyur*, *El Chur*; and *kutur* is phonetic form of anc. tur. *kutuz* and has the meaning “exuberant, wild”).

7. *Guchugudun-Buiruk-kan*, *Buiruk-kan*, *Kurcha-kus-Buiruk-kan* (there is the element *Buiruk* which is anc. tur. *yiruk*, *buiuruk* – “mandatory”, also is used as a title; from anc. tur. – “to order”).

8. *Olukeyasun* – “dead bones” – from tur. *Olue* – “dead” from anc. tur. “to die”.

9. *Orok* – anc. tur. *oruk* – “way”. In modern Turkic languages the word *oruk*, *orok* – “way” as a lexeme has a meaning as *band*. Thus Turkism explains the expression *orokshinkula* as “white horse with black band on the back”.

10. *Uturaku* – “to go in front of everybody” < anc. tur. *uturu*, *utru*, *utra* – “next to”. Anc. tur. *utrin*, *utrun* – “to counteract”.

11. *Uchumak* – the name of arrow type, perhaps origins from tur. – *uch* – “to fly”.

12. *Karshi* – “palace”; *nouukukarshi* – “marching palace” < anc. tur. *karshi* – “palace”.

13. *Koastanokit* – “wonderful girls” < tur.-tuv. *kaas* – “smart”; hakas. *Haos* – “picture, pattern”; chul. tur. *koos*, *kuas* – “beautiful”; *kaastig* – “smart, beautiful, patterned”.

14. *Kosh* – “house”; *koshilik* – “tent, yurt”; tur. kirg. *kosh* – “spare yurt”; turkm. *gosh* – “camp”; chagat. *kosh* – “nomad camp”; anc. tur. *kosh* – “spare”. In modern Mongolian languages this word can be met in Kalmyk, where it exists in form of *hosh* and has the meaning – “temporary camp”, also “second yurt (after the main)”.

15. *Terme* – “holiday marquee”; bashk. *tirme*, nog. *terme yui*, tuv. *terbeog* – “felt yurt”; kirg. kaz. *terme*, uzb. *terma* – “prefabricated”. There is *ter* on the base of all this word – “to collect”.

16. *Mong* – “upset” < anc. tur. *mung* – “suffer, need, care”.

17. *Chaka* – “baby” tur. *chaka*, bashk. *saga*, tat. *chaga*, kirg. *chaka*, kaz. *shaga* – “baby”; mong. *tsah* – “baby”.

Conclusion. The study of anthroponymic system of the ancient Turks on the material of ancient Turkic written monuments testifies the fact that the proper name reflects the ethnic and esthetic installation of the society in different periods of its socio-cultural, political and spiritual life. Analysis of anthroponymic systems of

three large groups of Turkic peoples in the pre-Islamic and Islamic periods indicates the ability of self-preservation of the semantic structure and the list of Turkic anthropological system units. Anthroponymy gives a unique rich material to study the history of the phonetic, grammatical and word-formation models of Turkic languages, their lexical and semantic history.

References

1. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 365 p. (In Russian).
2. Matveev A.K. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 292 p. (In Russian).
3. Dzhanuzakov T.D. *Ocherk kazakhskoy onomastiki* [Essay on the Kazakh Onomastics]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1982, 175 p. (In Russian).
4. Nikonov V.A. *Zadachi i metody antroponomimiki* [Problems and methods of anthroponymy]. *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem i budushchem. Problemy antroponomimiki* [Personal Names in the Past, Present and Future. Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 33-56. (In Russian).
5. Bondaletov V.D. *Dinamika lichnykh imen v 20 veke* [Dynamics of personal names in the 20th century]. *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem i budushchem. Problemy antroponomimiki* [Personal Names in the Past, Present and Future. Problems of Anthroponymy]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 92-106. (In Russian).
6. Nikonov V.A. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira. Vmesto vvedeniya* [Systems of personal names among the peoples of the world. Instead of introduction]. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of Personal Names Among the Peoples of the World]. Moscow, Nauka Publ. Main Editorial Office of Oriental Literature, 1989, pp. 5-10. (In Russian).
7. Gilfanova F.Kh. *Antroponomimiya sibirskikh tatar v etnolingvisticheskom aspekte (na materiale russkikh arkhivnykh dokumentov 19–20 vv.)*. Diss. ... dokt. filol. nauk [Anthroponymy of the Siberian Tatars in ethnolinguistic aspect (on the material of Russian archival documents 19–20 centuries). Dr. phil. sci. diss.]. Kazan, 2010, 370 p. (In Russian).
8. Makhripov V.U. *Imena dalekikh predkov (istochniki formirovaniya i osobennosti funktsionirovaniya drevnetyurkskoy onomastiki)* [Names of Distant Ancestors (Sources of Formation and Peculiarities of Ancient Turkic Onomastics)]. Almaty, Institute of Oriental Studies of Acad-

- emy of Sciences of the Republic of Kazakhstan Publ., 1997, 302 p. (In Russian).
9. Novikova O.N. *Tendentsii razvitiya britanskogo antroponimikona. Diss. ... doct. filol. nauk* [Trends in the development of British anthroponymycon. Dr. phil. sci. diss.]. Ufa, 2012, 435 p. (In Russian).
- Список литературы**
1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.
 2. *Матвеев А.К.* Ономотология. М.: Наука, 2006. 292 с.
 3. *Джанузаков Т.Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата: Наука, 1982. 175 с.
 4. *Никонов В.А.* Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики: сб. статей. М.: Наука, 1970. С. 33-56.
 5. *Бондалетов В.Д.* Динамика личных имен в XX веке // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики: сб. статей. М.: Наука, 1970. С. 92-106.
 6. *Никонов В.А.* Системы личных имен у народов мира. Вместо введения // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 5-10.
 7. *Гильфанова Ф.Х.* Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте (на материале русских архивных документов XIX–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 370 с.
 8. *Махрипов В.У.* Имена далеких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алматы: Институт востоковедения АН РК, 1997. 302 с.
 9. *Новикова О.Н.* Тенденции развития британского антропонимикона: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 435 с.

Received 30 January 2017

Поступила в редакцию 30.01.2017 г.

УДК 81-2

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ АНТРОПОНИМИКИ (НА ОСНОВЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ)

Урзада Абилкасимовна МУСАБЕКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркологии

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. Мирзояна, 2

E-mail: mussabekovaua@yandex.kz

Рассмотрено имя собственное древнетюркской антропонимики, которое включает в себя культурную информацию, являясь отражением этнических и эстетических установок общества. Объект анализа связан с различными периодами социально-культурной жизни, характеризующейся стереотипными представлениями о функции имени в обществе, отражающей события его политической или духовной жизни. Предмет исследования – анализ антропонимических систем трех больших тюркских групп в доисламский и исламский периоды. Результаты работы свидетельствуют о способности самосохранения семантической структуры и перечня единиц древнетюркской антропонимической системы. Методы синхронического и диахронического изучения имен собственных позволяют перейти от описания частных закономерностей к обобщающим исследованиям антропонимических проблем в лингвистике, психологии и социологии. Практическая актуальность исследования сопряжена с неугасающим интересом людей к именам, познанию их значений, влияния на судьбу человека, его поведение в обществе. Одной из причин «долголетия» тюркской антропонимической системы является ее теснейшая связь с устойчивыми древними этническими традициями, которые проявляются в уважении предков и их имен. Антропонимия дает уникальный богатый материал для исследования реликтовых словообразовательных моделей и этнической истории. В языковой картине мира тюркских народов принцип антропоцентризма сохраняется даже тогда, когда цена жизни человека нивелируется, а общество избирает другие ценностные ориентиры.

Ключевые слова: антропонимическая система; имятворчество; имяназачение; новотюркская эпоха; древнетюркские и кыпчакские антропонимы; идентификация

Информация для цитирования:

Musabekova U.A. Linguistic research of ancient Turks anthroponymy (on the base of written monuments) [Лингвистическое исследование древнетюркской антропонимики (на основе памятников письменности)] // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 18-24.

Musabekova U.A. Linguistic research of ancient Turks anthroponymy (on the base of written monuments). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 18-24. (In English).

УДК 81'42

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА *УСПЕХ* В PR-МАТЕРИАЛАХ ИНДУСТРИИ МОДЫ¹

© **Марина Викторовна ТЕРСКИХ**

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Российская Федерация г. Омск, пр-т Мира, 55-А
E-mail: terskihm@mail.ru

Изучена специфика функционирования концепта *успех* в PR-текстах индустрии моды и модельного бизнеса. Отмечено, что в современном фэшн-пространстве в настоящее время важную роль играют не столько красивые девушки с обложки, сколько успешные и гармонично развитые личности. В связи с этим модельные школы включают в свои обучающие программы не только дефиле и работу перед камерой, но и публичную речь, этикет, другими словами, «продают» успех, личностный рост. Результаты, полученные в ходе исследования, подтвердили гипотезу о возрастании роли концепта *успех* в рекламной и PR-коммуникации, сопровождающей развитие модельного бизнеса. Опираясь на результаты дефиниционного, этимологического и паремиологического анализа концепта *успех*, ассоциативного эксперимента и контент-анализа текстов, сопровождающих рекламную и PR-деятельность омской школы-студии Татьяны Зарубиной, представлены различные семантические модели традиционного концепта *успех* и концепта, формируемого в процессе PR-деятельности. В ближней периферии смоделированного рекламными и PR-текстами концепта *успех* появились такие компоненты, важные для дискурса конкурсов красоты, как *патриотизм, здоровье, красота*. Ассоциативные поля в обоих вариантах концепта *успех* пересекаются с ассоциативными полями множества других концептов: *удача, счастье, слава, работа, деньги, семья, общество, жизнь* и др.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; концепт «успех»; связи с общественностью; мода; модельный бизнес

Необходимо признать, что в настоящее время медиадискурс (в частности, рекламные и PR-тексты) формирует собственную концептосферу, корректируя русскую национальную концептосферу в целом. С одной стороны, реклама и PR активно эксплуатируют базовые для русского национально-лингвокультурного сообщества концепты для увеличения эффективности рекламных обращений, с другой – осуществляют модификацию этих концептов, наполняя их структуру новыми компонентами, вызывая смещение ядерных и периферийных элементов.

В рамках данной статьи на примере анализа концепта *успех* мы постараемся показать, что структура общеязыкового концепта в рекламных и PR-текстах (на примере медиаматериалов омской школы-студии Татьяны Зарубиной) может существенно модифицироваться в зависимости от тех задач, которые ставит перед собой PR-специалист той или иной организации: в частности, периферийные компоненты общеязыкового концеп-

та могут занимать ядерное положение в полевой структуре такого рода «медиаконцепта».

Мода является одной из самых популярных сфер современной жизни. Мода – это привилегия избранных, постепенно ставшая массовой ценностью, культивируемой глянцевыми журналами и телепередачами: “Glamour”, “Burda”, “Shopping Guide”, “Cosmopolitan”; «Модельная школа ведьмы Дженис» (MTV), «Модный приговор» (Первый канал), «Полиция моды» (МузТВ), «Снимите это немедленно!» (СТС) и др. Регулярно проводятся выставки-показы и недели моды, вручаются награды в области моды (Астра, Золотая Игла, CFDA), в сфере фэшн-индустрии взаимодействуют модельеры, редакторы, критики, историки моды. В последнее время индустрия красоты и моды приобретает все больший размах. С каждым годом увеличивается число предприятий, занимающихся предоставлением «модных» услуг от образовательных (школы, студии, театры) до фотосессий и модных показов (агентства).

Как и на любом рынке, в модельном бизнесе возникает естественная конкуренция. И борьба в первую очередь ведется в

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00487 «Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов».

сознании потенциальной целевой аудитории: организации фэшн-индустрии так же, как и любые другие компании, пытаются «завладеть» значимым для представителей целевого сегмента понятием, сделать его основой дифференцирования.

Традиционно деятельность модельных агентств связывают с концептом *красоты*, он реализуется практически во всех текстах, продвигающих события в сфере моды. Однако в последнее время красота как главный движущий компонент фэшн-индустрии уходит на второй план, на ее место выдвигается стремление к личностному росту, к жизненному успеху, и данную тенденцию можно подтвердить, подвергнув анализу рекламные и PR-тексты школы-студии Т. Зарубиной.

Целью нашей статьи является не подробный анализ стратегии позиционирования конкретного предприятия, а исследование лингвокультурологической базы в стратегии позиционирования. В частности, нас интересует место концепта *успех* в продвижении модельного агентства и его потенциал.

Внимание данному концепту уделялось и ранее: в диссертации Н.Р. Эренбург изучается функционирование лексемы *успех* в новейший период русского языка [1]; Н.И. Адонина [2], Н.Д. Паршина [3], А.А. Андриенко [4; 5], Е.Н. Гончарова [6] в сопоставительном аспекте исследуют концепт «успех» в современной речевой культуре русских и американцев; научное исследование Е.Н. Хрыниной посвящено изучению концепта *успех* в немецком языке и корреляции успеха в разных лингвокультурах [7]. Функционально-прагматический анализ концепта “Success” проводится в работах В.В. Гурина и И.П. Петровой [8], Е.С. Колесник и С.Е. Чернобай [9]. В ценностном аспекте изучают данный концепт болгарские исследователи: Н. Иванова [10; 11], А. Георгиев, Г. Стайков, Е. Спахийски [12].

Работ, посвященных изучению концепта *успех* в столь узкой сфере, как модельный бизнес, не существует, тогда как сфера моды, индустрии красоты всегда занимала большое место в жизни общества и сегодня развивается довольно быстрыми темпами. Для развития модельного агентства в условиях конкуренции необходимо использовать наиболее эффективные средства продвижения, в том числе и коммуникативного характера. Соз-

нание человека может быть как одним из пунктов коммуникационного процесса, так и хорошим источником информации для разработки «правильных» текстов в целях позиционирования компании.

Успех, безусловно, является одним из базовых концептов русской национальной концептосферы. В языке данный концепт представлен ключевой лексемой «успех» и производными словообразовательными единицами «успешный», «успешность». Синонимами слова «успех» в русском языке можно назвать «достижение», «победу», «удачу», «завоевание», «триумф»; «счастье»; «признание», «фурор», «свершение», «торжество», «счастливый конец», «шаг вперед», «результат».

В толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в статье, посвященной слову «успех», находим: успех – 1. Удача в достижении чего-н. 2. Общественное признание [13, с. 840]. В толковом словаре Д.Н. Ушакова успех также определяется через удачу и признание: успех – 1. Удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели. 2. только ед. Признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-н., чьих-н. достижений [14].

Согласно английским толковым словарям успех (“success”) имеет два основных значения [15, с. 310].

1. Достижение цели.
2. Достижение социального статуса.

В «Кратком толковом словаре русского языка» успех рассматривается как положительный результат какого-либо дела, достижения в чем-нибудь и признание [16, с. 98].

Таким образом, на основании анализа словарных дефиниций мы можем сформулировать определение слова успех. **Успех – это чья-либо удача в достижении поставленной цели, получившая одобрение со стороны окружающих.** Данное определение позволяет нам далее выделить основные компоненты ядра концепта *успех*.

1. Цель (дело).
2. Удача, удачный исход.
3. Общественное одобрение, признание.

Этимология слова «успех», отраженная в этимологическом словаре русского языка Г.А. Крылова, говорит о его происхождении от русского церковнославянского глагола

«успети» (успеть). Буквально успех – «то, что смогли (успели) сделать» [17]. Этимологический словарь современного русского языка под редакцией А.К. Шапошникова объясняет современное значение слова «успех» связью с русским глаголом «спети» – «спешить, следовать за кем-л., нагонять, преуспевать, способствовать», а также с латинскими глаголами *spero, sperari* – «надеяться, ожидать» [18]. То есть имеет смысл говорить о взаимосвязи концептов **успех** и **надежда**, которая, кстати, находит выражение в современном клише «надежда на успех».

Производное от слова «успех» – «успешный» – имеет два толкования [14].

1. Закрывающий в себе успех (в 1 знач.), представляющий собой успех.

2. Делающий что-н. с успехом (преимущ. об учащемся).

В толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой зафиксировано одно значение слова «успешный»: «сопровождающийся успехом, удачный» [13, с. 840].

Другой производной является слово «успешность» – 1. «Отвлеченное существительное по значению прилагательного: успешный» [19]. Успешность предстает как способность и умение достигать успеха. Иную точку зрения можно заметить в статье Л.И. Дементий и Н.В. Лейфрид, посвященной современным представлениям об успешном человеке [20, с. 18-31]. Исследователи полагают, что понятие **успех** существует скорее для обозначения объекта достижения (материального или духовного), тогда как успешность – понятие, отражающее внутреннее ощущение человека, осознание им своего успеха. Все дело в психологии: при незначительных достижениях человек может чувствовать себя вполне успешным, и наоборот, успешные люди не всегда счастливы. Это рассуждение, возможно, объясняет наличие в сознании людей такой ассоциации с успехом, как «несчастливый человек».

Пословицы и поговорки, сохранившие исконную философию русского народа, могут существенно помочь в описании интерпретационного поля (периферии) концепта **успех**. Так, для достижения успеха человеку традиционно необходимы некоторые качества:

– **смелость, инициативность** (*Успех всегда оправдывает смелость; Волков бояться – в лес не ходить; Кто смел, тот и*

сдел; Кто смерти не боится, того пуля сторонится; Лиха беда начало; На ловца и зверь бежит; Смелость города берет);

– **талант** (*По таланту и успехи; Хочешь жить – умей вертеться; Золото и в грязи блестит; Он и из комара сделал бы вола*);

– **терпение** (*Вспыльчивость успеха не принесет; Кто словом скор, тот в делах редко спор; Поспевай, не торопясь; Поспешишь – людей насмешишь; Не говори гоп, пока не перепрыгнешь; Терпи, казак, атаманом будешь*);

– **трудолюбие** (*Без усилий нет успеха; Одно усилие – два успеха; Вниз вода несет, а вверх кабала везет; Дорогу осилит идущий; Кто рано встает, тому бог подает; Не сиди на печи – будешь есть калачи; Любишь кататься – люби и саночки возить; Сиденьем города не берут*);

– **командный дух** (*Все за одного, а один за всех, тогда и в деле будет успех; В семь рук и дело спорится*);

– **оптимизм, вера в успех** (*За каждым спуском есть подъем; Каков настрой – таков покров; Кто и в горе смеется, тому все удастся; От слез и плача бежит удача; Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом; Будет и на нашей улице праздник*).

На основании приведенных примеров можно сделать вывод о том, что концепт **успех** находится в тесной взаимосвязи с концептами **дело, смелость, талант, терпение, усилие (труд, работа), удача**.

В других поговорках отмечаются качества, присущие успеху: **непостоянство** (*Временем в горку, а временем в норку; Последняя удача лучше первой; Удастся так коврижка, не удасться – так крышка*), **массштабность успеха, его превосходство** над мелкими обстоятельствами, оправданность средств целью (*Когда в работе успех, и перекур не грех; Хоть шуткой, хоть смехом, да было бы дело с успехом; Горька работа, да хлеб сладок*), **ценность** успеха (*Лучше в малом удача, чем в большом провал; Лучшие погибнуть, да победить, чем живым, но битым быть*).

Пословицы отражают также и негативные стороны успеха, когда «игра не стоит свеч»: *Один генерал добился успеха, а кости тысяч солдат гниют; Лучшие лев во главе*

стада баранов, чем баран во главе стада львов; С высокого места больно падать.

Для выявления конституирующих признаков концепта *успех*, значимых для современных носителей русского языка, мы провели свободный ассоциативный эксперимент. Метод ассоциативного опроса выбран по причине его простоты, возможности большого охвата аудитории и информативности. Ведь «ассоциации могут сказать нам очень многое о тех неосознаваемых структурах, в которых мы мыслим окружающий нас мир» [21, с. 194].

Респондентам предлагалось назвать ассоциации, которые вызывает у них слово-стимул «успех». В опросе приняло участие 50 студентов высших учебных заведений г. Омск: юноши и девушки в возрасте 18–23 лет, для которых русский язык является родным. Выборка основана на стремлении исследовать сознание тех носителей языка, которые в ближайшее время будут определять языковую и культурную среду нашего общества. Результаты исследования представлены (наиболее частотные реакции) в табл. 1.

Таким образом, анализ реакций на слово-стимул УСПЕХ показал, что для современных носителей русского языка наиболее значимыми являются следующие семантические компоненты исследуемого концепта: **материальный достаток, удача, дело, карьера, счастье, слава (известность), достижение цели, семья, стабильность, любовь, самореализация, общественное признание.**

Более полной картина становится после сравнения полученных результатов с данными «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю.Н. Караулова и др. [22, с. 693]. В нем представлена 561 реакция на слово *успех*. Среди них большую часть занимают ассоциации, связанные с количественным определением успеха: **большой, огромный, колоссальный, полный.** Затем следует группа слов, находящихся в синонимических и гиперо-гипонимических отношениях с ассоциативным полем концепта *успех*: **удача, радость, победа, провал, поражение, счастье, достижение, в обществе, в делах, в любви** и др.

Таблица 1

Результаты ассоциативного эксперимента

Реакции на слово-стимул УСПЕХ	Количество ответов	Реакции на слово-стимул УСПЕХ	Количество ответов
Деньги, средства, богатство	24	Костюм	2
Удача, везение	19	Мужчина	2
Работа, труд	15	Общество, общественный	2
Счастье, радость, удовольствие, веселье	15	Предприимчивость	2
Карьера, карьерный	13	Признание	2
Известность, популярность, слава	9	Идея	1
Достижение	7	Лидер	1
Благополучие	5	Овации	1
Семья, семейный, дети, замужество	5	Рост	1
Победа	4	Спокойствие	1
Стабильность, постоянство, устойчивость	4	Шарики	1
Любовь, в любви	4	Друзья	1
Цель, цели	4	Соревнование	1
Бизнес, в бизнесе	3	Несчастливый человек	1
Власть	3	Награда	1
Деловой	3	Возможность	1
Дом	3	Активность	1
Самореализация	3	Взлет	1
Судьба, фортуна	3	Самоудовлетворенность	1
Усердие	3	Усилие	1
Желание, стремление	2	Свобода	1
Жизнь	2	Развитие	1
Игра, в игре	2	Зависть	1
Учеба, университет	2	Фурор	1
Талант	2	Доверие	1
Успеть	2		

Анализ ассоциативного тезауруса показал также, что концепт *успех* предстает в национальном сознании в неразрывном единстве с другими концептами. В рассматриваемом ассоциативном поле эксплицируется последовательное пересечение следующих концептов:

- **успех и удача**: удача, удался, блеск, выигрыш, ура, неожиданность, случай;
- **успех и счастье**: счастье, счастливый, радость, цветы, блаженство, смех, улыбка;
- **успех и работа**: дело, в делах, работа, в работе, в труде, в предприятии, карьера, по службе;
- **успех и слава**: слава, грандиозный, ошеломляющий, вскружил голову, артист, овация, почет;
- **успех и деньги**: деньги, выигрыш, проигрыш, хлеб, шампанское;
- **успех и победа**: победа, поражение, достижение, триумф, достигать;
- **успех и семья**: дочери, семейный;
- **успех и общество**: в обществе, уважение, люди, мероприятия;
- **успех и жизнь**: в жизни, первый, жизненно, жизнь;
- **успех и театр**: театр, артист, актер, актрисы, спектакль, роль, аплодисменты, труппы, сцена.

Значительную часть ассоциативного поля концепта *успех* составляют ассоциации, связанные со **степенью и величиной** успеха: полный, большой, огромный, потрясающий, блестящий, шумный, ошеломляющий, безусловный, головокружительный, крупный, необыкновенный, неслыханный, оглушительный, сногшибательный, заурядный, стопроцентный, а также ассоциации, указывающие на **скорость достижения успеха**: быстрый, долго, моментальный, надолго, наспех, неожиданный.

Анализ словарных дефиниций, текстов паремиологического фонда, работа с данными «Русского ассоциативного словаря» [22, с. 693], результаты ассоциативного эксперимента позволили нам представить содержание концепта *успех* в виде графической модели, отображающей ядро и периферию (ближнюю и дальнюю) данного концепта (рис. 1).

Анализ ряда рекламных и PR-текстов, инициированных школой-студией Т. Зарубиной (всего 78 текстов), позволяет сделать вы-

вод о том, что концепт *успех* часто реализуется через концепт *победа*: «Состязания для состоявшихся леди будут проходить в нашем городе впервые, а *победительница* отправится в Москву *бороться* за звание «Миссис Россия 2009»!» («Неслабый» конкурс // Аргументы и факты. 2009. 26 сент.); «Она *завоевала* высшую награду – гран-при конкурса» («Неслабый» конкурс для слабого пола // Комс. правда, 2010. 28 сент.).

Таким образом, состязания на подиуме приравниваются к военным действиям или к спортивным соревнованиям: здесь сражаются, состязаются, борются за победу, одерживают победу, получают шанс на победу. Концепт *победа* является одним из наиболее продуктивных при конкурентном позиционировании компании.

Кроме того, на основе соотнесения данных ассоциативного эксперимента и исследования текстового материала можно выделить следующие компоненты концепта *успех*.

1. **Радость/Счастье** (выражается посредством таких лексических единиц, как *праздник, приятно, приятный, волнительный, чувство, чувствовать, прекрасный, счастливый* и др.): «Конкурс «Миссис Омск» – это праздник, который вызовет в каждой участнице самые приятные чувства» (из пресс-релиза для конкурса «Миссис Омск»); «11 лет жюри конкурса «Российская Женщина» выбирают *счастливцу*, которая по праву получает титул самой красивой женщины страны» (<http://omsk.cityparty.ru>, 22.10.2010).

2. **Награда** (репрезентируется лексемами *награда, награждать, чествовать, чествования, овации, вручить, титул, звание, номинация, приз, гран-при* и др.): «Завораживающее зрелище, которое происходило на сцене на протяжении почти трех часов, закончилось бурными овациями и *чествованием победительниц!*» (<http://www.biletomsk.ru>, 15.03.2010); «Она *завоевала высшую награду* – гран-при конкурса» («Неслабый» конкурс для слабого пола // Комс. правда. 2010. 28 июня).

3. **Борьба** (репрезентанты – *состязания, репетиции, бороться, оценивать, блистать, лучшие* и др.): «Состязания для состоявшихся леди будут проходить в нашем городе впервые, а *победительница* отправится в Москву *бороться* за звание «Миссис Россия 2009»!» («Неслабый» конкурс», анонс // Аргументы и факты. 2009. 26 сент.).

4. **Самореализация** (репрезентанты – раскрытие, опыт, талант, достойный, продемонстрировать и др.): «Раскрыть таланты и продемонстрировать достоинства сможет каждая замужняя дама» (<http://www.omsk.cityparty.ru>, 22.10.2009); «Формат фестиваля позволит конкурсанткам продемонстрировать не только свои внешние данные, но и внутреннюю красоту» (из положения о конкурсе).

5. **Пrestиж** (репрезентанты – престижный, известный, пример, светский, задать новые стандарты и др.): «В разные годы победительницами конкурса становились женщины, которые собственным примером пропагандируют вечные ценности семьи и материнства» (<http://www.otdohniromsk.ru>, 03.09.2009); «Проект «Юная Жемчужина Европы и Азии – 2010» – это престижный конкурс, в котором принимают участие девочки от 6 до 16 лет из России, Испании, Израиля, Польши и других стран дальнего и ближнего зарубежья» (из коммерческого предложения).

6. **Праздник** (репрезентанты – праздник, костюм, волшебный, карнавал и др.): «Создать незабываемый праздник – задача настоящего волшебника» (<http://www.akademius.ru/>); «Выбор «Миссис» – праздник и традиция, существующие в большинстве городов мира» (из положения о конкурсе).

7. **Талант** (репрезентанты – талант, талантливый, творческий, творчество, способности, потенциал, раскрыть, проявить, индивидуальность, фантазия, искусство и др.): «Конкурс красоты, гармонии и таланта «Мисс Сибиря 2009»; «Продюсерский центр «Академия успеха» – творческое объединение, в котором трудятся талантливые люди» (<http://www.akademius.ru>).

8. **Известность**: «Будем надеяться, что наши омички достойно выступят в Москве и, возможно, их пригласят показать себя в Голливуде!» (<http://www.biletomsk.ru>, 15.03.2010).

Структура концепта *успех* в PR-дискурсе модельного агентства с учетом всех вышеперечисленных семантических компонентов представлена на рис. 2.

Успех личности складывается из разных компонентов. Школа Т. Зарубиной формирует образ успешной личности и, прежде всего, успешной женщины, поскольку основной целевой аудиторией агентства являются женщины, девушки, девочки. Итак, этот идеальный, гармоничный образ представляет собой образ «...активной, образованной, духовно развитой, красивой семейной женщины, ориентированной на успех в личной и профессиональной сферах, верящей в свои силы, предпочитающей здоровый образ жизни, любящей свой город, регион, страну»

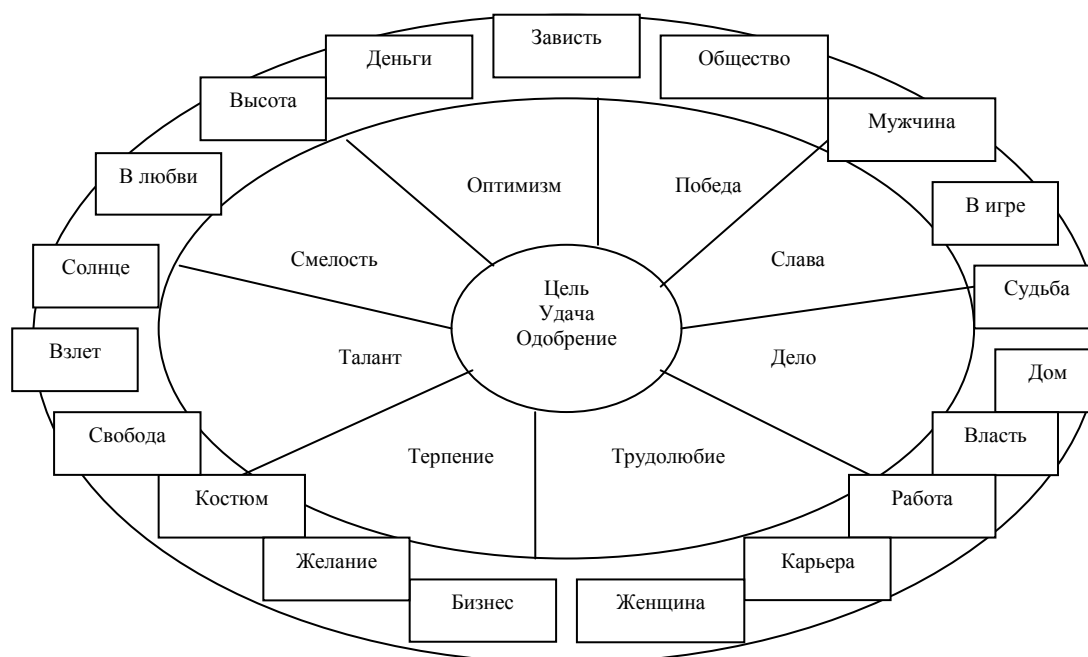

Рис. 1. Модель концепта *успех*

вполне конкретные представления об успешной женщине: *модель, мать, личность*, в то время как номинативное поле традиционного концепта *успех* составляют абстрактные компоненты *цель, общественное признание, удача*. В ближней периферии смоделированного рекламными и PR-текстами концепта *успех* появились такие компоненты, важные для дискурса конкурсов красоты, как *патриотизм, здоровье, красота*. Ассоциативные поля в обоих вариантах концепта *успех* пересекаются с ассоциативными полями множества других концептов: *удача, счастье, слава, работа, деньги, семья, общество, жизнь* и др.

2. Концепт *успех* в рекламной и PR-коммуникации является гиперконцептом по отношению к концептам *победа, талант, известность* и др. и часто репрезентируется через лексемы, объективирующие данные концепты. Таким образом, можно говорить о сложной структуре концепта *успех* и многоаспектной системе его репрезентации в рекламной и PR-коммуникации в сфере фэшн-услуг.

3. На основании подробного исследования структуры концепта *успех* в массовом сознании россиян и репрезентации данного концепта при позиционировании модельной школы-студии мы можем сделать вывод о различии в существующем и желаемом образе успеха применительно к сфере фэшн-индустрии. Так, главной составляющей модельного бизнеса традиционно считается внешняя красота. Современные модельные школы ломают этот стереотип в сознании потребителей, приглашая их «стать успешными личностями», что включает себя не только красоту, но и определенный набор внутренних характеристик человека.

В целом результаты исследования позволяют отметить, что концепт *успех* характеризуется большим числом языковых единиц-репрезентантов, расширением синонимического ряда, что является отражением роста популярности денотата концепта. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о том, что концепт *успех* в новейший период развития языкового сознания представляет собой один из актуальных, базовых, знаковых концептов современной русской концептосферы.

Исследование функционирования концептов в рекламной и PR-сфере является

сравнительно новым и перспективным направлением в современной лингвистике. Поскольку реклама и PR в известной степени основаны на теории воздействия и используют ее методики изменения ментального пространства аудитории, то весьма важен учет таких когнитивных структур, как концепты, стереотипы. Их изучение позволяет создать текст, близкий и понятный по духу целевой аудитории. При этом возможно затушевывание одних сторон концепта и акцентирование других в зависимости от целей и задач рекламистов и специалистов по связям с общественностью. Целью может быть как рыночное продвижение товара, услуги, так и формирование новых идеологических установок, ценностных ориентаций в сознании современного человека.

Список литературы

1. *Эренбург Н.Р.* Концепт *успех* и его репрезентация в русском языке новейшего периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
2. *Адомина И.В.* Концепт *успех* в современной американской речевой культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2005.
3. *Паришина Н.Д.* Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
4. *Андрюченко А.А.* Концепт УСПЕХ в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009.
5. *Андрюченко А.А.* Образно-метафорическая составляющая концепта «успех» в американской и русской лингвокультурах // Таврический научный обозреватель. 2015. № 1. С. 125-130.
6. *Гончарова Е.Н.* Концепт Успех/Success в русской и американской лингвокультурах: историко-этимологический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2016. № 2 (177). С. 49-53.
7. *Хрынина Е.Н.* Лингвокультурная специфика концепта «успех/Erfolg»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009.
8. *Гурин В.В., Петрова И.П.* Функционально-прагматический анализ концепта «Success» в английском языке // Казанская наука. Казань, 2015. С. 148-150.
9. *Колесник Е.С., Чернобай Е.В.* Особенности вербализации концепта «успех» в английской фразеологической картине мира // European

- Journal of Literature and Linguistic. Вена, 2016. № 3. С. 3-5.
10. Иванова Н.С. Пространственные образы концепта «успех» в болгарском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1 (26). С. 201-204.
 11. Иванова Н.С. Концептуализация успеха в языковом сознании русских и болгар: к анализу современной динамики в языковой картине мира // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы Междунар. науч. конф. М., 2015. С. 216-223.
 12. Георгиев А., Стайков Г., Снахийски Е. Модельт на успеха 22. Или как да успяваш в България. Училище за успех. София, 2012.
 13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.
 14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2001. Т. 3.
 15. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by A.S. Hornby. Oxford: University Press, 1974. Vol. 1.
 16. Краткий толковый словарь русского языка. М., 1978.
 17. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. СПб., 2008.
 18. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 2.
 19. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2007.
 20. Дементий Л.И., Лейффрид Н.В. Современные представления об успешном человеке // Вестник Омского университета. Серия Психология. 2005. № 1. С. 18-31.
 21. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2003.
 22. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / под ред. Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой, Н.В. Уфимцевой, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М., 2002. Т. 1. От стимула к реакции.
 - “success” in American English. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008. (In Russian).
 4. Andrienko A.A. *Kontsept USPEKh v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turakh (na materiale populyarno-delovogo diskursa). Avto-ref. ... diss. kand. filol. nauk* [Concept SUCCESS in American and Russian linguistic cultures (on the material of popular business discourse). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Belgorod, 2009. (In Russian).
 5. Andrienko A.A. *Obrazno-metaforicheskaya sostavlyayushchaya kontsepta «uspekha» v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Imagery and metaphorical component to the concept “success” in American and Russian linguistic cultures]. *Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel'* [Taurida Scientific Review], 2015, no. 1, pp. 125-130. (In Russian).
 6. Goncharova E.N. *Kontsept Uspekha/Success v russkoj i amerikanskoj lingvokul'turakh: istoriko-etimologicheskij aspekt* [Concept of Success in the Russian and American linguistic cultures: a historical and etymological aspect]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adygeya State University. Series Literature and Art Criticism*. Maykop, 2016, no. 2 (177), pp. 49-53. (In Russian).
 7. Khrynina E.N. *Lingvokul'turnaya spetsifika kontsepta «uspekha/Erfolg»*. Avto-ref. ... diss. kand. filol. nauk [Linguistic and cultural specificity of the concept “success/Erfolg”. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Stavropol, 2009. (In Russian).
 8. Gurin V.V., Petrova I.P. *Funktsional'no-pragmaticheskij analiz kontsepta «Success» v angliyskom yazyke* [Functional and pragmatic analysis of the concept “Success” in English]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. Kazan, 2015, pp. 148-150. (In Russian).
 9. Kolesnik E.S., Chernobay E.V. *Osobennosti verbalizatsii kontsepta «uspekha» v angliyskoj frazeologicheskoy kartine mira* [Peculiarities of verbalization of the concept “success” in the English phraseological picture of the world]. *European Journal of Literature and Linguistic*. Vena, 2016, no. 3, pp. 3-5.
 10. Ivanova N.S. *Prostranstvennye obrazy kontsepta «uspekha» v bolgarskom yazyke* [Spatial images of the concept “success” in Bulgarian language]. *Vestnik Kemerskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 1 (26), pp. 201-204. (In Russian).
 11. Ivanova N.S. *Kontseptualizatsiya uspekha v yazykovom soznanii russkikh i bolgar: k analizu sovremennoy dinamiki v yazykovoy kartine mira* [Conceptualization of success in the linguistic consciousness of Russian and Bulgarians: for an analysis of the current dynamics in the language picture of the world]. *Materialy Mezhdunarod-*

References

1. Erenburg N.R. *Kontsept uspekha i ego reprezentatsiya v russkom yazyke noveyshego perioda. Avto-ref. ... diss. kand. filol. nauk* [The concept of success and its representation in the Russian language of modern period. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2006. (In Russian).
2. Adonina I.V. *Kontsept uspekha v sovremennoy amerikanskoj rechevoy kul'ture. Avto-ref. ... diss. kand. filol. nauk* [Concept of success in modern American speech culture. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Khabarovsk, 2005. (In Russian).
3. Parshina N.D. *Lingvokul'turologicheskoe pole kontsepta «uspekha» v amerikanskom variante angliyskogo yazyka. Avto-ref. ... diss. kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural field of the concept

- noy nauchnoy konferentsii «Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda» [Proceedings of the International Scientific Conference "Russian language and culture in the mirror of translation"]. Moscow, 2015, pp. 216-223. (In Russian).
12. Georgiev A., Staykov G., Spakhiyski E. *Model't na uspekha 22. Ili kak da uspyavash v B'lgariya. Uchilishche za uspekh* [Model't success 22. Or how do you manage to Bulgaria. School of success]. Sofia, 2012. (In Bulgarian).
 13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2005. (In Russian).
 14. Ushakov D.N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 2001, vol. 3. (In Russian).
 15. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. A.S. Hornby (ed.). Oxford, University Press, 1974, vol. 1.
 16. *Kratkiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Concise Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1978. (In Russian).
 17. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language], G.A. Krylov (compiler). St. Petersburg, 2008. (In Russian).
 18. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of Modern Russian Language]. A.K. Shaposhnikov (compiler). Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010, vol. 2. (In Russian).
 19. Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2007. (In Russian).
 20. Dementiy L.I., Leyfrid N.V. *Sovremennye predstavleniya ob uspeshnom cheloveke* [Modern ideas about the successful person]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Psikhologiya – Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2005, no. 1, pp. 18-31. (In Russian).
 21. Frumkina R.M. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, 2003. (In Russian).
 22. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds.). Moscow, 2002, vol. 1. *Ot stimulov k reaktsii*. (In Russian).

Поступила в редакцию 22.11.2016 г.
Received 22 November 2016

UDC 81'42

SPECIFIC FEATURES OF THE CONCEPT *SUCCESS* IN PR MATERIALS OF FASHION INDUSTRY

Marina Viktorovna TERSKIKH

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Dostoevsky Omsk State University

55-A Mira Ave., Omsk, Russian Federation, 644077

E-mail: terskikh@mail.ru

The specific features of the concept *success* in PR texts of the fashion industry and fashion business are considered. It is noted that beautiful girls on the cover do not play such an important role as successfully and harmoniously developed personalities in today's fashion space. In this regard, models' schools training programmes include not only fashion shows and work on-camera, but also public speech, etiquette, in other words, "selling" success and personal growth. The results of the study confirmed a hypothesis about the increasing role of the concept success in advertising and PR communication accompanying the modeling business' development. Different semantic models for the traditional concept of success and the concept formed in PR activities based on the results of definitional, etymological and paremiological analysis of the concept *success*, association experiment and text content analysis accompanying advertising and PR activities of T. Zarubina Omsk Studio School are presented. There are components that are important to the discourse of beauty contests, like patriotism, health, and beauty modeled by advertising and PR texts of the concept success. In both cases associative fields of the concept success cross with associative fields of many other concepts: fortune, happiness, fame, work, money, family, society, life and others.

Key words: concept; conceptosphere; concept success; PR-text; fashion; modeling business

Информация для цитирования:

Терских М.В. Специфика концепта *успех* в PR-материалах индустрии моды // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 25-34.

Terskikh M.V. Spetsifika kontsepta uspekha v PR-materialakh industrii mody [Specific features of the concept *success* in PR materials of fashion industry]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 25-34. (In Russian).

УДК 371.035.6

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

© Гульнара Шингисовна ДЖУМАГУЛОВА

кандидат психологических наук, доцента кафедры педагогики
Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
160013, Республика Казахстан, г. Шымкент, ул. Мадели кожа, 137
E-mail: zhumagulova-73@mail.ru

© Райхан Тузельбаевна БЕЙСЕКОВА

старший преподаватель кафедры педагогики
Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева
E-mail: almirasat@mail.ru

Дан анализ стратегий процесса формирования гражданской активности старшеклассников как целенаправленного процесса организации учебных и внеучебных форм жизнедеятельности учеников, направленных на становление и развитие у подростков целостного и осознанного представления о сущности гражданственности, позитивной мотивации и ценностных установок по развитию активной гражданской позиции. Описывается структура модели гражданской активности школьников-подростков, в которой выделяются компоненты: мотивационный, когнитивный и процессуальный. *Мотивационный компонент* определяется из условий формирования личности подростка, которые отражают удовлетворение потребности в самовыражении и самореализации. *Когнитивный компонент* определяет содержание процесса гражданской активности школьников-подростков, так как этот процесс как никакая другая деятельность возможен на основе конкретной совокупности знаний сущности и содержания гражданственности как интегрального качества личности. *Процессуальный компонент* как исполнительный компонент является одним из самых значимых, потому что через него мы видим степень выраженности свойства личности на данном возрастном этапе. Устанавливается, что гражданская активность реализуется с помощью ряда функций, а именно: информативно-ориентировочной, мобилизационной, интеграционно-побудительной, регулятивно-оценочной, которые в своей совокупности выражают способность личности определять соответствие своих действий интересам Отечества.

Ключевые слова: гражданская активность; старшеклассники; микросреда; воспитательная работа; ценностные ориентации; ценностные установки

В современном мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития, исследователи В.Г. Бочарова, Р.Г. Гурова, Н.И. Иорданский, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, А.Н. Леонтьев, А.В. Мудрик и другие выделяют несколько факторов, влияющих на личностное развитие детей и молодежи.

Первая группа факторов связана с общими процессами – достижениями научно-технического прогресса и связанными с ним требованиями к молодому поколению независимо от личностных способностей, склонностей; сложной структурой, насыщенностью и противоречивостью информации, разнопланово действующей на растущую личность, еще не имеющей четкой жизненной позиции; экологическим, социально-экономическим и политическим кризисом, который вызывает у молодых людей чувство безнадежности и безысходности.

Вторая группа факторов связана с новой системой связей и отношений в производственной и социокультурной жизнедеятельности людей. На смену централизации, стандартизации все более активно молодые люди стремятся к оригинальному, самостоятельному проявлению, действию, вычленению и освоению общечеловеческих проблем. На смену массовому производству и массовому распределению, массовому отдыху и массовому образованию приходит стремление к индивидуализации, самостоятельности.

В связи с этим В.Г. Бочарова при изучении микросреды личности подчеркивает необходимость разделять ее институциональную (формальную) и неинституциональную (неформальную) сферы. Данный факт имеет важное значение для нашего исследования в целом и для определения содержания учебно-воспитательной работы по формированию

гражданской активности школьников-подростков.

Подчеркивая неравномерность влияния сфер микросреды на формирование и развитие личности, В.Г. Бочарова отмечает, что институциональная (формальная) сфера (к данной сфере относятся социальные институты воспитания) по своей природе является более организованной, имеющей, как правило, педагогически целесообразную направленность [1, с. 8-12].

Что касается микросреды, окружающей людей вне официальных, государственно-учрежденных институтов, то есть неинституциональной (неформальной) открытой микросреды, то она характеризуется отсутствием четких, строго очерченных формализованных структур.

Характеризуя неформальную микросреду В.Г. Бочарова пишет: «Обеспечивая свободу входа и выхода на добровольных началах, этот микросоциум сохраняет неформальную, нерегламентированную структуру, он постоянно открыт для влияния извне. Но это совсем не означает, что в нем царит хаос. Напротив, жизнь в этом микросоциуме может быть подчинена достаточно жестким правилам и законам, но это «свои» законы, выработанные самим этим «свободным» сообществом и им же исполняемые. Управление поведением и деятельностью людей в открытом микросоциуме осуществляется на иных, специфических (принципиально отличной от институциональных) основах и механизмах, учитывающих специфику условий многофакторного воздействия» [1, с. 34].

Это тем более становится важным, поскольку в наше время сложилась особая подростковая субкультура, которая, наряду с другими социальными факторами, играет большую роль в развитии школьника.

Субкультура подростков представляет сложное, противоречивое социальное явление и оказывает столь же неоднозначное влияние на учащихся. С одной стороны, она отчуждает, отделяет подростков от всеобщей, «большой» культуры, с другой – способствует освоению ценностей, норм, социальных ролей, облегчает подросткам вхождение в жизнь.

Проблема также состоит и в том, что ценности и интересы подростков ограничены в основном сферой досуга: модой, музыкой,

развлекательными мероприятиями, часто малосодержательным общением. Подростковая субкультура носит в основном развлекательно-рекреативный и потребительский характер, а не познавательный, созидательный и творческий.

Неформальные объединения подростков – это одно из проявлений субкультуры, форма общения и жизни подростков; общества, группы сверстников, объединенных занятиями, интересами, ценностями, симпатиями. Неформальные отношения есть в формальных группах – классных, школьных коллективах; наряду с официальной структурой класса есть группы на базе межличностных отношений.

Неформальные группы возникают обычно не в классе, не в деловых отношениях, а наряду с ними и вне школы. Они играют важную роль в жизни подростков, удовлетворяют их информационные, эмоциональные и социальные потребности: дают возможность узнать то, о чем нельзя поговорить со взрослыми, обеспечивают психологический комфорт, учат выполнению социальных ролей.

По мнению исследователей, свое социальное назначение гражданская активность выполняет через реализацию ряда функций.

1. Информативно-ориентировочная функция, которая состоит в том, что гражданственность несет в себе определенную совокупность знаний о своем Отечестве и обязанностях, которые, будучи усвоенными личностью, преобразуются в ее поступки и действия.

2. Мобилизационно-побудительная функция, которая в условиях активной деятельности личности выражается в том, что чувство гражданственности вдохновляет и побуждает граждан на активные действия, помогает преодолевать трудности и достигать конкретных результатов в повседневной деятельности. Данная функция реализуется в готовности к учебе, труду, героическим поступкам, самопожертвованию, стремлении к самовоспитанию.

3. Регулятивно-оценочная функция гражданской активности выражает способность личности определять соответствие своих действий интересам Отечества. Она является мерилем нравственной оценки ее поведения со стороны окружающих.

4. Интеграционная функция проявляется в единении соотечественников независимо от их возраста, социальной и национальной принадлежности.

Гражданская активность человека не только социально-историческое явление, но и качество личности, выражающееся в преданности и любви к своей родине, своему народу. По мнению исследователя Н.И. Рейнвальда, моральный долг человека – это осознанная потребность поступать в соответствии с той или иной этической нормой поведения или, другими словами, осознание своих обязанностей перед обществом. Человек, проникшийся чувством долга, считает себя обязанным действовать должным образом. Он испытывает при этом чувство личной ответственности за осуществление порученного или добровольно взятого на себя дела [2, с. 160-161].

Н.И. Рейнвальд отмечает, что чувство долга (переживание своей обязанности действовать определенным образом) в ясно осознаваемом или скрытом виде является обязательной составной частью всех моральных и морально-политических чувств. Это чувство может достигать такой силы, что человек действует так, «как велит ему долг», даже при угрозе гибели [2, с. 15-18].

Рассматривая деятельность субъектов воспитания в контексте формирования гражданской активности учащейся молодежи, можно констатировать, что они зачастую не имеют научно-обоснованных развернутых программ деятельности, они ориентированы на выполнение весьма ограниченных задач. Степень их организованности, как правило, является невысокой, а эффективность функционирования зависит от самых различных факторов, среди которых особую роль играют местные условия, материальная база, финансовая поддержка со стороны спонсоров и т. д.

Кроме того, каждое из ведомств и общественных объединений исходит из своих собственных представлений об организации и механизме осуществления формирования гражданской активности учащейся молодежи, основы которого определяются не столько интересами общества, сколько их спецификой и реальными возможностями.

Поэтому, оценивая деятельность основных субъектов, непосредственно призванных

осуществлять формирование гражданской активности подрастающего поколения на современном этапе, можно констатировать, что важнейшим на сегодняшний день среди этих субъектов осталась в основном семья. Но и здесь мы наблюдаем негативные изменения такого плана, что за последние годы возможности семьи в деле формирования у подрастающего поколения патриотизма и гражданственности оказались подорванными. Вследствие правовой, моральной, экономической незащищенности усилилась конфликтность отношений между супругами, родителями и детьми [3]. Неблагополучие многих семей, высокий уровень безработицы, а с другой стороны – чрезмерная занятость родителей во многих благополучных семьях, неблагоприятные семейные отношения обуславливают отчужденность детей, проявления жестокости и насилия по отношению к ним, рост социального сиротства повлекли за собой резкие формы асоциального поведения.

Новые черты приобрело и участие молодежных и детских общественных объединений в воспитательном процессе. Если в прошлом пионерская и комсомольская организации в образовательных учреждениях были частью единой системы воспитания, то в настоящее время детские и молодежные объединения, в основном, действуют за пределами учреждений образования, их социально-педагогический потенциал оказывается не востребованным обществом в полном объеме.

Рассматривая роль общеобразовательной школы как непосредственного субъекта процесса формирования гражданской активности школьников, исследователи подчеркивают кризисное состояние в решении данной проблемы. Анализируя состояние воспитательной работы в школе, ученые утверждают, что она в настоящее время не выполняет свою педагогическую функцию по ряду причин. Прежде всего, это – «отсутствие гибких целеполагающих ориентиров воспитания личности молодого человека» [4]. В школе таким понятиям, как нравственность, патриотизм, гражданственность, трудолюбие, порядочность перестали уделять должное внимание, а взамен этих ценностей в практику обучения и воспитания внедряются выгода, главенствующая роль денег.

Так, например, вместо высокогуманного и бескорыстного тимуровского движения появились бизнес-планы, общественно-полезную работу подменили развлекательные шоу-программы и конкурсы.

Свертывание деятельности детских и подростковых организаций, пропаганда по телевидению и видео насилия, психология индивидуализма и потребительства нанесла огромный ущерб делу воспитания подрастающей молодежи. Дискредитации в значительной мере подверглась не только практика гражданского воспитания, но и сама идея формирования личности гражданина-патриота [5]. Таким образом, сегодня особенно актуально встает вопрос об идеологических, ценностных и жизненных ориентирах в воспитании подрастающего поколения.

Специфика формирования гражданской активности подрастающего поколения определяет место этого направления в общей системе воспитания молодежи Казахстана. Мы считаем, что знание этой специфики и учет ее в практике воспитательной работы позволят более четко планировать и осуществлять процесс формирования гражданской активности школьников-подростков в общеобразовательных школах [6–9].

Вместе с тем, исходя из принципа комплексного подхода к воспитанию, важно помнить и о следующем. Являясь частью воспитания, гражданское воспитание органически связано также с другими его сторонами: с духовным, политическим, патриотическим, нравственным, правовым и другими. Гражданская активность и гражданственность, воспитанные у людей с ранних лет, со школы, на всю жизнь остаются первоосновой их поступков и поведения во имя благоденствия и процветания своего Отечества.

Согласно теоретическим положениям отечественных и зарубежных психологов: Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, Л.С. Выготского, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейн и других «личность» означает целостность человека в единстве его индивидуальных свойств и качеств (характер, темперамент, способности, направленность преобладающих чувств и мотивов его деятельности, особенности протекания психических процессов). На основе понятия «гражданская активность личности», теоретических положений психологии о лич-

ности и роли деятельности в ее формировании с помощью мысленного эксперимента мы построили модель исследуемого интегративного качества применительно к учащимся-подросткам.

На первое место в структуре модели гражданской активности школьников-подростков мы поставили *мотивационный компонент*, так как в качестве исходной посылки служило утверждение личностно-ориентированного подхода в современной психологии и педагогике о том, что одним из условий формирования личности подростка является удовлетворение потребности в самовыражении и самореализации. Без учета интересов, индивидуальных особенностей, ценностных ориентаций никакое воспитание, в том числе и процесс формирования гражданской активности, не будет иметь положительного результата.

Когнитивный компонент определяет содержание процесса гражданской активности школьников-подростков, так как этот процесс как никакая другая деятельность возможна на основе конкретной совокупности знаний сущности и содержания гражданственности как интегрального качества личности. Кроме того, в структуре модели изучаемого качества мы выделяем *процессуальный компонент*, поскольку данный компонент как исполнительный является одним из самых значимых, потому что через него мы видим степень выраженности этого свойства личности на данном возрастном этапе.

Таким образом, под формированием гражданской активности школьников-подростков мы понимаем целенаправленный процесс организации учебных и внеучебных форм жизнедеятельности учеников, направленный на становление и развитие у подростков целостного и осознанного представления о сущности гражданственности, позитивной мотивации и ценностных установок соблюдения прав и обязанностей граждан, развития активной гражданской позиции, умений и навыков ее выражения в поведении и деятельности учащихся.

Список литературы

1. Бочарова В.Г. Педагогика социальной работы. М., 1994. 208 с.
2. Рейнвальд Н.И. Психология личности. М., 1987.

3. Куликова Т.А. Семейная педагогика и домашнее воспитание. М.: Академия, 1999. 232 с.
4. Сазонов В. Организация воспитательной работы в классе. М.: Педагогический поиск, 2000. 160 с.
5. Алмонд Г., Верба И. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122-134.
6. Савченко Н.М. Нравственно-правовое воспитание старшеклассников в деятельности классного руководителя: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998.
7. Байбородова Л.В. Классному руководителю о воспитательной системе класса // Формы взаимодействия педагогов, учащихся и родителей. Ярославль, 1992. 39 с.
8. Николина В.В. Духовные ценности и воспитание личности: психолого-педагогический аспект // Православие и культура. 11 Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород, 2002.
9. Поляков С. Коллективное творческое дело // Воспитательная работа в школе. М., 2004. № 1. С. 79-84.
10. the Class]. Moscow, Pedagogicheskiy poisk Publ., 2000, 160 p. (In Russian).
5. Almond G., Verba I. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii [Civil culture and stability of democracy]. Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies, 1992, no. 4, pp. 122-134. (In Russian).
6. Savchenko N.M. Nravstvenno-pravovoe vospitanie starsheklassnikov v deyatel'nosti klassnogo rukovoditelya. Avtoref. ... diss. kand. ped. nauk [Moral and legal education of students in the activities of the class teacher. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1998. (In Russian).
7. Bayborodova L.V. Klassnomu rukovoditelyu o vospitatel'noy sisteme klassa [To the class teacher about the educational system]. Formy vzaimodeystviya pedagogov, uchashchikhsya i roditeley [Forms of Interaction of Teachers, Students and Parents]. Yaroslavl, 1992, 39 p. (In Russian).
8. Nikolina V.V. Dukhovnye tsennosti i vospitanie lichnosti: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt [Spiritual values and upbringing of personality: psychological and pedagogical aspect]. Pravoslaviye i kul'tura. 11 Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya [Christianity and Culture. 11th Christmas Orthodox and Philosophical Readings]. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russian).
9. Polyakov S. Kollektivnoye tvorcheskoye delo [Collective creative work]. Vospitatel'naya rabota v shkole [Educational Work in School]. Moscow, 2004, no. 1, pp. 79-84. (In Russian).

References

1. Bocharova V.G. Pedagogika sotsial'noy raboty [Pedagogics of Social Work]. Moscow, 1994, 208 p. (In Russian).
2. Reynvald N.I. Psikhologiya lichnosti [Psychology of Personality]. Moscow, 1987. (In Russian).
3. Kulikova T.A. Semeynaya pedagogika i domashnee vospitanie [Family Pedagogy and Home Education]. Moscow, Akademiya Publ., 1999, 232 p. (In Russian).
4. Sazonov V. Organizatsiya vospitatel'noy raboty v klasse [Organization of Educational Work in

Поступила в редакцию 02.11.2016 г.
Received 2 November 2016

UDC 371.035.6

EFFECTIVE METHODS OF CIVIL ACTIVITY OF UPPER-FORM PUPILS' FORMATION

Gulnara Shingisovna DZUMAGULOVA

Candidate of Psychology, Associate Professor of Pedagogy Department

M. Saparbayev South Kazakhstan Humanitarian Institute

137 Madeli kozha St., Shymkent, the Republic of Kazakhstan, 160013

E-mail: zhumagulova-73@mail.ru

Raykhan Tuzelbaevna BEYSEKOVA

Senior Lecturer of Pedagogy Department

M. Saparbayev South Kazakhstan Humanitarian Institute

E-mail: almirasat@mail.ru

The analysis of formation process of civil activity's strategies of upper-form students as task-oriented process of educational and extra-curricular forms of life activity of students, aimed at becoming and development among teenagers of integral and acknowledged notion about the essence of civic consciousness, positive motivation and valuable orientations on the development of active civic position is carried out. The structure of civil activity model of pupils-teenagers is described. It marks the components: motivational, cognitive and procedural. Motivational component is defined by the conditions of teenagers' personality formation which reflects the satisfactions of wants in self-expression and self-realization. Cognitive component defines the content of process of civil activity of pupils-teenagers as this process as other activity is possible basing on concrete composite of essence knowledge and content of civic position as integral quality of personality. Procedural component as actuator component is one of the most significant because we can see through it the degree of expression of personality's features at this age stage. It is established that civic activity is realized with the help of some functions: informative-oriented, mobilization, integration-stimulating, regulative-estimating which are complex expression of personality's ability to define the correspondence to the interest of the country.

Key words: civil activity; upper-form pupils; microenvironment; educational work; value orientations; value system

Информация для цитирования:

Джумагулова Г.Ш., Бейсекова Р.Т. Эффективные методики формирования гражданской активности старшеклассников // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 35-40.

Dzhumagulova G.S., Beysekova R.T. Effektivnye metodiki formirovaniya grazhdanskoy aktivnosti starsheklassnikov [Effective methods of civil activity of upper-form pupils' formation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 35-40. (In Russian).

УДК 82-1/-9

**ОТ ДЬЯБЛЕРИИ К «ОПЕРЕТКЕ»:
МУЗЫКАЛЬНЫЙ БУФФ И ПРИЕМЫ
НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ
В РОМАНЕ-МИСТЕРИИ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»**

© Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы, журналистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Проанализированы театральные жанровые источники романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: мистерия, дьяблерия, зингшпиль, оперетта, буфф. Исследуется музыкальная партитура текста. Описаны стилистические приемы искажения языка: онomatопея, какофония, анаграмма, паронимазия, синкопа, апокопа. Рамки культурных клинаменов определены как инициация в смерть и возрождение. Религиозно-духовное воздействие произведения на читателя трактовано как психотерапевтическое оздоровление. Рассмотрено символистское «миропонимание». Использованы отсылки к знаковой системе Таро, к текстам Ф. Рабле и русских футуристов (В.В. Маяковского, В.В. Хлебникова, А.Е. Крученых). Раскрыты игровые возможности модернистской прозы.

Ключевые слова: мистерия; дьяблерия; буфф; оперетта; НЛП; футуризм; Таро; Ф. Рабле

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайл.

*Эпиграф к роману А.Н. Радищева
«Путешествие из Петербурга в Москву»*

Не мирового ль там хаоса
Забормотало колесо?

А. Белый

Исследование творчества М.А. Булгакова по праву можно назвать «расширяющейся вселенной»: десятки монографий, статей, докладов далеко не исчерпывают всего многообразия средств художественной изобразительности и выразительности в произведениях писателя и являются причиной появления новых работ. В этой связи на фоне повышенного интереса ученых к секретам писательского мастерства хотелось бы предложить следующий аспект – показать модернистские приемы искажения языка и музыки, активно используемые М.А. Булгаковым. В периоды социальных катаклизмов и экономических потрясений, свидетелем которых стал автор, они выступают мерилем степени общественного распада, разрушения и гибели личности.

В истории литературы и искусства такие приемы чаще всего использовались в театральном жанре буфф и как сатирические приемы в драматургии, в современной прикладной лингвистике и психотерапии они получили название нейролингвистического программирования (НЛП). Их изучение

крайне актуально в трех гуманитарных направлениях. В литературоведении они помогают выявить структуру довольно редкого, интересного и малоизученного литературного вида – мистерии, прикладной лингвистики, медицинским и социальным институтам дают богатый материал для изучения причин индивидуальных и массовых расстройств сознания. Кроме того, некоторые из приемов, получивших распространение в творчестве М.А. Булгакова, будут интересны специалистам более узкой сферы прикладной лингвистики – криминальной лингвистики (лингвистической экспертизы). В преступных сообществах эти приемы используются иногда на аудио- и электронных носителях (дисках, кассетах, в кино- и ТВ-роликах или в компьютерных файлах), имеющих скрытую магнитную дорожку или вирусы и настраивающих подсознание на деструктивные эмоциональные выплески.

Для примера мы возьмем текст романа «Белая гвардия», представим текст как диск и поищем такую звуковую дорожку (или вирусы). Роман «Белая гвардия» подойдет нам, с одной стороны, потому, что он как нельзя лучше отражает основную духовную сторону кровопролитной Гражданской войны – апокалиптические чаяния русского народа, с другой – потому что разложение и гибель Белой армии являются его основной темой.

Предвидим и опасность, подстерегающую исследователя творчества М.А. Булгакова в данном аспекте. Установив границы искусства согласно собственным представлениям о нравственности и духовном развитии, он может сам легко стать добычей деструкции, – объявить писателя вредным и опасным, или, по крайней мере, сложным для восприятия его идей подрастающим поколением. В истории литературы такое случалось не раз, и даже в наше время работы некоторых литературоведов, обращающихся к творчеству М.А. Булгакова, свидетельствуют о недопонимании ими функций, задач и предназначения искусства [1, с. 910; 2].

Поэтому для того чтобы избежать заблуждения о якобы разлагающем факторе булгаковского творчества и, соответственно, точно определить литературный вид и показать звуковую дорожку НЛП, нам придется вписать роман в жанровый контекст Средневековья. Средневековье жило в постоянных феодальных войнах, эсхатологическом напряжении, и по его литературе удобнее всего просмотреть мыслительно-речевые деструкции. Тем более, что, в отличие от писателя современного, мышление традиционного писателя было амбивалентным, в его сознании поддерживалась идея строгого равновесия, дихотомии добра и зла. Причина деструкции, распада и зла – бесы – уравнивались источником добра – ангелами и святыми, небеса и ад соединялись системой лестниц, а бог с дьяволом находились в постоянном взаимодействии на трудном поприще заботы о прививании морали путем испытаний. По мнению традиционных писателей, бог и землю устроил с единственной целью – испытать и тем самым воспитать человека, закалить его в борьбе с бесами.

Корни булгаковского творения целиком уходят в эти представления и, в частности, в их народно-театральный источник – средневековую мистерию. Этот грандиозный спектакль на библейскую тему выходил, в отличие от других жанров средневекового театра, за рампу. Он начинался в храме или ратуше и разворачивался на городских улицах и площадях, тем самым местом действия объявлялся «весь мир», «вся вселенная, как ее представлял человек средневековья, с ее сакральными пространствами ада и рая» [3, с. 139]. Мистерия была жанром синтетиче-

ским: она неоднократно прерывалась сатирическими комедийно-музыкальными номерами – дьяблериями.

Дьяблерия представляла из себя драматическую вставку с участием чертей, интермедию, в которой средствами буффонады пародировался предшествующий акт библейского сюжета, профанировался его высокий смысл и назначение. По мнению М.М. Бахтина, она почиталась народом даже больше, чем «остальная мистерия», на нее надеялись, потому что она неожиданно прерывала длинную и всерьез поднадоевшую библейскую сцену, ее ждали, так как она производила ревизию современного актеру и зрителю мира [4, с. 501]. Вечное, священное время и пространство, иеротоп, в виде Сатаны и чертей встраивался в хронотоп, время и пространство повседневное, сиюминутное; происходили бесовские глумления и суд, в результате которого грешники неминуемо поглощались огромной «адовой пастью». Первоначально роль актеров в дьяблерии исполняли сами городские жители, члены цехов и коммун, обрушивающих свой гнев на недобросовестных чиновников, косных священников и зарвавшихся казнокрадов. Позже роль чертей исполняла актерская беднота, за несколько дней до начала представления подготавливавшая особую – карнавальную – атмосферу: ряжение и шум сопровождалось в ней шуточными экспроприациями и грабежами.

Дьяблерия как буффонадная часть мистерии и одновременно составная часть гаерских увеселений в церковных празднествах и народных гуляниях пользовалась приемом синкопического смещения звукового ряда, – как просодического (речевого), так и долевого (музыкального). Размеренности ритмики мессы с ее мелодико-тембровой амплификацией противопоставлялась абсолютная свобода мелодического движения.

Средневековая Русь письменных сведений о подобных официальных действиях не оставила, функции дьяблерии выполняли скоморошья потехи и «игрища» (по церковному – «бесовские позорища»), а против скоморохов, как известно, церковь и государство вели непрекращающуюся войну [5; 6, с. 18-26].

После запрета в Европе мистерий в связи с их скабрезным юмором, острой сатирой на

духовенство и общим библейско-фарсовым дуализмом действия, во второй половине XVIII века к дьяблерии более всего приблизился немецкий зингшпиль – комическая пьеса с музыкальными вставками. В 1752 г. родился и получил широкое распространение зингшпиль «Черт на свободе» И. Штандвуса, практически одновременно с ним дебютировал «Хромой бес» (1752) Й. Гайдна – буффонадные драмы на тему ревизии человеческих душ. Участие в создании текстов для зингшпелей принимал сам И. Гёте, и оно не прошло бесследно – нашло прямое отражение в маскарадах, устраиваемых Мефистофелем в трагедии «Фауст» [7].

Еще позже музыкальный буфф оформился в светский жанр оперетты. Здесь уже не было сценических чертей. Место бесов заняла античность, место церкви – роскошь, пышность и раскрепощенные нравы поздних монарших дворов и буржуазии. Самым крупным достижением музыкальной буффонады стала в буржуазную эпоху оперетта «Орфей в аду» Ж. Оффенбаха. Поставленная в парижском театре Буфф-Паризьен в октябре 1858 г. она впервые «подняла опереточную пародию <...> на уровень острой социальной сатиры» [8, с. 424]. Вместо протеста против ханжества, фарисейства и косности старой религиозной вертикали власти прозвучал протест против недостатков нового, светского государственного устройства общества.

Роман «Белая гвардия» впитал всю историю музыкального буффа, начиная от открытых отсылок к жанру социально-сатирической оперетты до аллюзий на жанр средневековой мистерии с ее номерами-дьяблериями. Использование этих жанров посредством смешения свидетельствует о направлении модернистского дискурса произведения – театрально-буффонадном.

Первые прямые отсылки к жанру оперетты и аллюзии на дьяблерию мы можем обнаружить в словах дальновидного гетманского штабиста Тальберга, заблаговременно «убегающего крысьей побегой» в Германию [9]. Развивающиеся в Городе события он характеризует словом с уменьшительно-пренебрежительным суффиксом «оперетка»: «Гетманское министерство – это глупая и пошлая оперетка», «Мы отгорожены от кровавой московской оперетки», «Да, «оперетка»... Елена

знала, что значит это слово на припухших прибалтийских устах», «Петлюра – авантюрист, грозящий своею опереткой гибелью краю...», «Немецкая оккупация превратилась в оперетку». Тальберговское сравнение событий с легким музыкально-драматическим жанром подтверждает сам рассказчик: «...Тальберг сделался раздражительным и сухо заявил, что это не то, что нужно, пошлая оперетка. И он оказался до известной степени прав: вышла действительно оперетка, но не простая, а с большим кровопролитием». Нравится слово «прибегающим москвичам и петербуржцам и большинству горожан»: «хоть и смеялись над странной гетманской страной, которую они, подобно капитану Тальбергу, называли опереткой, невсамделишным царством, гетмана славословили искренне». И, наконец, проникает «оперетка» даже в интимные отношения персонажей: в телеграмме, состоящей из 63 слов, говорится о «страшном несчастье, постигшем Лариосика <...> Актер оперетки Липский» уводит у «птицевода» жену.

Если присмотреться, нетрудно заметить, что в романе бьет опереточная струя. Турбинские домашние сцены, музицированные по классу вокала и аккомпанемента, переходят в массовые сцены с беспорядочными песнями-хорами, с разнотембровой вокальной и инструментальной музыкой (гл. 4, 5, 6, 12, 16). Фрагменты литургии, военного марша, походной и привальной песни, художественного свиста, народного танца, накладываясь друг на друга, создают неповторимое шумовое оформление, которое присуще оперетте как «музыкальной буффонаде». Другим признаком жанра выступают элементы танца: канкана и галопа. Канкан проявляется в веселой плясовой частушке «...Дунька, Дунька, Дунька я! Дуня, ягодка моя...» (гл. 5), в особенностях строевого шага юнкеров (гл. 6), в «мелькнувшей» женской «ноге в черном чулке <...> на легкой кирпичной лесенке...» (гл. 12), в «высоко танцующих в просветах батальонов» позах «командиров» петлюровской армии (гл. 16); ощущением галопа признана одна из сцен в соборе Софии Киевской (гл. 16): «Из боковых заколонных пространств, с хор, со ступени на ступень, плечо к плечу, не повернуться, не шелохнуться, тащило к дверям, вертело. Коричневые с толстыми икрами скоморохи неизвестного века

неслись, приплясывая и наигрывая на дудках, на старых фресках на стенах».

Перечисленным сценам принадлежит ведущая роль в создании музыкально-опереточного фона «Белой гвардии», но не они задают тон в общей звуковой партитуре произведения. Это делают дивертисментные ритмы, без попытки классифицировать которые невозможно в полной мере выявить деструкцию. В раме средневековой мистерии эти ритмы можно назвать дьяблерией, акустическим поведением сценических черт, разрушающих христианско-монархическую модель, семейный уклад и культуру дворянства.

Прислушаемся к звукам, издаваемым бесами и помогающим услышать агонию Города и апокалиптический кошмар происходящего. Как и в мистории, они перемежаются с библейскими сценами – в данном случае с отрывками из «Откровения» Иоанна Богослова, выполняющими роль художественного обрамления.

Еще звучат в романе «каватина про бога всеильного», оперная ария под аккомпанемент пианино из «бессмертного» «Фауста» Ш. Гуно, юнкерский марш, монархический гимн, идиллический гавот «бронзовых пастушков», но все чаще иные, чужие звуки и слухи («грозные, ужасные») начинают посещать Дом на Алексеевском спуске. Они вторгаются в явь и сны семьи Турбиных, вносят хаос и сумятицу, «тайну и двойственность» в и без того «зыбкое время». Не умея изъясняться вербальной речью и музыкой, нечистая сила использует многочисленные искажения в акустической игре с человеком: ономаптоеу, какофонию, анаграмму, паронормазию, синкопу и апокопу. В лингвистике они носят название стилистических приемов и фигур, в науке о литературе отражают сущность «искусства как приема».

Прием 1. Оноματοпее – «звукотподража-
ние, образование слов, условно воспроизво-
дящих природные звуки, крики животных
<...>, а также создание слов путем звукотпод-
ражания» [10, с. 177]. Он самый распростра-
ненный в романе. Во-первых, к нему отно-
сятся всевозможные шумы, исходящие от
неживых предметов: уханье, бормотание,
ворчание и др. «Самовар... поет зловеще и
плюется»; «Бу-у, бу-у...», «...бух... бу-бу-
бу...», – «поют», «как в вату», пушки;
«У-уух», – «откуда-то, из утробы земли, зву-

чит за городом»; «грозно» и «неприятно»
«завывает» паровоз»; «дико завывает» или
«тихонько и злобно сипит» с «огненным
брюхом», с «хоботом», в «глухом намордни-
ке» «жаба»-бронепоезд; «ворчит» «серенькая
зимняя даль»: «Гу... гу... гу... Бу... бу...
бу...»; «поют», «заводят музыку», «бараба-
няют» «похожие на злых комаров пулеметы»:
«Аррррррррррррррррррр-па-па-па-па-па! Па!
Па! Па! рrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrrr!», «Вра...
вра... вра... вра... вра... вра...»; «пре-
достерегающе» «хрипят» и «презрительно»
«давятся» часы: «Тонкрх... тонкрх...», «Тонк-
танк»; ружейная трескотня вливается в теле-
фонный зуммер: «Др-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-
<. . .> Дрррррр... Ти... Ти... ти... ти...») и т. п.;
«кадовый грохот молотков взламывает молча-
ние подвалов гимназии»; «Топы-топы-топы», –
«бренчат шпоры»; «...брынь-бrrrrынь <. . .>
Бrrryнь-ынь...», – «проделывает звоночек»; а
«Николкина подруга, гитара, нежно и глухо:
трень... Неопределенно трень... потому что
пока что, видите ли, ничего еще толком не
известно. Тревожно в городе, туманно, пло-
хо...».

Во-вторых, к приему ономотопеи принадлежит имитация птичьего пения, выбор которого относительно интересующей нас темы не случаен. В мифологической традиции птице принадлежит роль вестницы беды. Поэтому запутавшаяся в паутине птица из сна Николки «оглушительно стучит», свистит, «протяжно орет», предвещая тяжелую болезнь брата: «Ти-ки-тики, тики, тики. Фью. Фи-у! Тики! Тики. Фу ты, черт! <...> Ник, Ник! Николка! <...> Кто. Кто, кто, кто, кто, кто, так! так!.. Фи-ти! Фи-у! Фьюх!», «Трики, фит, фит, трики!», «кити, кот, кити, кот». «Картавый клекот» «галльских петухов» предвещает приход «Пэтурры», «кричит на всю улицу» «отчаянный петух» в кошелке у «дамы с черным крылом»: «пэтурра, пэтурра». «Поминутно поют» в вагоне-салоне петлюровского командира корпуса Торопца «телефонные птицы», «тихие нежные петушки» («Ти-у... пи-у... слушаю! пи-у... ти-у...» и т. д.), от которых «начинают дуреть» «телефонисты Франько и Гарась»; «Пи-у», – «поет мягкая птичка где-то в яме», среди «хаоса мироздания», предвещая разгон мортирного дивизиона полковника Малышева. Голоса телефонных «птиц» провоцируют «бесследное исчезновение» адыютантов

Щеткина, самого полковника Щеткина и всего броневое дивизиона вместе с его командиром. Вот как, например, это происходит с составом последнего:

«Утром возле трех машин в мутном рассвете была горестная суета с фонарями. Капитан Плешко был бледен, оглядывался, как волк, и требовал механика. Тут-то и начались катастрофы. Механик исчез. Выяснилось, что адрес его в дивизионе, вопреки всем правилам, совершенно неизвестен. Прошел слух, что механик внезапно заболел сыпным тифом. Это было в восемь часов, а в восемь часов тридцать минут капитана Плешко постиг второй удар. Прапорщик Шполянский, уехавший в четыре часа ночи после возни с машинами на Печерск на мотоциклетке, управляемой Щуром, не вернулся. Возвратился один Щур и рассказал горестную историю <...>. Щур ждал прапорщика два часа, хотя тот приказал ждать его всего лишь один час, а после этого вернулся в дивизион, дабы не подвергать опасности себя и казенную мотоциклетку № 8175.

Капитан Плешко стал еще бледнее после рассказа Щура. Птички в телефоне из штаба гетмана и генерала Карпузова вперевод пели и требовали выхода машин. В девять часов вернулся на четвертой машине с позиций румяный энтузиаст Страшкевич, и часть его румянца передалась на щеки командиру дивизиона. Энтузиаст повел машину на Печерск, и она, как уже было сказано, заперла Суворовскую улицу.

В десять часов утра бледность Плешко стала неизменной. Бесследно исчезли два наводчика, два шофера и один пулеметчик. Все попытки двинуть машины остались без результата. Не вернулся с позиции Щур, ушедший по приказанию капитана Плешко на мотоциклетке. Не вернулась, само собой понятно, и мотоциклетка, потому что не может же она сама вернуться! Птички в телефонах начали угрожать. Чем больше рассветал день, тем больше чудес происходило в дивизионе. Исчезли артиллеристы Дуван и Мальцев и еще парочка пулеметчиков. Машины приобрели какой-то загадочный и заброшенный вид, возле них валялись гайки, ключи и какие-то ведра.

А в полдень, в полдень исчез сам командир дивизиона капитан Плешко».

О том, что в период петушиного концерта человеческая жизнь поставлена на карточный кон, красноречиво свидетельствует не только фамилия петлюровского полковника Козыря-Лешко, первым ворвавшегося в город, но и мистическое число 21, получающееся путем сложения цифр в номере казенной мотоциклетки № 8175, на которой уеха-

ли в ночную разведку боем Щур и не вернувшийся из нее Шполянский. В раскладе игральных карт число 21 означает тюремную игру «Очко», выигрыши от которой идут в казну крупного тюремного авторитета (в романе это тюремная камера с мистическим числом № 666, в которой, по «мифу», сидит Петлюра); в раскладе мистических карт Таро число 21 символизирует цепь вечных жизненных превращений, если после нее не вступает карта «Шут», означающая конец жизненной драмы, финал пути героя. Вот на этом модернистски преображенном числе и выезжают черти-заговорщики: «отличнейший организатор поэтов» прапорщик Шполянский («с ног до головы <...> вымазанный в машинном масле (даже лицо) и почему-то в саже») и водитель Щур (укр. *крыса*; русск. по словарю В.И. Даля «*лукавый плут, вор*», по М. Л. Гаспарову – «*избяная нечисть*» [11, с. 659; 12, с. 369]). Вкупе с двумя другими заговорщиками – Копыловым (в созвучии: с копытами) и «курносый Петрухиным» (в созвучии: Петухиным; или читай: героем одного из романов украинского писателя В.К. Винниченко (1880–1951) – «Курносый Мефистофелем») компания прочитывается не иначе как: с ног до головы в масле и саже нечисть с копытами во главе с украинским чертом.

Присутствует в этом приеме беглого маркирования как «метода шифровки», используемого М.А. Булгаковым не раз, и литературная игра-пародия с украинскими собратьями по перу в период правления Симона Петлюры [13, с. 56, 58-59, 62]. Шполянский – настоящая фамилия русского поэта и сатирика Дон-Аминадо (Аминада Петровича Шполянского, при рождении Аминодава Пейсаховича Шполянского) (1888–1957), не принявшего революции и уехавшего в 1918 г. в Киев, где печатался в газетах «Киевская мысль», «Утро», «Вечер». В 1920 г., эмигрировав во Францию, Дон-Аминадо «был посвящен в парижскую масонскую ложу «Космос», отчего, видимо, и получил в «Белой гвардии» должность «председателя городского поэтического ордена «Магнитный Триолет» [14]. Орден, надо заметить (как и ложа), – групповое объединение масонов, называемых в бульварной литературе Серебряного века магнетизерами. «Курносый Петрухиным» мог стать сам украинский прозаик В.К. Винниченко, автор дореволю-

ционного романа «Записки Курносого Мефистофеля» и глава петлюровской Директории (Председатель Директории Украинской Народной Республики). О В.К. Винниченко говорится прямо в 5 главе, когда его имя ставится в один ряд с Петлюрой и Торопцом, и скрыто-иронично в 16 главе, когда «светлого человека» с «прыгающим светлым коком над его лбом» поначалу принимают за Петлюру. Сближает Дон-Аминадо и В.К. Винниченко так же то обстоятельство, что оба родились на Украине в уездном городе Елисаветграде Херсонской губернии.

Образ третьего заговорщика, водителя Щура, скрывает еще одного украинского литератора – поэта-модерниста, переводчика и литературоведа В.Г. Щурата (1871–1948). На это намекает имя Щура Васька, произнесенное Шполянским в гл. 16, в сцене, в которой Щур провоцирует толпу на кровавую расправу с «известным украинским поэтом» и автором «антологии украинской поэзии Горболозом». Четвертого большевистского саботажника – Копылова – отождествить с кем-либо из украинских писателей невозможно. Впрочем, им мог стать Н.В. Копылов (1889–1940), прославившийся организацией на Украине в 1917–1918 гг. Красной гвардии [15].

В адрес украинских писателей также мог быть направлен булгаковский каламбур «телефонисты Франько и Гарась» (в созвучии: врать горазд), маркирующий двух сыновей классика украинской литературы И.Я. Франко П.И. Франко (1890–1941) и Т.И. Франко (1889–1971). Первый, прозаик и фольклорист, в 1918–1920 гг. состоял в сотниках Украинской Галицкой Армии. О военной или политической деятельности второго, юмориста-прозаика и литературоведа, в настоящее время ничего не известно.

«Телефонные птицы» нарушают войсковые связи, разрушают «д и с п о з и ц и и », разрешают от «бремени» чести и отваги. Мы приведем еще несколько отрывков, следующих в романе со страничным интервалом, чтобы показать ту «по минутную» работу «нежных петушков», которая зародилась в штабном вагоне командира петлюровского корпуса осады, полковника Торопца:

«В вагоне-салоне с зашарканным суконным полом поминутно пели тихие нежные петушки, и телефонисты Франько и Гарась, не спавшие целую ночь, начинали дуреть.

– Ти-у... пи-у... слушаю! Пи-у... ти-у...»;
«Нет, никто не поймет, что происходило в
Городе днем четырнадцатого декабря.

Звенели штабные телефоны, но правда, все реже, и реже, и реже...

Реже!

Реже!

Дррррр!..

– Тиу...

— Что у вас делается?

– Ти ү...

– Пошлите патроны полковнику...

– Степанову.

— Иванову.

— АНТОНОВУ!

– Стратонову!...

– На Дон... На Дон бы, братцы... что-то ни черта у нас не выходит.

– Ти-у...»:

«И в центре Города получилось отражение: стали потухать петухи в штабных телефонах».

Пищат с батареи в штаб дивизиона. Что за чертовщина, не отвечают! Пищат в уши из дружины в штаб командующего, чего-то добиваются. А голос в ответ бормочет какую-то чепуху.

— Ваши офицеры в погонах?

— А, что такое?

– Ти-у... Ти-у...

– Выслать немедленно отряд на Печерск!

— А, что такое?

– Ти-у...»;

«Поехала околесина на дрожках:

– Болботун – великий князь Михаил Александрович.

– Наоборот: Болботун – великий князь Николай Николаевич.

– Болботун – просто Болботун!

– Будет еврейский погром.

– Наоборот: они с красными бантами.

– Бегите-ка лучше домой.

– Болботун против Петлюры.

– Наоборот: он за большевиков.

– Совсем наоборот: он за царя, только без офицеров.

— Гетман бежал?

– Неужели? Неужели? Неужели? Неужели?
Неужели? Неужели?

– Ти-у... Ти-у... Ти-у...»;

«— Др-р-р-р-р-р-р-р-р-р...»

— Первая дружина?

— Да, слушаю.

– Немедленно две офицерских роты дайте на Печерск.

– Слушаюсь. Дрррррр... Ти... Ти... ти... ти...»

Дальше – больше. Птицы провоцируют на роковую гибель неизвестного штабс-капитана на шоссе, артиллерийской батареи

на дальних подступах к Городу, выход Николая Турбина и юнкеров на опасный перекресток, где погибает героический Най-Турс. К слову сказать, печать роковой колоды Таро лежит и на номере дома и улице, где проживает последний – «Мало-Провальная, 21». Аллюзию можно прочесть как: Малые Арканы + 21 Старший Аркан.

В-третьих, это низкотембровые модификации человеческого голоса, имитирующие голоса природы, животного мира и музыкальных инструментов. Неоднократно «квакает» «смутный собеседник» по телефонной нити, бандит-«волк» «сипловато хрипит», «гнусно говорит», произносит слова «гнилым голосом». Василиса «скрипит», «бубнит» Карасю во сне его голос «через вату»: «Ах, ду-ду-ду-ду – хабеас корпус, ах, ду-ду-ду-ду. Ай, ду-ду... <...> ай, ду-ду-ду <...> ай, ду-ду-ду». «Вести!» – сразу после похорон зарезанных офицеров «режет» «под самым ухом Турбина» «сиплый альт».

Но больше всего голосовых модификаций содержится в приказах полковника Най-Турса на смертельном перекрестке, «последнем, конечном пункте, указанным телефонным голосом». Вначале Най-Турс «взывает команду необычным, несслыханным картавым голосом» – таким, что, по мнению Николки, «голос слышен на десять верст и, уж, наверно, по всему городу»: «...сгивай погонны, кокагды, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газъезжую, на Подол! На Подол!! Гвите документы по догоге, пгячьтесь, гассыптесь, всех по догоге гоните с собой-о-ой!» Затем «вост, как кавалерийская труба»: «По Фонагному! Только по Фонагному! Спасайтесь по домам! Бой кончен! Бегом магш!» После «бешено гремит»: «Оглох? Беги!» Затем «выкрикивает голосом», который «кажется Николке звуком нежной кавалерийской трубы»: «Удигай, гвупый мавый! Говогю – удигай!» В следующий момент он «выкрикивает с болью и злобой»: «А! чегт!» И, наконец, перед смертью голос полковника «вытекает по капле»: «Унтег-цег,... бгосьте гегойствовать к чегтям, я умигаю...»

В-четвертых, ономотопеическое провоцирование осуществляется при помощи эха, производимого голосами человеческой массы и имитирующего звуки гусиной стаи. «Вопят» и «ревут» с характерным слогом

«га» юнкера, отвечая на крик командиров, и «громада гимназии повторяет громовым эхом»: «...го! го!... го!!»; «Га-сааа офицеры!»; «Га-а-а... Га-а-а!»; «Ррр... Ррррр... Стра... Рррррр!!!»; «Га, га, га!». «Слава», – дважды «гукает» петлюровский «гай перелесками», а холмы Печерска разносят: «Слава-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва...» «Гаркает» народ, встречающий войско «Батько» на площади Софии: «Га-га. Га-а-а»; «Га, га, га». «Га-а-а...Га-а-а», – разносит по собору гусиные крики человеческая масса; «Га-а. Га-а-а. <...> Га, га, га», – «шумит толпа» во время выступления большевистского оратора.

Прием 2. Какофония – скопление неблагозвучных звуков, нарочитое навязывание их слушателю. Инфернальные силы, которые это осуществляют в романе, пародируют, профанируют и искажают мелодию гавота, слова и музыку военных маршей, пастораль, православную литургию и крестный ход.

Какофонией обдаёт сцену «вещего сна» Николки (гл. 5). «Виолончельным басом» в ней вахмистр Жилин рассказывает, как в спешившемся строю, «справа по три», под итальянскую гармонику и «хор железных голосов», с бабами, пропускал апостол Петр в рай «эскадрон белградских гусар», «срезанный огнем» «в 1916 г. на Виленском направлении». «Под ноги!» – приказывали взводные, и «убиенные» гусары исполняли веселую корниловскую частушку «...Дунька, Дунька, Дунька я! Дуня, ягодка моя», родившуюся в Гражданскую войну из плясовых донских, кубанских и сибирских казаков (Ой, уж ты, Дуня, Дуняша», «Ой, Дуня, моя Дунюшка» и др.).

Какофонией наполнен юнкерский марш в гимназической сцене тальберговской «оперетки» (гл. 6). Образ «страшного», «воющего», ревающего антимарша, с трехчастной репризной формой, смещает сознание в сторону того чудовищного костра, который здесь прямо не называется, но вокруг которого христианство греется и живет. «Точно проснувшиеся демоны», звуки «тяжкого военного шага» по лестнице гимназии в сочетании с «шорохом и писком крыс» переходят в «гром Мышлаевского», как Радамеса в «Аиде», «рев» Караса («Ать... Ать...»), «пушечное» вокальное трио («тонкий высокий голос», тенор, бас) и хорал под дробный «хруст ша-

гов» и звяканье «каких-то забытых пыльных стаканов на покатых подоконниках». Шум и грохот, гремучая смесь отрывков из разных песен пародируют по отдельности сам юнкерский марш, фрагменты бородинской панорамы и стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино»:

Артиллеристом я рожден...
В семье бригадной я учился. <...>
Ог-неем-ем картечи я крещен
И буйным бархатом об-ви-и-и-лся.
Огне-е-е-е-е-ем... <...>
И за канаты тормозные
Меня качали номера. <...>
Идут и поют
Юнкера гвардейской школы!
Трубы, литавры,
Тарелки звенят!! <...>
Модистки! кухарки! горничные! прачки!!
Вслед юнкерам уходящим глядят!!! – <...>

На кровном аргамаке, крытом царским вальтрапом с вензелями, поднимая аргамака на дыбы, сияя улыбкой, в треуголке, заломленной с поля, с белым султаном, лысоватый и сверкающий Александр вылетал перед артиллеристами. Посылая им улыбку за улыбкой, исполненные коварного шарма, Александр взмахивал палашом и острием его указывал юнкерам на Бородинские полки. Клубочками ядер одевались Бородинские поля, и черной тучей штыков покрывалась даль на двухсаженном полотне.

...ведь были ж...
схватки боевые?! <...>
Да говорят, еще какие!! – <...>
Не да-а-а-ром помнит вся Россия
Про день Бородина!!

Завершается сцена «рваным» «пением» трубы: «В ее рваных, застоявшихся звуках, летящих по всей гимназии, грозность была надломлена, а слышна явственная тревога и фальшь». Какофония происходит такая, «каменная коробка гимназии теперь ревет и воет в страшном марше» так, что «звонит в ушах, в патронных ящиках, в головах», «ослепительный Александр несется на небо», а юнкера «ошалевают», и даже крысы сидят, «ошалевают от ужаса».

Аналогичное восприятие в сознании Алексея Турбина вызывает в гл. 12 «торопливый стук и шорох» ноги Юлии в «черном

чулке, край черного ботика на кирпичной лесенке». Какофония усиливается за счет фантазмагории. «Эгоистка, порочная, но обольстительная» нога-женщина призвана разрушить гламур придворной идиллии – танцевальную музыку бронзовых пастушков на фронте часов, под которую король «прекрасных галлов» «нежится в небесно-голубом саду на берегу озера, опьяненный своей славой и присутствием обаятельных женщин».

Не менее показательно в отношении какофоничности и парадное шествие «петлюриной армии» – «гайдамаков» и «галичан» (гл. 4, 6, 16). Их «удалые марши, победные, ревушие», «воюющие», «взрывают мороз» «густым трубным оркестром», «блестящими тарелками», трехрядкой, громом торбанов, «стальным» соловьиным свистом («Фью... ах! Ах!, тах, тах!»). «Высоко танцуют» в седлах командиры, «прыгают лихие гайдамаки», «молодецки гремят» голоса (фальцет, бас, хор), исполняется песня о примечательном персонаже – «гукате» (черте), любящем, по народным поверьям, играть на скрипке:

Гай, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким...

А в пятом ряду рванули басы:

Там орала дивчинонька
Воликом чорненьким...
Орала... орала,
Не вмила гукаты.
Тай наняла козаченька
На скрипочке граты.

Но, пожалуй, наивысшей силы «бесовское действо» получает в сцене литургии и крестного хода. Причем пародируются в ней кульминационные моменты православного обряда: многолетие и торжественное начало крестного хода:

Многая лета. Многая лета.
Много-о-о-о-га-ая ле-е-е-т-а...

вознесли девять басов знаменитого хора Толмашевского.

Мн-о-о-о-о-о-о-о-о-гая л-е-е-е-е-е-та... –

разнесли хрустальные дисканты.

Многая... Многая... Многая...

рассыпаясь в сопрано, ввинтил в самый купол хор.

- Бач! Бач! Сам Петлюра...
- Бач, Иван....

А далее тесситура смещается на характер голоса солиста-певца («страшный бас прото-диакона Серебрякова» «рычит где-то в гуще») и хорового эха («Га-а-а-а... Га-а-а-а...»), создаваемого хаотическим движением людской массы. Как только прячется камертон, «невероятная кутерьма» переходит в «страшную, вопящую» бурю: «хор, в коричневых до пят костюмах..., колыша белобрысыми, словно лысыми, головенками дискантов, качаясь кадыками, лошадиными головами басов, течет с темных, мрачных хор». «Лавинами... шумит народ», «хрустит тысячами ног, шепчет, шуршит толпа», «вспыхивают короткие болезненные крики женщин».

Здесь-то и пробивает час дьяблерии. «Старые фрески на стенах» в эти мгновения как бы оживают, пространство храма раздвигается, и «коричневые с толстыми икрами скоморохи неизвестного века несутся, приплясывая и наигрывая на дудках», передавая эстафету-спектакль площади. А там «крестный, задавленный и ошалевший ход с хора» встречает какофоничная вокально-инструментальная аранжировка: «гул» «Софийского тяжелого колокола на главной колокольне»; яростный лай маленьких колоколов («тявкают, заливаясь, без ладу и складу, вперебой, точно сатана влез на колокольную, сам дьявол в рясе и, забавляясь, поднимает гвалт», «Дон... дон... дон... Дон-дон-дон... Тирли-бом-бом. Дон-бом-бом, – бесятся колокола»); «гнусавые голоса» слепцов, «тянущих за душу отчаянную песню о Страшном суде»; «страшные, щиплющие за сердце звуки, гнусаво, пискливо вырывающиеся из желтозубых бандур с кривыми ручками»; «скрип», «стон» и «вой» «проклятых лир».

«Невероятная кутерьма» и «гвалт» передаются в предпоследней главе романа даже «старенькому пианино» Турбиных, когда-то игравшему «каватину про бога всевышнего». Теперь оно, «под пальцами Николки», «изрыгает отчаянный марш «Двуглавый орел».

Следует отметить, что на сцену литургии и крестного хода, падающей по церковному календарю на один из предрождественских

дней, прямо или косвенно, могла повлиять «библия» европейского Ренессанса, книга французского писателя Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Она ни разу не упоминалась исследователями среди литературных источников «Белой гвардии» и поэтому заслуживает более детального с ней сопоставления.

Роман Ф. Рабле являлся своеобразным сборником фарсов, во всяком случае, их прозаическим переложением, опирался на комедиантское наследие Европы, и содержал дьяблерии, причем некоторые его главы и группы глав следует рассматривать соответственно – как малые и большие дьяблерии, разделы мистерий с малым и большим участием чертей, запрещенные к постановке церковью, но оставшиеся в исторической памяти народа и реконструированные Ф. Рабле.

К одной из таких дьяблерий, когда-то вставлявшихся в раму библейских площадных драм, следует отнести, по нашему мнению, сцену с бурей (Четвертая книга, гл. XVIII–XXII), налетевшей на корабль, на котором странствует Пантагрюэль и которого как будто бы нет. Ведь Пантагрюэль, как указывал еще М.М. Бахтин, в дьяблериях был «мистерийным чертом», связанным «с космическими стихиями (со стихией воды и морской солью)» [4, с. 468–469], и здесь его роль как провокатора и пересмешника переходит на общий план – сам он – соленое море, сыплющее соль в глотки своих дьяволят-собутельников.

Сцена представляет из себя большую рождественскую дьяблерию – «бурю» на море, предшествующую рождеству Спасителя, и отражается в некоторых художественных картинах, образах и деталях «Белой гвардии»: в эпитафии из «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, в игре «звезд» Венеры и Марса (называемой астрономами «парадом планет», а придворными звездочетами Средневековья «дьявольской осью»), в образе «маленькой церкви Николая Доброго», в аллюзиях на рождественский сочельник, в образе «хаоса мироздания», открывающемся в салоне мадам Анжу, в образе «пенделя» Максима и его «колеса», в колокольном «гвалте», «поднятом» дьяволом, в сне Василисы об огороде и поросятах, в языческой стороне образа Елены Турбиной (Елены Троянской и ее братьев Кастора и Полидевка), в «чертовой дюжине», под которой обозначается дом

Таблица 1

Структурное и аллегорическое сравнение романов

Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	М.А. Булгаков «Белая гвардия»
«ГЛАВА XVIII <i>О том, как Пантагрюэль застигла в море сильная буря</i> <...> Внезапно море вздулось и всколебалось до самой пучины; громады волн с размаху ударились о борта; мистраль, сопровождаемый бешеным ураганом, неистовыми порывами, ужасными вихрями и смертоносными шквалами, засвистал в реях; небесный свод загремел, заблестал, засверкал, хлынул дождь, посыпался град; воздух утратил прозрачность, сделался непроницаемым, темным и мрачным, и только зарницы, вспышки молний и прозоры меж огнедышащих туч озаряли тьму: категида, тиэллы, лелапы и престеры беспрерывно проносились над нами; по временам все вокруг нас вспыхивало при свете псолоентов, аргов, элик и прочих истечений эфира; рассеянным и блуждающим взором следили мы за тем, как чудовищные смерчи вздымали крутые валы. Поверите ли, у нас было такое чувство, словно это <u>древний хаос</u>, в коем все стихии – огонь, воздух, море, земля – слились воедино. <...> Амба нам, амба! Фок-мачта упала в воду. Увы, кому достанутся эти обломки? Друзья, позвольте мне укрыться за парашютом! Эй, ребята, фонарь упал! Ах, Боже мой, не выпускайте из рук ни румпеля, ни талей! Я слышу, как скрипит руль. Он не сломался? Бога ради, спасите брюк, на бейфут не обращайтесь внимания! Бе-бе-бе, бу-бу! Господин <u>звездочет</u>! Будьте добры, <u>взгляните на стрелку компаса</u>, откуда идет шторм? Я с ума схожу от страха, честное слово! Бу-бу-бу-бу-бу! Пришел мой конец. Я даже в штаны наложил от ужаса! Бу-бу-бу-бу! Брррррр! Брррррр! Бу-бу-бу! У-у-у! Бу-бу-бу-бу! Тону, тону, тону, помираю! Добрые люди, тону!» «ГЛАВА XIX <i>О том, как вели себя во время бури Панург и брат Жан</i> – Бе-бе-бе, бу-бу-бу! – отвечал Панург. – брат Жан, друг мой, отец мой родной, я тону, тону, друг мой, тону! Погиб я, отец мой духовный, друг мой, погиб! Ваш меч меня не спасет. Горе нам, горе! Мы уже прошли всю гамму, перевалили за верхнее «до». Бе-бе-бе, бу-бу! Горе нам! А сейчас мы уже за нижним «до». Тону! Папаша, дядюшка, драгоценный вы мой! Вода просочилась через воротник в туфли. Бу-бу-бу, гу-гу-гу, га-га-га-га-га, тону! Увы нам, увы, гу-гу-гу-гу-гу-гу! Бе-бе, бу-бу, бо-бу, бобу, го-го-го-го-го! Увы, увы! <u>Сейчас я – точь-в-точь раздвоенное дерево: ноги вверх, голова вниз</u>. <...> – Эй, чертов висельник! Иди помогать, иди, тридцать легионов чертей!.. – крикнул брат Жан. – Пойдешь ты или нет? – Отец мой, друг мой, в такой час грешно ругаться! – молвил Панург. – Вот завтра – сколько вам будет угодно. Горе нам, горе, увы! Вода заливает наш корабль. Тону! Увы. Увы! Бе-бе-бе-бе, бу-бу-бу-бу! <...>	<i>«Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.</i> <i>– Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!</i> <i>«Капитанская дочка»</i> «Велик был год и <u>страшен</u> год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и <u>особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс</u>. «Вокруг полковника царил <u>хаос мироздания</u>. В двух шагах от него в маленькой черной печечке трещал огонь, с узловатых черных труб, тянувшихся за перегородку и пропадавших там в глубине магазина, изредка капала черная жижа. Пол, как на эстраде, так и в остальной части магазина переходивший в какие-то углубления, был усеян обрывками бумаги и красными и зелеными лоскутками материи. На высоте, над самой головой полковника трещала, как беспокойная птица, пишущая машинка, и когда Турбин поднял голову, увидал, что пела она за перилами, висящими под самым потолком магазина. <u>За этими перилами торчали чьи-то ноги и зад в синих рейтузах, а головы не было, потому что ее срезал потолок</u>. Вторая машинка стрекотала в левой части магазина, в неизвестной яме, из которой виднелись яркие погоны вольноопределяющегося и <u>белая голова, но не было ни рук, ни ног</u>.

Продолжение таблицы 1

Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	М.А. Булгаков «Белая гвардия»
– Горе нам, горе, горе! – вопил Панург. – Бу-бу-бу-бу-бу! Горе, горе! Неужто нам всем грозит неминуемая гибель? Увы мне, добрые люди, тону, умираю! Consummatum est. Конец мой пришел! – Му-му-му! – сказал брат Жан. – Фу, до чего ж ты мне противен, с...ая плакса! Эй, юнга, береги, черт возьми, насос! Тебя что, зашибло? Ах, ты, Господи! Привяжи его к якорному битенгу! Туда его, туда, черт побори! Так, так, мальчик, так! – Ах, брат Жан, отец мой духовный, друг мой, не ругайтесь! – возопил Панург. – Вы грешите. Горе мне, горе. Бе-бе-бе, бу-бу-бу! Друзья мои, тону, умираю! Прощаю всем. Счастливо оставаться! In manus... Бу-бу-бу-у-у! Святой Михаил Орский и <u>святитель Николай!</u> В последний раз взываю к вам! Обещаю вам и Господу Богу нашему: если вы мне поможете, то есть если вы меня избавите от этой напасти и вынесете на сушу, я вам построю <u>хорошенькую большую-пребольшую малюсенькую капеллу, а то и две.</u> <u>Между Канд и Монсоро.</u> <u>Где не пасет пастух коров.</u> Горе мне, горе! В меня влилось восемнадцать с лишним ведер воды. Бу-бу-бу-бу! Какая же она горькая, соленая! – Клянусь кровью, плотью, чревом и головой, – сказал брат Жан, – если ты не перестанешь ныть, я угощу тобой морского волка. Какого дьявола мы до сих пор не выкинули его за борт? А ну-ка, гребец, приналяг, славный парень! Так, так, дружище! Эй, вы, там, наверху, держитесь! Ого! Вот так полыхнуло, вот так громынуло! <u>Не то все черти сорвались нынче с цепи, не то Прозерпина рождает. Весь ад танцует с погремущками!</u>» «ГЛАВА XX <i>О том, как кормовые матросы поручают кораблю воле зыбей</i> – Отлично сказано! Веселей, веселей, веселей! Шлюпки готовы! Веселей! Боже милосердный, это еще что? Нос – в щепы! Ну чтож, гремите, черти, п...те, с...те! Чихал я на эту волну! Слава Богу, она меня не слизнула. Кажется, будто <u>миллионы чертей со всей округи собрались на капитул или же галдят на выборах нового ректора.</u> – На бакборт! – Отлично сказано! Эй, юнга! Ну-ка, черт возьми, подтяни повыше блок! На бакборт, на бакборт! – Бе-бе-бе, бу-бу-бу! – бормотал Панург. – Бу-бу, бе-бе-бе, бу-бу-бу, тону. Не видать ни неба, ни земли. Горе нам, горе! Из четырех стихий здесь остались только две: огонь и вода. Бу-бу-бу, бу-бу! <...> – Дадимте какой-нибудь хороший торжественный обет! – предложил Панург. – Горе нам, горе нам, горе нам, бу-бу, бе-бе-бе, бу-бу-бу! Горе нам, горе нам, горе! Пошлем кого-нибудь за нас паломничать! Ну да, ну да, сложимся по несколько лиаров, ну да!»;	«...белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в <u>маленькую церковь Николая Доброго, что на Ввозе».</u> «Соборный двор, топтанный тысячами ног, звонко, непрерывно хрустел. Морозная дымка веяла в остывшем воздухе, поднималась к колокольне. Софийский тяжелый колокол на главной колокольне гудел, стараясь покрыть всю эту страшную, вопящую кутерьму. <u>Маленькие колокола твякали, заливаясь, без ладу и складу, вперебой, точно сатана влез на колокольню, сам дьявол в рясе и, забавляясь, поднимал гвалт.</u> В черные прорези многоэтажной колокольни, встречавшей некогда тревожным звоном косых татар, видно было, как метались и кричали маленькие колокола, <u>словно яростные собаки на цепи».</u> «...Толпа гимназистов всех возрастов в полном восхищении валила по этому самому коридору. Коренастый Максим, <u>старший педель,</u> стремительно увлекал две черные фигурки, открывая чудное шествие.

Окончание таблицы 1

Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	М.А. Булгаков «Белая гвардия»
«ГЛАВА XXI <i>Продолжение бури и краткое собеседование о завещаниях, составленных на море</i> Грозой звали в коллеже Монтегю одного великого <u>секателя школяров</u>. Если педагоги, секущие бедных детей, невинных школяров, осуждены на вечную муку, то, клянусь честью, он, уж верно, <u>висит сейчас на колесе</u> Иксиона и хлещет розгой куцую собачонку, чтобы она быстрее его вертела; если же за сечение невинных детей наставникам уготовано вечное блаженство, то, должно полагать, он сейчас превыше...»; «ГЛАВА XXII <i>Конец бури</i> – Отлично сказано и придумано. По-моему, гроза вовремя разразилась и кончилась. Слава тебе, Господи! – Черти от нас отстали. – Трави! – Сказано отлично, с полным знанием дела. Трави, трави! Милейший Понократ! Бога ради, сюда, неумолимый потаскун! Уж этот блудник наплодит одних мальчиков! Любезный Эвсфен! К малой стеньге! – Веселей, веселей! – Отлично сказано! Веселей, веселей! Бога ради, веселей! – <u>Не боюсь я ничего: ведь сегодня Рождество, Рождество, Рождество!</u> – Мне нравится этот келевм, – заметил Эпистемон, – он сейчас как раз кстати, – <u>ведь нынче в самом деле праздник.</u> – Веселей, веселей! Молодцы! – Приказываю вам всем надеяться! – крикнул Эпистемон. – Направо показалась звезда Кастора. – Бе-бе-бе, бу-бу, – забормотал Панург, – боюсь, что это не Кастор, а шлюха Елена» [18, с. 491-500]	– Пушай, пушай, пушай, пушай, – бормотал он, – пушай, по случаю радостного приезда господина попечителя, господин инспектор полюбуется на господина Турбина с господином Мышлаевским. Это им будет удовольствие. Прямо-таки замечательное удовольствие! <...> У господина Мышлаевского, ущемленного в левой руке Максима, была наискось рассечена верхняя губа, и левый рукав висел на нитке. На господине Турбине, увлекаемом правой, не было пояса, и все пуговицы отлетели не только на блузе, но даже на разрезе брюк спереди, так что собственное тело и белье господина Турбина безобразнейшим образом было открыто для взоров. <...> У Максима на голове была черная сапожная щетка, лишь кое-где тронутая нитями проседи, у Максима железные клещи вместо рук, и <u>на шее медаль величиною с колесо на экипаже... Ах, колесо, колесо.</u> «Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подходил к половине. Уже отсвет рождества чувствовался на снежных улицах». «В гостиной – приемной совершенно темно. Николка наткнулся на стул. В окнах настоящая опера <u>«Ночь под рождество» – снег и огонечки. Дрожат и мерцают.</u> Николка прильнул к окошку. Из глаз исчез зной и училище, в глазах – напряженнейший слух. Где? Пожал унтер-офицерскими плечами. – Черт его знает. Впечатление такое, что будто под Святошиным стреляют. <...> А в окнах настоящая опера <u>«Ночь под рождество», снег и огонечки, дрожат и мерцают... «Желал бы я знать, почему стреляют в Святошине?»</u> И безобидно, и далеко, пушки, как в вату, бу-у, бу-у...» «...бормочущую ночь в семье. Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес бога, облакающий мир, покрылась звездами»

Турбиных. То же, что дом Турбиных напоминает корабль, несущийся по бурным волнам социального моря, легко представить. Тем более сравнение дома с кораблем уже имело место в литературоведении. Е.А. Яблоков, упоминавший бунинские слова «...мрак, океан, вьюгу», ставил их в контекст морского движения дома. «Дом-корабль, –

писал он, – предстает как в сакральном, так и в профанном вариантах, воплощаясь то в ковчег, то в угловое суденышко» [16, с. 154].

Для большей наглядности структурного и аллегорического сравнения двух романов выборку фрагментов произведем в достаточном объеме, с выделением особенно схожих мест путем подчеркивания. Учтем и допол-

нительные, графические средства. В форматах обоих текстов они отражаются в уменьшении шрифта и курсиве (табл. 1).

Но не только совпадением структурных, аллегорических или графических особенностей поражают два романа. Любопытным элементом в дьяблерии Рабле оказывается, как мы видим, поведение комедиантов – чертей, лицедействующих перед бездной. В их кривлянии присутствует особый эффект – эффект какофонии, подобной той, какая разлита в литургической 16 главе, прервавшей сон Карася («Ах, ду-ду-ду-ду – хабеас корпус, ах, ду-ду-ду-ду. Ай, ду-ду...») и растворенной в общей музыкальной гамме. Все пять главков, следующих в «Гаргантюа и Пантагрюэле» друг за другом, показывают разнужданный и нарочитый акустический буфф, карнавалый смех во время гибели, фейерверк в момент уничтожения, тотальное разрушение, предшествующее творению, рождение порядка и гармонии из «бормотания» «колеса» «древнего хаоса». Недаром и имя героя романа Ф. Рабле Панург в переводе с греческого обозначает «творец всего» (пан + ург) и является аллюзией на богатрихстера Пана, а брат Жан чуть ранее, в конце 17 главы, сравнивает «рассуждение» другого участника «морской» экспедиции Гимнаста «со святым Жаном де ла Палисом. – Так в просторечии звался святой Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса» [17, с. 742].

(Окончание в следующем номере.)

Список литературы

1. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Изд. Совет Русской православной церкви, 2003.
2. Ужанков А. Коту под хвост // Литературная газета. 2006. № 11-12.
3. Сисикин В. Дионисов мастер // Подъем. 1989. № 3. С. 135-143.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2014.
5. Белкин А.А. Скоморохи в русском обществе // Белкин А.А. Русские скоморохи. М.: Наука, 1975. С. 53-109.
6. Асеев Б.Н. Русский драматический театр XVII–XVIII вв. М.: Искусство, 1958.
7. Зингшпиль. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%88%D0%BF%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 20.12.2016).
8. Орелович А.А. Оперетта // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Сов. энциклопедия, 1970–1978. Т. 18. С. 424-425.
9. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 4. В дальнейшем текст цитируется по этому изданию.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991. Т. 1.
12. Богомолов Н.А. «Дыр бул щыл» в контексте эпохи // Богомолов Н.А. Вокруг «Серебряного века»: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 360-378.
13. Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.
14. Дон-Аминадо. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%90%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%BE> (дата обращения: 20.12.2016).
15. Декоммунизация: враги народа и их преступления. URL: <http://argumentua.com/stati/dek-komunizatsiya-vragi-naroda-i-ikh-prestupleniya> (дата обращения: 20.12.2016).
16. Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997.
17. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1991.

References

1. Dunaev M.M. *Vera v gornile somneniy: Pravoslaviye i russkaya literatura v XVII–XX vv.* [Belief in Furnace of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in XVII–XX Centuries]. Moscow, Soviet Russian Orthodox Church Publ., 2003. (In Russian).
2. Uzhankov A. Kotu pod khvost [All to pot]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 2006, no. 11-12. (In Russian).
3. Sisikin V. Dionisov master [Dionysus's master]. *Podym* [Rise], 1989, no. 3, pp. 135-143. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Works of François Rabelais and People Culture of Middle Centuries and Renaissance]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. (In Russian).
5. Belkin A.A. *Russkie skomorokhi* [Russian Traveling Minstrels]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 53-109. (In Russian).

6. Aseev B.N. *Russkiy dramaticheskiy teatr XVII–XVIII vv.* [Russian Dramatic Theatre of XVII–XVIII Centuries]. Moscow, Iskustvo Publ., 1958. (In Russian).
7. *Zingshpil'* [Singspiel]. (In Russian). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%88%D0%BF%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (accessed 20.12.2016).
8. Orelovich A.A. *Operetta* [Operetta]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970–1978, vol. 18, pp. 424–425. (In Russian).
9. Bulgakov M.A. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Moscow, Golos Publ., 1995, vol. 4. (In Russian).
10. Rozental D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravozhnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. (In Russian).
11. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Dictionary of the Great Russian Living Language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989–1991, vol. 1. (In Russian).
12. Bogomolov N.A. *Vokrug «Serebryanogo veka»* [Around “Silver Age”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 360–378. (In Russian).
13. Kolchanov V.V. *Mezhdumisteriei i buff: povest' M.A. Bulgakova «Rokovye yaysa» v svete teatral'nykh modernistskikh zhanrov pervoy treti XX v.* [Miracle-play and comic play: novella by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” from the point of theatre modernist genres of the first third of XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 53–65. (In Russian).
14. *Don-Aminado* [Don-Aminado]. (In Russian). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%90%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%BE> (accessed 20.12.2016).
15. *Dekommunizatsiya: vrugi naroda i ikh prestupleniya* [Decommunization: People's enemies and their crimes]. (In Russian). Available at: <http://argumentua.com/stati/dekkomunizatsiya-vragi-naroda-i-ikh-prestupleniya> (accessed 20.12.2016).
16. Yablokov E.A. *Motivy prozy Mikhaila Bulgakova* [Motifs of Prose of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 1997. (In Russian).
17. Rabelais F. *Gargantua i Pantagryuel'* [Gargantua and Pantagruel]. Moscow, Pravda Publ., 1991. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.
Received 10 January 2017

UDC 82-1/-9

FROM DIABLERIA TO OPERETTA: MUSICAL BUFFO AND METHODS OF NEURO-LINGUISTIC PROGRAMMING IN MYSTERY NOVEL OF M.A. BULGAKOV “THE WHITE GUARD”

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Theatrical and genre origins of M.A. Bulgakov's novel “The White Guard” are analysed. They are mystery, diablerie, singspiel, operetta, buffo. The musical score of the text is studied. The stylistic methods of language corruption are described. They are onomatopoeia, cacophony, anagram, paronomasia, syncope, apocope. The frames of cultural klinamens are defined as initiation in death and revival. Religious-spiritual influence of the work on the reader is defined as psychotherapeutic recovery. The symbolic “world outlook” is considered. The references to Tarot sign system are made and to the texts of F. Rabelais and Russian futurists V.V. Mayakovsky, V.V. Khlebnikov, A.E. Kruchenykh. The game abilities of modernist prose are revealed.

Key words: mystery; diablerie; buffo; operetta; neuro-linguistic programming (NLP); futurism; Tarot; F. Rabelais

Информация для цитирования:

Колчанов В.В. От дяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистерии М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 41–54.

Kolchanov V.V. Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyy buff i priemy neyrolingvisticheskogo programmirovaniya v romane-misterii M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From diablerie to “operetta”: musical buffo and methods of neuro-linguistic programming in mystery novel of M.A. Bulgakov “The White Guard”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 41–54. (In Russian).

УДК 82

ОТРАЖЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ О. СУЛЕЙМЕНОВА В АТТРАКЦИИ СЛОВ «ПЛАМЯ–ПОЛЕ–ПОЛЫНЬ»

© Рауза Имангалиевна УТЕПОВА

старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: roza_uterova69@mail.ru

Выявлены отличительные черты поэзии Олжаса Сулейменова. Их содержание сводится к актуализации внутренней формы слова в поэтическом тексте. В научный оборот введены ранее известные произведения автора, имеющие существенное значение для изучения специфики формирования и реализации творческого замысла О. Сулейменова. Феномен русскоязычного поэта рассмотрен с точки зрения концептуальной картины мира, сформировавшейся в рамках русской, мировой и национальной культур. Поэзия О. Сулейменова глубоко самобытна, в его поэтической русской речи отражаются уловимые нотки Востока. Поэт связан с традициями устной казахской поэзии, корни которой уходят в глубь веков. Немалое влияние оказало на О. Сулейменова и знакомство с творческим наследием великих поэтов Древнего Востока – О. Хайяма, Саади, Хафиза и др. Метрический репертуар, ритмическая структура и рифма в поэзии О. Сулейменова, являющиеся предметом исследования, приводят к выводу: используя традиционно-фольклорные формы казахского стиха, поэт приспосабливает их к русской системе стихосложения. Предпринята попытка выявить особенность поэтического языка О. Сулейменова не столько в насыщенности экзотизмами, сколько в необычности образно-ассоциативных представлений, идущих от глубинного мироощущения, национально-казахской картины мира. Поэтический язык О. Сулейменова отражает общие закономерности современной поэзии. Это и так называемый космизм мышления, повышенный интерес к проблемам времени, его структуре и сущности, изменение представления о месте человека в мире, восприятие человечества как части природы, а мира – в его единстве всего со всем в пространстве и времени, стремление осмыслить историю человечества как единое целое, противоречивое, но взаимодополняющее явление.

Ключевые слова: поэтика; образ огня; культ огня; трансформация огня; поэтическая система; поэтическое сознание

Особую перспективу предполагает рассмотрение авторской этимологизации в структуре развития какого-либо образа доминанты, или художественной идеи. Авторская этимологизация во всех ее разновидностях – важнейший способ отражения поэтического мировидения Олжаса Сулейменова в рамках художественной идеи огня. Образ огня – один из центральных образов мировой литературы и культуры – находит разнообразное преломление в различных литературных традициях, художественно-эстетических системах.

Индивидуально-авторское содержание этого образа в любой поэтической системе в конечном счете восходит к сложному мифопоэтическому смыслу образа огня, существующему в мифологическом сознании многих народов. В связи с этим нельзя не привести слова И. Франк-Каменецкого о том, что ликвидируемые в результате многократно повторяющегося процесса мифологиче-

ские представления находят гостеприимное убежище в поэзии, обогащая наличный в поэтической речи запас метафор и уподоблений, отражающих элементы некогда подлинного мирозерцания, но признаваемых отныне за простую игру воображения [1].

Открытие огня относится к самой древней человеческой культуре. Как считал Ю.М. Шилков, в истории человеческой культуры вряд ли есть какое-нибудь другое явление, которое сыграло такую же роль, как огонь. Ни один объект окружающей природы не мог вызвать в человеке такое яркое представление о жизни, жизненной силе и воле, как огонь – стихия, которая как раз проявляет самопроизвольность движения, и притом движения в высшей степени быстрого и могущественного. Достаточно представить картину степного пожара, где огонь распространяется с необычайной силой и шумом, который для примитивного человека есть язык

огня, голос огня. И наряду со способностью уничтожать все на своем пути огонь дает благодетельное тепло и свет и является помощником и охранителем человека [2].

Огонь как средство для отпугивания злых духов имеет широкое применение у всех народов. Культ огня отразился в целом ряде мифических образов (греческое божество Гефест, божественный кузнец Вулкан, Прометей, бог огня Агни в Индии и др.).

В мифологическом сознании многих народов огонь является воплощением нескольких начал: сила уничтожающая; грозная и опасная стихия, например, боги Агни и Шива-Рудра в ведийской религиозной системе; спутник и помощник человека в борьбе с хищными зверями; сила очищающая и целительная; домашний очаг, символ, покровитель семьи; сила оплодотворяющая.

Мифологические представления закрепились в многочисленных обрядах. Пляски и прыгание через огонь у древних славян и других европейских народов, лечение скота во время эпизоотий пропусканием через костер в Баварии, печально известные инквизиторские костры, на которых сжигали ведьм, рождественские огни на елке – этот ряд можно продолжать очень долго. Во Франции до сих пор обносят сады и поля зажженными факелами для увеличения их плодородности. У индусов жених, обводя свою невесту вокруг огня, обращается к Агни со словами: «Верни, о Агни, мужьям жену с приплодом», почти такой же обряд существует у балканских славян.

Все эти представления естественным образом вошли в поэтический фонд мировой литературы, трансформировавшись в соответствии с художественно-эстетическими установками авторов в рамках того или иного художественного направления.

В казахской мифологии, по словам Ч. Валиханова, огонь – главный объект шаманских поклонений. Огонь назывался святым (аулие) так же, как и мусульманские угодники [3]. Еще одно из названий огня – «От-ана» (Мать-огонь). Очистительное свойство огня проявлялось в проведении меж двух огней – обряд, получивший название «аласта». В мифологическом представлении древних кочевников огонь – покровитель жилищ, домашнее святилище, поэтому невеста при вступлении в новое семейство должна была поклониться огню в «большом

доме», то есть в доме старшего члена семейного клана. Невесту сажают возле очага, затем льют жир в огонь, и она падает несколько раз ниц, приговаривая: «Мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью». Оплодотворяющая сила огня проявляется и в том, что жертву огню приносят и при рождении ребенка. Огнем лечили болезни. По обычаю в огонь нельзя плевать, нельзя проходить через огонь [3, с. 81].

Художественное воплощение образа огня в поэтической системе О. Сулейменова обнаруживает сложное переплетение смыслов, опирающихся на всю совокупность мифопоэтических представлений от примитивно-анимистических до абстрактно-философских построений зороастризма, индуизма и других высших религиозных систем, идеи которых преломились в мировой литературе.

В поэтическом сознании О. Сулейменова, несомненно, присутствует осмысление мифологического содержания образа огня, которое особенно ярко проявляется в контексте стихотворения «Азиатские костры» (1959):

Мы помним то,
равняющее всех,
его в людской истории немало –
когда-то ночью к вам пришли шаманы
для добрых дел и правильных бесед.
Они *зажгли огонь* и научили
беречь огонь и
кланяться огню,
лечить огнем радикулит и чирей
и научили подходить к коню,
и верить солнцу, и гадать по звездам,
от них пошло – и танцевать и петь,
от них вы почитали только весны,
от них пахать, выращивать и печь.
От них, старателей, пошел алмаз,
их в жертву приносили
самоеды,
но и в *огне* они учили вас.
Шаманы *знали свет* из слепоты,
из вашей глухоты для вас – Бетховенов <...>
[4, с. 20]

Когда вам говорили:
заплати,
когда ни пула, ни таньги, ни мана,
вы жгли
для дыма
на кострах шаманов,
придумавших костер
для теплоты.
<...>

О Азия, ты столько нас истратила!
Опять костры для дыма
расцвели [4, с. 21].

Огонь, связанный с образом шаманов – первых языческих служителей огня, в этом контексте воплощает первобытное представление об охранительной, излечивающей силе, противостоящей злему началу, помогающей человеку в освоении природы: / Когда-то ночью к вам пришли шаманы / для добрых дел /. Образное противопоставления «темноты» – невежества и «света» – первых знаний о мире – представлены в лексическом ряде – *ночь, слепота, глухота и огонь, солнце* и т. д. Следовательно, поэтический образ огня для О. Сулейменова, помимо прочего, связан с освоением окружающего мира, постижением его тайн с первыми знаниями. Однако явно проявляется и вторая сторона огненной стихии как противоречивого начала – это и уничтожающая сила, которую можно использовать с недобрыми намерениями (вы жгли для дыма / на кострах шаманов, придумавших костер / для теплоты) [4, с. 21].

Художественная идея огня получает развитие на протяжении всего творческого пути поэта, воплощаясь даже в названии одного из сборников О. Сулейменова – «Трансформация огня» (1973). Развитие образа огня свидетельствует о существенных изменениях в структуре поэтического сознания О. Сулейменова, дает представление об эволюции индивидуальной поэтической нормы на протяжении десятилетия. Динамику образа огня можно проследить сквозь призму авторской этимологизации, подлинной и намеренно ложной, поэтической этимологии, паронимической аттракции на примере функционирования одного из словесных воплощений идеи огня – лексеме «пламя».

В 1973 г. появилось стихотворение в прозе О. Сулейменова «Трансформация огня», построенное на поэтическом истолковании разных этимологий слов со сходным звуковым комплексом (пол-, пл-, пал-, пыл-, пепел-). Для поэта важна идея единства этих слов, соответствующая логике художественно-эстетических представлений: «Работа поэта рифмовать не только окончания, но и корни...». Декларируя свое «паронимическое кредо» [5, с. 17], О. Сулейменов приглашает читателя задуматься:

Ты чувствуешь связь слов «пламя» и «поле»?
Окающий оратай-лесовец выжигает в чащобе
участок

для пашни. Бушует *полями*, *пылают дрова*; *палом* охвачены валежник, хворост, трава – все, что будет названо в диалектах терминами *полено*, *полова*, *попынь* от глагола «полети» (гореть).

Утихает *пыл*, оседают *пылью* (золой) острые пеньки

кокса, тихими дымками чадит *пепелище* – черная

проталина в лесу. Назовут ее племена *полевой* или *попынью*.

Или еще – *поль*, *поле...*

Пустое, обезлесенное пространство – *полое*.

Ковыряясь тяпкой в огороде, ты уже не ведаешь, какое *пламенное* прошлое у потных, унылых слов *полоть*, *пропалывать...* [5, с. 13].

Перечисленные слова, объединены ли они реальными деривационными или этимологическими связями, либо просто фонетическим сходством, связываются поэтом в одну образно-этимологическую цепь, становятся членами одного семантико-ассоциативного гнезда.

Ключевыми в этом ряду являются образы *пламени* и *поля*. Объединение слов названного поэтико-этимологического гнезда отражает представление автора о взаимодействии двух стихий: стихии огня, выраженной в *пламени* и воплощающей в себе противоречивые начала уничтожения и очищения, и *поля* – результата этого очищения, свободного, открытого пространства, предназначенного для новой жизни. Образы построены на основе словарных значений лексем «пламя» – огонь, поднимающийся над горящим предметом [6, с. 132], и «поле» – безлесная равнина, засеянный или возделанный под посев участок земли, и представляют поэтическое осмысление их этимологической связи [6, с. 11].

Следующий, более глубинный план восприятия образов, связанных с художественной идеей огня, разворачивается постепенно, обнаруживая культурно-исторические коннотации:

Устало разогнешься, глянешь через тын в бесконечную жаркую степь, безлесую от природы, и не поймешь, за что ее назвал предок именем *Дикий поль* или *Дикое поле*. И протрусит на чалом мерине... Артык Салыков, из племени кипчак, рода берш, и ты ни за что не поверишь, что он и есть *половец*, обитатель *Дикого поля*. Да он и сам не знает. Свяжи, Ахмет, единым взглядом корни невидимые и крону – помысли исторически.

...Выжженные страницы истории золой зла и добра покрыты. По обугленным пенькам *полюны* – *емишана* определяют возраст родины. Приветственную каждую былинку, выросшую на «удобренном *пеплом* подзоле». Каждую былинку.

Мне надо поверить в то, что из поля выходили *исполины*,

их лица круглые, как *перекати-поле*.

Обожжены ветрами дикой воли.

Все несправедливые поступки кипчаков-*половцев*... отразились болью и злобой на страницах летописей.

Справедливые войны их остались незамеченными и не коснулись пергаментного сознания моих знакомых писателей.

И может, московский или киевский историк оценит беспристрастно роль кипчаков, веками служивших щитом Руси против мусульманской экспансии.

Пока историки помнят лишь мгновения несправедливых войн и не вспоминают столетия братства Руси и *Поля*.

Ураганы 13-го несчастливого столетия разметали, *выпололи*, превратили в пустырь Дешти-кипчак, страну кипчаков. Сильные полегли, слабых, как горсть проса, развеяло по громадному *пепелищу*.

И лишь в XX веке мы начали приходить в себя после того удара. Мы поднимаемся на ноги, отряхивая с души прах и тлен прошлого. Отшибло память, но пытаемся по частям вспомнить все, что произошло с нами.

Поэтому наша тема – *огонь, зола и трава*.

Наше кредо – возвысить степь, не унижая горы [5, с. 11].

«Поле» предстает как собирательное название этнонимов «половцы, кипчаки», а «Дикое поле» – местом обитания древних кочевых народов, степными просторами Дешти-кипчак. Образ поля в авторском видении связан с понятием стихии свободной, вольной жизни как естественной формы существования далеких предков / их лица круглые, / как перекати-поле / обожжены ветрами дикой воли /. Образ стихии как динамической силы, проявляющейся в движении, получает яркое воплощение в сравнении «их лица – как перекати-поле», в функционировании которого актуализируются два смысла: «степное растение в виде шаровидного кустика, при созревании отрывающееся от корня и переносимое ветром на большие расстояния», и «человек, постоянно меняющий место жительства» [6, с. 11], что позволяет автору создать емкий образ кочевника. Свободная, вольная жизнь как определяющее

понятие нашло позднее воплощение в структуре этнонимов *казах (қазақ)* и *казак*: «свободный, вольный человек, искатель приключений» [4, с. 15].

Примечательно, что отрицательная экспрессия русского слова *перекати-поле* применительно к человеку, образу жизни, совершенно снимается в поэтическом контексте О. Сулейменова. В основу образа положена ассоциативная связь между шаровидным растением и круглым лицом. Однако немаловажно, что речь идет о степном растении. В системе мировидения казахского человека подвижный образ жизни, постоянная смена места жительства – естественный, гармоничный способ существования, наиболее оптимальная форма взаимоотношения человека с природой в сложных климатических условиях, выработанная в течение многих веков.

Как отмечает М. Каратаев, личная свобода и достоинство становились чертой национальной психологии, выражавшейся даже в том, что в структуре кочевого общества, тесно спаянного кровным родством, любой член кочевого аула, несогласный с решением старейшин, имел законное право откочевать в другой аул или даже род [7].

Эту особенность общественных отношений кочевников отмечали многие ученые и путешественники, побывавшие в казахских степях. Элементы этих отношений находят выражение в структуре этического и эстетического идеала эпоса. Показательно, что интерпретация образа поля в поэтическом сознании О. Сулейменова связана с национальным восприятием.

В русском языке слова *поле* и *степь*, несмотря на общий элемент значения: «ровное, безлесное пространство» (*поле* – «1. безлесная равнина; 2. обширное пространство»; *степь* – «обширное, безлесное, ровное, покрытое травянистой растительностью пространство в полосе сухого климата» [6, с. 256]), имеют различие в семантической структуре, особенно в коннотативной ее части. Степь – ровное, безлесное пространство с засушливым климатом. Образ степных просторов ассоциируется чаще всего с жизнью вольного казачества. Смысловой объем образа поля шире, а культурно-исторические коннотации обусловлены богатыми фольклорными традициями.

В казахском языке понятия «степь» и «поле» адекватны, передаются одним сло-

вом – «дала». Языческое поклонение перед необъятными степными просторами, ощущение гармонии с природой, стихийное стремление к вольной, свободной жизни отразилось в мотивах казахского фольклора, в структуре фразеологии казахского языка.

Тема «свободной воли» развивается и в ряде других произведений О. Сулейменова («Степь суть обезглавленные горы» (1963), «Амазонка. Памяти Марины Цветаевой» (1967). Особенно выразительно в этом отношении стихотворение «Амазонка», в котором обнаруживается целый ряд образов, сближенных по принципу паронимической аттракции:

*В Диком поле половчанку полонили
и в полынь, раскинув полы, повалили.
Это было в полночь* [4, с. 175].

*Но прежде, чем свалят, затопчут, залюбят
зарубят,
протяжно и тонко
в ночах прокричат ярославны:
Не выдай, роди-и-и-мый!* [4, с. 176].

Представленные в отрывке из стихотворения члены паронимической парадигмы, пополняющие указанное ранее образно-этимологическое гнездо, приобретают окказиональные семантические признаки «наличие – отсутствие свободы», формируя тем самым антонимический образ (поле, половчанка, полынь – полонили, повалили, полночь).

Таким образом, неудивительно, что в индивидуально-поэтической системе О. Сулейменова образ поля совпадает с образом, сложившимся в русской поэтической традиции лишь частично (простор, свободное, открытое пространство, но не поле боя, как, например, былинное «чистое поле»), при этом слово «поле» включает в себя собирательный образ кочевников: половец, половчанка, полынь, которые связаны с образом родины и окрашены положительно.

На этом фоне преобразуется и смысловой объем словесного образа пламени, вбирающего в себя значение метафорического сочетания «пламя войны». Поэт скорбит об истории, озаренной пламенем войн («справедливых и несправедливых»), заслонивших собою мирные времена естественного культурно-экономического сосуществования этносов, самым ярким и объективным показате-

лем которого является язык, а он свидетельствует, например, что слова товарищ, друг, отражающие эти отношения, – тюрского происхождения.

Образ пламени в этом контексте реализуется только в одном смысловом аспекте – уничтожающая, разрушительная стихия, но стихия не природного свойства, а слепая стихия человеческой ненависти, которая покрыла «страницы истории золой зла». «Ураганы XIII века» – монгольское нашествие – «выпололи», превратили в пепелище степь. Лексема «выполоть» – вырывать, выдергивая сорные травы, очищать – трансформируется в индивидуально-авторское «уничтожить под корень население Поля», а образный смысл слова пепелище «пространство Дикого поля, Дешти-кипчак, оставшееся после разрушительного пламени войн» становится возможным на основе совмещения узуальных значений этой лексемы – «место пожара, пожарище; родной очаг, отчий дом (устар.)» [6, с. 270].

Полынь – трава (каз. – емшан), растительность, наиболее распространенная в степных просторах, – символизирует в казахском фольклоре образ степи (существует легенда о том, как удалось вернуть на родину богатыря, дав ему понюхать пучок этой травы).

В поэтическом контексте О. Сулейменова полынь-трава является образным воплощением идеи возрождения, непрерывности генетической памяти человека, помогающей ему осознать свои исторические корни.

Выросшая на «удобренном пеплом подзоле» трава как один из результатов действия стихии пламени несет в себе и другой образно-поэтический смысл, связанный с оплодотворяющей силой огня.

Очевидна образная связь между травой и человеком. Эта параллель в первом контексте выражена посредством сравнения «мы – растем травой», «толпы, как трава»; а в стихотворении «В Каргополе, вспоминая весну» – своеобразном гимне свободе, жизни и человеку – «толпы Я», под которыми автором подразумевается множество ярких творческих индивидуальностей, «восходят, как озимые» [4, с. 272].

Таким образом, поэтико-этимологический аспект осмысления сочетания «трансформация огня», выраженный в образном ряде «пламя–полынь–пепелище–поле и т. д.» обогащается коннотациями историко-культур-

ного характера «пламя–Поле–половец–половчанка–попынь». Как на месте пепелища со временем вырастает трава, так и после пламени войн, «выполовших» степь, появляется новая жизнь, пытающаяся осмыслить свое историческое прошлое. «Поэтому наша тема – огонь, зола и трава», – говорит поэт. «Пламя, пепел и полынь», – уточним мы в соответствии с рассматриваемыми нами образами.

Центральным образом в этой сложной образно-поэтической системе является трава. Зрительно-конкретный образ травы, осознаваемой поэтом как самый выразительный памятник человеку, олицетворяющий превращение площади в поле (на пустом, утрамбованном, безжизненном пространстве выросла трава), а значит, смерти в жизнь, перерастает в символический. Трава – воплощение идеи бессмертия, памяти, наконец, возрождения (/ памятником человеку / логика такова! / Не камень и не железо / стала / трава / Выросшая на удобренном пеплом подзоле /) [4, с. 48].

Пламя – противоречивый источник жизни и смерти, в зависимости от того, что им движет: добро или зло. Соответственно, поле либо становится воплощением «свободной воли», либо превращается в пустое, голое, безжизненное пространство.

Однако сила жизни такова, что возрождение неминуемо.

Отвечая на вопрос о происхождении названия сборника «Трансформация огня» (1983), О. Сулейменов говорил: «В восточных поверьях, философиях двадцатый век считается веком огня. И в этот век мы особенно опасаемся за будущее. Огонь – очаг, символ жизни, но он может превратиться и в символ смерти» [8, с. 3].

Таким образом, динамика развития образов, связанных с художественной идеей огня, позволяет проследить существенные изменения в художественно-эстетической системе О. Сулейменова. Если творчество молодого поэта во многом определялось размышлением о взаимодействии и взаимозависимости древних славянских и тюркских этносов, то в зрелых произведениях все настойчивее звучат ноты осмысления бытия человечества как единого, неповторимого и очень хрупкого организма.

Известно, что картина мира «в каждой культуре складывается из универсальных

концептов и составляющих культуры: пространства (места), времени, событий и действий, традиций и обычаев, судьбы и жизни и др. У каждого народа даже в случае идентичного подбора универсальных концептов существуют особые соотношения между этими концептами, характерные только ему». [9, с. 113]. Именно это и создает основу национального мировидения, мироощущения и оценки действительности.

Оставаясь плотью от плоти казахом, О. Сулейменов творит на русском языке, избрав тем самым свежий, непроторенный путь обогащения своей национальной культуры, литературы. Поэт мыслит на русском языке и тем самым привносит в него свое видение мира, все многовековые культурные традиции родного народа. Не утратив своей культуры, он обогащается другой. Не зря он пишет: «Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!», «Я – сын двух миров!».

Список литературы

1. *Франк-Каменецкий И.Г.* Вода и огонь в библейской поэзии: отголоски яфетического мирозерцания в поэтической речи Библии. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 623-665.
2. *Шилков Ю.М.* Метафора и мифологический образ («огонь» и «вода» в библейской поэзии по И.Г. Франк-Каменецкому) // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре: сб. в честь 90-летия проф. М.И. Шахновича. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 8. С. 717-745.
3. *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения / отв. ред. А.Х. Маргулан. М.: Наука, 1986. 413 с.
4. *Сулейменов О.* Поэт красивым должен быть, как бог.... Алматы: Изд. дом «Библиотека Олжаса», 2012. 300 с.
5. *Сулейменов О.* Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Алматы, 2016.
6. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* М., 2010–2016.
7. *Каратаев М.К.* Дым отечества: об Олжасе Сулейменове // От домбры до книги: статьи. М.: Сов. писатель, 1969. С. 391-397.
8. *Сулейменов О.* Интервью // Правда. 1989. 27 января.
9. *Туманова А.Б.* Категория пространства как особый компонент концептосферы О. Сулейменова // Творчество О. Сулейменова и вопросы национального самосознания: материалы Междунар. науч. конф. Алматы, 2016. С. 113-118.

References

1. Frank-Kamenetskiy I.G. *Voda i ogon' v bibleyskoy poezii: otgoloski yafeticheskogo mirosozertsaniya v poeticheskoy rechi Biblii* [Fire and Water in Biblical Poetry: Echoes of the Japhetic Worldview in Poetic Language of the Bible]. Moscow, "Vostochnaya Literatura" ("Oriental Literature") Publ. of the RAS, 1998, pp. 623-665. (In Russian).
2. Shilkov Yu.M. Metafora i mifologicheskiy obraz («ogon'» i «voda» v bibleyskoy poezii po I.G. Frank-Kamenetskomu) [Metaphor and mythological image ("fire" and "water" in biblical poetry by I.G. Frank-Kamenetsky)]. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture* [Meanings of Myth: Mythology in History and Culture]. St. Petersburg, Saint-Petersburg philosophical society Publ., 2001, no. 8, pp. 717-745. (In Russian).
3. Valikhanov Ch.Ch. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 413 p. (In Russian).
4. Suleymenov O. *Poet krasivym dolzhen byt', kak bog...* [Poet Must Be Beautiful Like a God...]. Almaty, Publishing House "Biblioteka Olzhasa", 2012, 300 p. (In Russian).
5. Suleymenov O. *Esse. Publitsistika. Stikhi. Poemy* [Essays. Journalism. Poetry. Poems]. Almaty, 2016. (In Russian).
6. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. A.P. Evgeneva (ed.). Moscow, 2010–2016. (In Russian).
7. Karataev M.K. Dym otechestva: ob Olzhase Suleymenove [The smoke of the Fatherland: on Olzhas Suleymenov]. *Ot dombry do knigi* [From Dombra to the Book]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1969, pp. 391-397. (In Russian).
8. Suleymenov O. Interv'yū [Interview]. *Pravda* [Truth], 1989, 27 January. (In Russian).
9. Tumanova A.B. Kategoriya prostranstva kak osobyi komponent kontseptosfery O. Suleymenova [Category of space as a special component of the conceptual sphere of O. Suleymenov]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii: «Tvorchestvo O. Suleymenova i voprosy natsional'nogo samosoznaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Work of O. Suleymenov and Questions of National Identity"]. Almaty, 2016, pp. 113-118. (In Russian).

Поступила в редакцию 30.01.2017 г.
Received 30 January 2017

UDC 82

THE REFLECTION OF POETIC WORLD VIEW O. SULEYME NOV IN ATTRACTION OF WORDS "FLAME-FIELD-WORMWOOD"

Rauza Imangalieva UTEPOVA

Senior Lecturer of Russian Philology and World Literature Department

Al-Farabi Kazakh National University

71 al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

Post-graduate Student, Russian and World Literature Department

The Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russian Federation, 117198

E-mail: roza_utepova69@mail.ru

Identity features of Olzhas Suleymenov's poetry are revealed. Their content comes to actualization of inner form of the word in poetic text. The previously known works of the author which have significant meaning for the specifics' study of formation and realization of creative conception of Olzhas Suleymenov are introduced in scientific sphere. The phenomenon of Russian language poet is considered from the point of view of conceptual worldview, formed within the framework of Russia, world and national cultures. Poetry of O. Suleymenov is very original, the almost imperceptible overtones of Eastland can be found in his poetic Russian speech. The poet is connected with traditions of oral Kazakh poetry, the roots of which reach the year dot. The great influence on O. Suleymenov made the acquaintance with creative heritage of the great poets of the Eastland Omar Khayyám, Saadi, Hafiz and etc. Metric repertory, rhythmic structure and rhythm in poetry of O. Suleymenov lead to the conclusion: using the traditional-folk forms of Kazakh verse, the poet arrange them to Russian system of versification. The attempt to reveal the peculiarities of poetic language of O. Suleymenov is made. It is not only in variety of exoticism, but unusual image-associative notions, coming from deep worldview, national-Kazakh worldview. Poetic language of O. Suleymenov reflects the general regularities of modern poetry. These are the so called cosmism of thinking, the high interest in the problems of time, its structure and essence, the change of notions about the place of a person in the world, the perception of mankind as of a part of nature, and the world in union with all the space and time, the intention to consider the history of mankind as a whole, contradicting, but complementary phenomenon.

Key words: poetics; image of fire; cult of fire; transformation of fire; poetic system; poetic consciousness

Информация для цитирования:

Утепова Р.И. Отражение поэтического мировидения О. Сулейменова в аттракции слов «пламя–поле–полынь» // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 55-61.

Utepova R.I. Otrazhenie poeticheskogo mirovideniya O. Suleymenova v attraktsii slov «plamya–pole–polyn'» [The reflection of poetic world view O. Suleymenov in attraction of words "flame–field–wormwood"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 55-61. (In Russian).

УДК 821.161.1.09

«НОЛЬ-ПОЗИЦИЯ» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ПЬЕСЕ М. УГАРОВА «МАСКАРАД МАСКАРАД»

© Наталья Владимировна ЛЕСНЫХ

аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков,
теории литературы и фольклора

Воронежский государственный университет

394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

E-mail: natasha-les@mail.ru

Исследован способ выражения авторского сознания в современной драматургии. Материалом стал факт современного литературного процесса – пьеса М. Угарова «Маскарад Маскарад». Актуальность работы обусловлена не только малоизученностью данного художественного текста, но и необходимостью системного описания жанра ремейк. Пьеса рассматривается в контексте проблемы изменения коммуникативных отношений автор-текст-читатель в структуре художественного текста в современной литературе. На основании анализа метатекстовых элементов пьесы, присутствующих на уровне композиции, интертекстуальных связей, субъектного плана пьесы, описывается прием «ноль-позиции», фиксирующий изменение способа авторского присутствия в тексте. Этот прием характеризует безоценочную позицию, занимаемую субъектом чтения, обеспечивающую работу по де- и реконструкции претекста. Таким образом, прием «ноль-позиции» может быть увиден как разновидность деконструкции, напрямую отражающую логику ремейка. Особое внимание уделено анализу конструкции «текст в тексте», построенной по «геральдическому принципу», фиксирующей некоторые этико-эстетические взгляды М. Угарова. Сделан вывод о том, что прием «ноль-позиции» во многом определяет поэтику пьесы и позволяет охарактеризовать авторскую стратегию актуализации претекста как идентификационную: разрушающую любые сверхиндивидуальные значения текста. А архитектурный принцип удвоения (заявленный в названии текста) отражает интенциональную установку автора на игру.

Ключевые слова: деконструкция; актуализация классики; метатекст; «ноль-позиция»; ремейк

Пьеса М. Угарова «Маскарад Маскарад» написана в рамках лаборатории «Классика. Актуализация» Театра.doc (2012–2013 гг.) [1]. Сам формат создания текста предполагает его поисковый характер, а также практическое применение определенных теоретических принципов автора [2; 3]. В этой связи стоит обратить внимание на слово «актуализация», вынесенное в заглавие проекта: ‘актуализировать’ означает выявить смысл и сделать его концептуальным для себя.

Говоря о теоретической концепции, положенной в основу пьесы, мы имеем в виду этико-эстетические взгляды М.Ю. Угарова, высказанные им в ряде интервью (в период с 2000 по 2014 г.), и Манифест «Новой драмы» (авторы: Р. Маликов, А. Варганов, Т. Копылова, 2003 г.), опубликованный в апрельском номере журнала «Театр.» за 2015 г. [4, с. 131]. Авторы Манифеста подчеркивали экспериментальный характер «новодраматического» режиссерского опыта. Необходимость учета положений Манифеста обусловлена тем, что сама фигура М.Ю. Угарова, совмещающего

разные культурные роли: драматурга, режиссера, педагога и идеолога, и его деятельность являются центральными (обобщающими) для осмысления поэтики движения «Новая драма».

Пьеса М. Угарова «Маскарад Маскарад» написана в жанре ремейк. Подчеркнуто цитатная форма этого жанра предполагает не просто наличие интертекстуальных отсылок, а утверждает интертекстуальный принцип построения текста как архитектурный. Интертекстуальность, будучи категорией постмодернистского мышления, предполагает игровое использование классики. Ремейк как жанр манифестирует проблему культурной идентификации личности в современном мире. Ремейк обнаруживает постоянное «желание разрушить классическую репрезентацию, которая разворачивается в настоящем времени» [5, с. 57].

Программой для М. Угарова является мысль о том, что классический код подлежит разрушению, а все культурологические мифы – деконструкции, так как представляют мертвый («спящий», непродуктивный) пласт

культуры: «Существует некий культурный код, который надо все время ломать. И меня это восхищает. <...> Работа по деконструкции мифа всегда и всем интересна – и авторам, и публике» [6].

Одним из способов деконструкции выступает обусловленная спецификой постмодернистского мышления смена «оптики»/«взгляда»: «Ничего нового я никогда не прочитаю. А вот взгляд может быть новым» [6]. В Театре.doc она обеспечивается изменением способа авторского присутствия в предлагаемом читателю/зрителю материале, трансформацией отношений между субъектами и текстом, получившей наименование «ноль-позиции»: «В Театре.doc одно из важнейших понятий – «ноль-позиция». Позиция рождается не у меня как у автора произведения, а у человека, который его смотрит» [6]. В целом «ноль-позиция» (безоценочная позиция) в понимании М.Ю. Угарова соотносится с положением субъекта чтения, однако в анализируемом материале ситуация усложняется жанровой спецификой текста. Обращаясь к конкретному прецедентному тексту, автор сам выступает как субъект чтения, за счет чего происходит наложение ролей читающего и пишущего.

С целью выявления авторской стратегии актуализации классического текста считаем необходимым рассмотреть метатекстуальные элементы пьесы, поскольку метатекст является непрямым способом выражения авторского сознания.

Пьеса «Маскарад Маскарад» содержит ряд метатекстуальных (комментирующих) отсылок, которые присутствуют как на внешних границах текста, так и внутри него. Внешние границы текста определяются заголовочным комплексом, который, в свою очередь, включает заглавие, подзаголовок, имя автора, перечень действующих лиц пьесы и т. д. Заглавие пьесы («Маскарад Маскарад») эксплицитно отсылает к классическому тексту и построено по принципу простого удвоения. По мысли Ю.М. Лотмана, «удвоение – наиболее простой вид введения кодовой организации в сферу осознанно-структурной конструкции» [7, с. 432]. Содержащееся в подзаголовке («По мотивам драмы М.Ю. Лермонтова» [1]) указание на мотивную структуру текста делает значимым любой повтор, который обнаруживается также в полном совпа-

дении реальных авторских имен: Михаил Юрьевич Угаров – Михаил Юрьевич Лермонтов. Такое совпадение может быть интерпретировано как интенциональная установка автора на игру.

Еще одним специфическим драматическим элементом текста, маркирующим авторское присутствие, являются ремарки. В рассматриваемой пьесе ремарки используются в традиционной (вспомогательной, служебной) функции. Так, ремарка, открывающая первую сцену, содержит уточнение: «Героев должны звать так же, как зовут актеров» [1]. Это уточнение отсылает к одному из эстетических принципов актерской техники работы с текстом, разработанной Театром.doc: пункт 5. «Актеры играют только свой возраст» и пункт 6. «Актеры играют без грима, если использование грима не является отличительной чертой или частью профессии персонажа» [4, с. 131]. Таким образом, важной оказывается минимальность дистанции между личностью актера и персонажем, что способствует созданию особой атмосферы искренности (исповедальности). Актер в данном случае не работает с маской (то есть не изменяет личность, никого не играет, не примеряет чужого лица, не обезличивается, а сохраняет свое лицо), выполняет функцию медиума, тем самым реализуя принципиальную для программы Театра.doc «ноль-позицию».

Внутренней границей метатекстуального присутствия автора является композиция. Текст пьесы состоит из двадцати трех сцен. Такая раздробленная структура пьесы принципиально не иерархична, в отличие от традиционного деления на действия, включающего акты и картины. Избранный в пьесе композиционный замысел, таким образом, также становится иллюстрацией «ноль-позиции» как приема, охватывающего вышеописанные уровни текста (заголовочный комплекс, система ремарок, композиция).

В целом текст пьесы строится по принципу совмещения фабулы классического претекста (взятого в несколько редуцированном виде) и новых (добавленных М. Угаровым) сцен, девять из которых представляют собой монологи отдельных персонажей. При этом особая роль отводится Алексею (Арбенину): пять сцен-монологов. Сцены-монологи могут быть атрибутированы как «нуле-

вые», бессобытийные эпизоды, точнее, событие здесь совершается в области языка (сознания), проговаривается персонажем. Эти вставные элементы, представляющие собой медиации (размышления, воспоминания, объяснения) – акты автокоммуникации, выполняют сюжетообразующую функцию. Именно они служат средством для создания нового смысла (нового текста), разрывая претекст и тем самым ломая его причинно-следственные связи.

Еще одной композиционной особенностью текста выступает его «геральдический принцип» построения, являющийся, по определению М. Ямпольского, разновидностью приема «текст в тексте»: «Геральдическая конструкция – текст в тексте, повторение внутри герба такого же герба в уменьшенном виде» [5, с. 71]. Исследователь отмечает, что «геральдическая конструкция отмечена повышенным градусом структурного сходства обрамляющего и инкорпорированного текстов» [5, с. 71]. Вставной текст, о котором идет речь, представлен третьей сценой: монолог Алексея (Арбенина), содержащий рефлексии над процессом чтения драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад». «Мы бы определили эту трансформацию предмета в уменьшенной модели как переход от предметности к репрезентации» [5, с. 71].

Первые две сцены описывают ситуацию знакомства Алексея (Арбенина) и Дмитрия (Звездевича), фабульно совпадающие с претекстом. Далее происходит переключение героя в другой режим существования: из ситуации «персонаж текста Лермонтова/Угарова» в ситуацию наблюдения и попытки понимания классического текста. В первой реплике содержится аллюзия на «Маскарад» М.Ю. Лермонтова: «нет такого варианта этой книги, который можно было бы **назвать окончательным**» (выделено нами. – Н. Л.)» [1]. Следующая часть реплики: «<...> Ее можно **цитировать**» (выделено нами. – Н. Л.). **Это как пароль**» (выделено нами. – Н. Л.) – люди одного круга» [1], – фиксирует цель коммуникативного существования прецедентного текста и негативные социокультурные изменения по отношению к классическим текстам: «превращение классики (через ее массовое тиражирование) из ценностной идеи в пустую форму значимости (рекламный бренд)...» [8, с. 6].

Это положение соотносится с мыслью М. Ямпольского: «Репрезентативность цитаты оказывается не столько продуктом остановки, смерти смыслопорождающих процессов, сколько знаком того, что в данной риторической фигуре отпечатался некий процесс, требующий реконструкции, оживления» [5, с. 412]. «*Читать ее со скукой и почтением. <...> О чем эта книга – ни о чем. Как все великие книги на свете. Это очень хорошая и подробная книга о том, как я ее читал*» (выделено нами. – Н. Л.)» [1] – таким образом, источник текста обнаруживается не в письме, а в чтении. Множественность значений текста фокусируется в фигуре читателя. Происходит отрицание конструктивного потенциала intersubъективного смысла и утверждение принципиальной субъективности. «Если бы в ней были сплошь пустые страницы, то она была бы о том, как я медленно переворачивал белые пустые страницы» [1] – процесс чтения предстает в форме опыта субъективных человеческих наблюдений, что и является реальностью, по мысли М. Угарова: «Реальность – это: «я», «здесь», «сейчас» [9].

Таким образом, преодолевается традиционная ценностная функция цитаты. «Цитата, являясь по своей сущности знаком, отсылающим к иному тексту, только усиливает этот эффект отдаленности. А потому и конституирует себя в качестве сцены – чего-то удаленного от зрителя. Отсюда и эффект подрыва настоящего времени в системе репрезентации» [5, с. 420]. Актуализация, предполагающая сохранение настоящего времени и очищение от прошлого, происходит в тексте через категорию субъекта. «Производство смысла заключается в «борьбе» памяти и ее преодолении» [5, с. 15].

Таким образом, третья сцена, выступающая в качестве интерпретанты (треугольник М. Риффатера) (по отношению к «Маскараду» М.Ю. Лермонтова (интертекст) и «Маскараду Маскараду» М.Ю. Угарова (текст), фиксирует отношение между двумя текстами (которое также может быть атрибутировано как «ноль-позиция») и призвана снять «примитивное представление о процессах «заимствования», «влияния». Она позволяет гораздо более убедительно представить саму работу по производству смыслов, которая всегда идет за счет сдвигов и трансформаций» [5, с. 83]. «Текст в тексте» прочи-

тывается как де- и реконструкция причинно-следственных связей текста-источника и одновременно как метатекстуальный элемент, объясняющий возникновение нового текста.

Приведем еще одну реплику Алексея (из первой сцены), отражающую позицию субъекта чтения: «Для того чтобы «читать» других игроков, надо самому **быть никаким** (выделено нами. – Н. Л.), все обнулить <...> нужно влететь в ноль» [1], – подобное «очищение» от культурного бэкграунда снова отсылает нас к «ноль-позиции». Следующая реплика Дмитрия: «**быть никем** (выделено нами. – Н. Л.) по-настоящему, это – раздеться догола. <...> Вот это **идеальный маскарад** (выделено нами. – Н. Л.). Слишком много лживых лиц кругом. А голые тела честные, они не врут» [1] – уточняет слова Алексея. «Быть никаким» (безоценочным) и «быть никем» (обезличенным) – принципиально разные позиции. Алексей: «...Опасность – напротив тебя голый человек, и ты не знаешь про него ничего, кроме того, что он – мэ или же» [1]. Тело утрачивает свою субъектную целостность в современном мире.

В приведенной ниже цитате (из выступления М. Угарова) проговаривается не только похожая мысль (уже относительно театральной практики), но и теми же словами: «когда я в **голом виде** (выделено нами. – Н. Л.) – это абсолютно идеальные «доспехи», то есть это полная степень защиты <...> я стою голый: **единственное, что про меня можно сказать мэ или жэ, больше про меня ничего нельзя сказать** (выделено нами. – Н. Л.). <...> это не способ открыться, это тоже костюм, равный костюму XVIII века» [10]. Говоря о «костюме XVIII века», драматург предполагает всю сложившуюся в традиционном театре систему художественных выразительных средств. Это положение находит свое отражение и в Манифесте «Новой драмы», эстетическая часть (практические рекомендации) которой ограничивает использование декораций, музыкального сопровождения, грима и костюмов, пластических миниатюр, режиссерских метафор [4, с. 131]. Таким образом, категория документальности, приравненная к реальности, в этом смысле выступает как оппозиция художественности (фикции). Таким образом, обнаруживается общее стремление (и М. Угарова, и «Новой драмы» как движе-

ния) вписать современность в историю: «Ведь незафиксированные времена, как мы знаем, отсутствуют, это дырка во времени» [11]. Похожую мысль, принадлежащую Алексею, мы встречаем и в тексте пьесы: «*Мир еще не пришел к завершению. Я все боялся попасть в смысловую ловушку, провалиться в щель* (выделено нами. – Н. Л.)» [1]. В целом на протяжении всей пьесы Алексей выступает в качестве субъекта, ищущего равновесия (эквивалент смысла), лишение опоры приравнивается здесь к потере самого себя, своей целостности.

Итак, ключевой стратегией М. Угарова оказывается не интерпретация претекста, которая зачастую сводится к поиску сверхиндивидуальных (десубъективирующих) значений текста, уже существующих в культуре (культурные мифы) и превращающих «субъекта в систему знаков», приводящей к «потере идентификации с самим собой» [12, с. 112]. Напротив, актуализация драмы Ю.М. Лермонтова происходит за счет деконструкции классического и театрального кодов, производимой посредством изменения «взгляда» на претекст, так называемой «ноль-позиции». Драматург осуществляет «вскрытие» смыслопорождающей энергии собственного сознания (личности) посредством языка (идентификационная стратегия), подчеркивая субъективную значимость эстетического переживания. Не только тексты культуры (и ее артефакты) находятся в динамическом постоянно меняющемся состоянии, требующем осмысления, но и познающему индивиду не отказывается в праве на свободу создавать свой собственный смысл.

Список литературы

1. Угаров М. «Маскарад Маскарад» // Театр. URL: <http://oteatre.info/maskarad-maskarad-mihaila-ugarova/> (дата обращения: 20.08.2016).
2. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
3. Солнцева А. Реформатор на все времена // Театр. 2012. № 8. URL: <http://oteatre.info/reformator-na-vse-vremena/> (дата обращения: 23.08.2016).
4. Болотян И. «Док» и «Догма»: теория и практика // Театр. 2015. № 19. С. 130-137.
5. Ямпольский М. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993.

6. Угаров М. Точка неразрешимости: интервью с К. Шавловским // Сеанс. 2006. № 29/30. URL: <http://seance.ru/n/29-30/perekryostok-no-vaya-drama/tochka-nerazreshimosti/> (дата обращения: 23.08.2016).
7. Лотман М.Ю. Текст в тексте // Лотман М.Ю. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 423-436.
8. Дубин Б. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
9. Вертикали и горизонталы // Сеанс. URL: <http://seance.ru/blog/stol-novaya-drama/> (дата обращения: 23.08.2016).
10. Угаров М. Документальный театр – между «фикшн» и «нон-фикшн». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xtftnym95EY> (дата обращения: 19.08.2016).
11. Угаров М. «Драматурги, как караси, только в чистой воде водятся»: интервью с М. Никитюк URL: http://teatre.com.ua/modern/myxayl_ugarov_dramaturgy_kak_karasy_tolko_v_chystoj/ (дата обращения: 21.08.2016).
12. Усовская Э.А. Постмодернизм. Мн.: Тетрасистемс, 2006.
5. Yampolskiy M. *Pamyat' Tiresiya. Intertekstual'nost' i kinematograf* [The Memory of Tiresias. Intertextuality and Cinematography]. Moscow, Russian Institute for Cultural Research "Kul'tura" Publ., 1993. (In Russian).
6. Ugarov M. Tochka nerazreshimosti: interv'yu s K. Shavlovskim [Point of unsolvability: interview with K. Shavlovskiy]. *Seans – Séance*, 2006, no. 29/30. (In Russian). Available at: <http://seance.ru/n/29-30/perekryostok-no-vaya-drama/tochka-nerazreshimosti/> (accessed 23.08.2016).
7. Lotman M.Yu. *Tekst v tekste* [Text in the text]. Lotman M.Yu. *Ob iskusstve* [On Art]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2005, pp. 423-436. (In Russian).
8. Dubin B. *Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classic, After and Alongside: Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. (In Russian).
9. Vertikali i gorizontali [Vertical and horizontal]. *Seans – Séance*. (In Russian). Available at: <http://seance.ru/blog/stol-novaya-drama/> (accessed 23.08.2016).
10. Ugarov M. *Dokumental'nyy teatr – mezhdru «fikshn» i «non-fikshn»* [Documentary theatre – between “fiction” and “non-fiction”]. (In Russian). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Xtftnym95EY> (accessed 19.08.2016).
11. Ugarov M. «Dramaturgi, kak karasi, tol'ko v chistoy vode vodyatsya»: interv'yu s M. Nikityuk [“Playwrights, like carp, only in pure water they are found”: interview with M. Nikityuk]. (In Russian). Available at: http://teatre.com.ua/modern/myxayl_ugarov_dramaturgy_kak_karasy_tolko_v_chystoj/ (accessed 21.08.2016).
12. Usovskaya E.A. *Postmodernizm* [Postmodernism]. Minsk, Tetrasistems Publ., 2006.

References

1. Ugarov M. «Maskarad Maskarad» [Masquerade Masquerade]. *Teatr*. (In Russian). Available at: <http://oteatre.info/maskarad-maskarad-mi-haila-ugarova/> (accessed 20.08.2016).
2. Ilin I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. (In Russian).
3. Solntseva A. Reformer na vse vremena [Reformer for all times]. *Teatr*, 2012, no. 8. (In Russian). Available at: <http://oteatre.info/reformator-na-vse-vremena/> (accessed 23.08.2016).
4. Bolotyan I. «Dok» i «Dogma»: teoriya i praktika [“Doc” and “Dogma”: theory and practice]. *Teatr*, 2015, no. 19, pp. 130-137. (In Russian).

Поступила в редакцию 21.10.2016 г.
Received 21 October 2016

UDC 821.161.1.09

“ZERO-POSITION” AS A MEANS OF AUTHOR’S CONSCIOUSNESS EXPRESSION IN M. UGAROV’S PLAY
“MASQUERADE MASQUERADE”

Natalya Vladimirovna LESNYKH

Post-graduate Student of Russian Literature of XX and XXI centuries, Theory of Literature and Folklore Department
Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq., Voronezh, Russian Federation, 394018

E-mail: natasha-les@mail.ru

The way of author’s consciousness manifestation in contemporary drama is studied. The material is the play “Masquerade Masquerade” by M. Ugarov as a fact of modern literary process. The relevance of the work is about not only low investigation of this literary text, but also about description of the genre remake. The play is considered in the context of changing in the communicative relationship author-text-reader in the structure of a literary text. Based on the analysis of metatextual parts of the play (presents at different text levels: contexture, intertextuality communication, subjective outline), “zero-position” device as sort of deconstruction is described. This device fixing to change the way the author’s presence in the text which is typical for remake genre. Special focus is made on analysis of the structure “the text in the text” which is built on the “heraldic” principle and fixation the M. Ugarov’s personal ethical and aesthetic views. The upshot is that, “zero-position” device defines the poetics of the play and enables to describe the author’s policy of updating the pretext as identification. And a duplicate as architectonic principle (in the text’s title) summarizes the author’s intentional setting to the game.

Key words: deconstruction; updating the classics; metatext; “zero-position”; remake

Информация для цитирования:

Лесных Н.В. «Ноль-позиция» как способ выражения авторского сознания в пьесе М. Угарова «Маскарад Маскарад» // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 62-67.

Lesnykh N.V. «Nol'-pozitsiya» kak sposob vyrazheniya avtorskogo soznaniya v p'ese M. Ugarova «Maskarad Maskarad» [“Zero-position” as a means of author’s consciousness expression in M. Ugarov’s play “Masquerade Masquerade”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 62-67. (In Russian).

УДК 82.02

ЗНАК КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА (К 75-летию ПРОФЕССОРА Л.В. ПОЛЯКОВОЙ)

© Наталия Юрьевна ЖЕЛТОВА

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка,
русской и зарубежной литературы, журналистики
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: nata_zheltova@mail.ru

Приведена краткая характеристика личности и деятельности доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Л.В. Поляковой, изложены ее основные научные достижения, проанализирована роль ученого в организации учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы, в подготовке кадров филологов и педагогов-русистов для школ и высших учебных заведений России. Освещена многогранная деятельность исследователя как одного из ведущих замятиноведов России и возглавляемого Л.В. Поляковой творческого коллектива Международного научного центра по изучению творческого наследия Е.И. Замятина. Описаны этапы становления и развития литературоведческой школы «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте», объединяющей ученых из Тамбова, Москвы, Ельца, Борисоглебска, Мичуринска, других городов. Отмечены разнообразные векторы исследовательской деятельности школы (Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, А.П. Чехов, С.Н. Сергеев-Ценский, М. Горький, А.П. Платонов, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын и многие другие), ее научные связи и контакты, описаны формы трансляции современных литературоведческих знаний в учебный процесс, совершенствования образовательных программ по магистратуре, аспирантуре. Показана роль Л.В. Поляковой в становлении нового научного направления «филологическая регионалистика».

Ключевые слова: литературоведение; Л.В. Полякова; научная школа; Е.И. Замятин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина по праву сегодня входит в число лучших вузов России. Добрую славу, высокий авторитет ему завоевали настоящие подвижники отечественной науки и образования. К этому золотому фонду университета, безусловно, принадлежит Лариса Васильевна Полякова, ученый-литературовед с международной известностью, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России, заведующий кафедрой истории русской литературы ТГУ им. Г.Р. Державина (1989–2011), литературный критик, публицист, краевед. Свой 75-летний юбилей она отмечает 10 февраля 2017 г.

На торжественном заседании Ученого совета университета юбиляра поздравили представители областной администрации и администрации Староюрьевского района, Тамбовского отделения ВТО, вузов России, учреждений РАН, общественных организаций, писатели, СМИ, а также коллеги и многочисленные ученики профессора Л.В. Поляковой. Свои многочисленные поздравления прислали отечественные и зарубежные кол-

леги, Правление Союза писателей России, ученики. К своему юбилею она написала большую монографию, посвященную малоисследованным страницам творчества автора романа «Мы», – «Евгений Замятин: художник и время».

Демонстрацией огромного потенциала и роли ведущей научной школы региона «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте», основанной в начале 1990-х гг. и возглавляемой Л.В. Поляковой, стала приуроченная к юбилею Всероссийская научно-образовательная сессия «Литературоведение на современном этапе». Ее проведение связано с необходимостью внедрения в образовательный процесс новейших достижений современного литературоведения. В рамках сессии прошли лекции, консультации, научный семинар, мастер-классы ведущих ученых России и представителей школы (докторов наук, профессоров, учеников Л.В. Поляковой из Тамбова, Ельца, Москвы, Благовещенска, Борисоглебска, Мичуринска и других городов). Главной целью сессии стали обсуждение новых перспективных подходов к исследованию твор-

чества классиков XX века и современных писателей, трансляция современных литературоведческих знаний в учебный процесс, совершенствование образовательных программ по магистратуре, аспирантуре. По итогам сессии будет издан специальный выпуск журнала «Филологическая регионалистика». На сессии была организована грандиозная выставка работ представителей научной школы профессора Л.В. Поляковой.

В этой связи уместно обозначить важнейшие вехи развития и существования этой школы как самобытного, целостного научно-учебно-методического, духовного, культурного явления региона. Основное внимание уделено настоящим Дедам, крупным Достижениям, знаковым Событиям в жизни тамбовских литературоведов.

Научно-исследовательским потенциалом, базовой основой формирования школы Л.В. Поляковой стала, конечно, ее учеба на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1967), где она имела возможность учиться у классиков отечественной филологии, формироваться как филолог и работать под их началом – В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, С.И. Радциг, Н.И. Кравцов, Н.К. Гудзий, С.М. Бонди, Н.Г. Богатырев, Н.И. Либан и др. Спустя годы профессор Л.В. Полякова в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина создала яркий творческий коллектив кафедры истории русской литературы ТГУ им. Г.Р. Державина, которой заведовала в течение 22-х лет (1989–2011). Кафедра получила общероссийскую и международную известность, стала своеобразной инновационной площадкой для выращивания научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Под руководством Л.В. Поляковой учеными Тамбова и других регионов России написаны и успешно защищены 12 докторских и более 40 кандидатских диссертаций. Этот огромный творческий потенциал был реализован в создании и успешной деятельности научной школы «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте», известной в России и за рубежом, имеющей статус «Ведущая научная школа Тамбовской области». Благодаря научной деятельности и авторитету Л.В. Поляковой в ТГУ им. Г.Р. Державина открыты аспиранту-

ра, докторантура, магистратура, диссертационный совет по защите докторских диссертаций по специальности 10.01.01 – русская литература.

Л.В. Полякова является безусловным авторитетом для своих многочисленных учеников. Активную и плодотворную научно-педагогическую деятельность в высшей школе она ведет на протяжении более 40 лет. Докторская диссертация защищена ею в 1988 г. в Институте русской литературы Академии наук СССР. Л.В. Полякова – автор более 550 опубликованных работ, среди которых 14 монографий, изданных не только в Тамбове, но и в ведущих издательствах России: «Советский писатель», «Современник», «Просвещение», «Центрально-Черноземное книжное издательство», «Международный издательский дом «Синергия» и др.

Многочисленны ссылки на работы Л.В. Поляковой в отечественных и зарубежных литературоведческих журналах, монографиях, диссертациях, вузовской научно-методической литературе, библиографических изданиях. Она один из авторов новейшего двухтомного учебника «История русской литературы XX века» для студентов филологических факультетов, вышедшего в московском издательстве «Дрофа» (2007), других учебников ряда центральных издательств.

В течение многих лет Л.В. Полякова была членом Диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Воронежском университете, членом редколлегии российского литературно-художественного журнала «Подъем».

Значителен вклад Л.В. Поляковой в становление специальностей «Журналистика», «Издательское дело и редактирование». Она стояла у истоков общероссийского научного и информационно-аналитического журнала с международной редколлегией «Филологическая регионалистика», является заместителем главного редактора издания.

Тамбовская литературоведческая научная школа регулярно получает гранты престижных государственных и общественных отечественных и зарубежных фондов. Л.В. Полякова принимала деятельное участие в организации работы научно-теоретического и практического журнала «Вестника Тамбовского университета. Серия Гу-

манитарные науки», с 2001 г. входящего в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Профессор Л.В. Полякова – талантливый организатор вузовской науки и учебного процесса на кафедре. За время работы в должности заведующего кафедрой истории русской литературы ею сохранены и приумножены лучшие традиции, заложенные таким крупным ученым-славистом, историком русской литературы и фольклористом, как Н.И. Кравцов и его последователями: Б.Н. Двиняниновым, С.Б. Прокудиным и Я.И. Гудошниковым, создан сильный в творческом отношении коллектив. Кафедра вуза полностью укомплектована специалистами, имеющими ученые степени доктора и кандидата филологических наук.

Кафедральный коллектив под руководством Л.В. Поляковой – общепризнанный литературоведческий научный центр по изучению творчества Евгения Замятина, имеющий международную известность. Его работа регулярно освещается на страницах специальной печати. При кафедре создан Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина с филиалами в Ягеллонском (Польша) и Елецком, представительством в Лозаннском (Швейцария) университетах. Уже много лет существует Лаборатория по изучению языка Е.И. Замятина в Мичуринском государственном аграрном университете. В Замятинском центре сосредоточен богатый фонд научной, художественной, документальной литературы, архивные материалы. Установлены творческие контакты с университетами и научными центрами России, Украины, Казахстана, Узбекистана, Германии, Болгарии, США, Южной Кореи, Чехии, Великобритании, Франции, Швейцарии, Польши, Китая и других стран. На кафедре написаны и изданы первая Замятинская энциклопедия, библиографические указатели. Организуются международные конкурсы научных студенческих работ «Литература русского зарубежья» с изданием материалов конкурсов. В начале 1990-х гг. профессор Л.В. Полякова стала вдохновительницей и организатором регулярных,

ставших знаменитыми и престижными, международных Замятинских чтений в Тамбове, по материалам которых издана многотомная серия коллективных монографий, получающих высокую оценку специалистов и активно востребованных ими. Уже давно стало литературоведческой классикой 14-томное издание «Творческое наследие Е.И. Замятина: взгляд из сегодня» (Тамбов, 1992, 1994, 1997, 2000, 2003, 2004, 2007) под редакцией тамбовского профессора.

Замятинские чтения в 2009 г. трансформировались в Международный конгресс литературоведов «Литературоведение на современном этапе», объединяющий специалистов по русской литературе из Европы, Азии, США (2009, 2014). По его итогам опубликованы три фолианта результатов научных исследований (2009, 2014).

Недавно в Санкт-Петербурге при непосредственном участии Л.В. Поляковой (один из научных редакторов издания) и членов тамбовской литературоведческой школы в известной серии «Русский путь» изданы антология «Е.И. Замятин: pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей» (2014) и дополнительный сборник научных трудов «Е.И. Замятин: личность и творчество писателя в оценках отечественных и зарубежных исследователей» (2015).

Научные интересы Л.В. Поляковой разнообразны: кроме замятиноведения – теоретические и методологические аспекты русской литературы; проблемы развития русской поэзии XX века; творческие индивидуальности русских писателей (Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, С.Н. Терпигорев, А.П. Чехов, С.Н. Сергеев-Ценский, М. Горький, А.П. Платонов, М.А. Шолохов, А.И. Солженицын и многие другие). Портреты этих писателей, написанные в Тамбове, отмечены особым колоритом и своеобразной стилистикой.

В деятельности профессора Л.В. Поляковой особенно значителен литературно-краеведческий вектор. Эта работа вносит существенный вклад в реализацию региональных программ патриотического воспитания. Под руководством Л.В. Поляковой и при непосредственном ее авторстве написан и издан целый цикл учебной и научно-

популярной литературы: сборники «Культура русской провинции» (1999, 2003, 2005), «С.Н. Сергеев-Ценский и современность» (1995), монография «Выбор. Страницы литературно-краеведческой критики» (1996), «Литературное краеведение. Программа для общеобразовательных школ, лицеев и гимназий» (2001), «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст» (2004), «Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Компендиум» (2005), «Литературная жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков. Справочник» (2006), «Литературное краеведение. Хрестоматия. 8 класс» (2006), «Литературное краеведение. Хрестоматия. 9 класс» (2006), «Литературное краеведение. Учебник для 8–9 классов» (2007), «Литературное краеведение. Пособие для учителя» (2007), «Староюрьево на поэтической карте России» (2007) и другие работы. В конце 2011 г. в издательстве «Тамбовского отделения ООП «Литфонд России» при финансовой поддержке администрации Тамбовской области в рамках программы «Издание книг тамбовских писателей для библиотек области» вышла монография Л.В. Поляковой «Тамбовская магистраль русской литературы». Плодотворная краеведческая деятельность ученого в настоящее время обрела новое русло, связанное с теоретическим осмыслением литературного облика региона. Л.В. Полякова является автором работ по теории и методологии нового научного направления – филологической регионалистики.

Активна связь коллектива под руководством Л.В. Поляковой со школами и органами образования области. Здесь уже сложились свои традиции. Создан Координационный совет; проводится Ежегодный областной семинар учителей-словесников области; на ежегодных областных литературных олимпиадах старшеклассников на протяжении около 30 лет жюри бессменно возглавляет Л.В. Полякова, регулярно в центральной и региональной печати она освещает результаты этого состязания с его глубоким анализом. В настоящее время регулярные встречи с учителями продолжают ее ученики.

Многолетняя профессиональная и общественная деятельность Ларисы Васильевны Поляковой дает основание говорить о ней как о ярком общественном деятеле, многое сделавшем для Тамбовской области в сфере

гражданского и патриотического воспитания молодых преподавателей, аспирантов и школьников. Она хорошо известна как страстный борец за сохранение в современном обществе особого статуса русской литературы, ее традиций, духовно-нравственных приоритетов.

Чрезвычайно продуктивна такая форма общественной работы Л.В. Поляковой, как выступления в общероссийских и региональных СМИ (печать, радио, телевидение). Широкому читателю известны многочисленные яркие выступления тамбовского профессора на страницах центральных изданий: «Литературная газета», «Культура», региональных и местных периодических изданий по вопросам образования и социокультурной ситуации современной России.

Рожденная на староюрьевской земле, Л.В. Полякова как Почетный гражданин Староюрьевского района оказывает всестороннюю помощь в совершенствовании культуры района. На протяжении 14 лет в Староюрьевской средней общеобразовательной школе ежегодно проводится конкурс учащихся старших классов на получение именной стипендии профессора Л.В. Поляковой, учрежденной Ученым советом ТГУ им. Г.Р. Державина.

Деятельность Л.В. Поляковой как ученого, педагога, общественного деятеля отмечена государственной наградой: Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1994 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Среди многих региональных наград и знаков отличия – постановление главы города Тамбова от 30 мая 2014 г. о «Занесении на Доску почета городского округа – город Тамбов». Учитывая результаты многолетней плодотворной деятельности Л.В. Поляковой, своим решением администрация Тамбовской области в 2012 г. наградила Л.В. Полякову нагрудным знаком «За развитие сферы образования Тамбовской области».

Творческий путь Л.В. Поляковой насыщен яркими событиями и мощными достижениями. Она и ее ученики внесли большой и вполне конкретный личный вклад в современное литературоведение, в его теоретический, историко-литературный, индивидуально-творческий, персоналистический векторы. Державинский университет носит свое имя

во многом благодаря инициативе Л.В. Поляковой, а ее собственное имя давно уже стало своеобразным брендом вуза, знаком качества как научных литературоведческих исследований, так и подготовки специалистов самой высокой квалификации. Многочисленные ученики успешно продолжают дело своего Учителя. И для них нерушимым паролем звучит имя Ларисы Васильевны Поляковой, которое стимулирует желание и необходимость стремления держать марку профессиональной чести, гражданского достоинства и человеческого благородства. Знак качества личности и творчества Учителя обязывает.

Из основных трудов профессора Л.В. Поляковой:

1. Полякова Л.В. Поэзия рабочего мая. Очерк творчества Василия Казина: монография. М.: Советский писатель, 1977.
2. Полякова Л.В. Современная советская поэзия и проблемы реализма: монография. М.: Изд-во МГПИ, 1984.
3. Полякова Л.В. Поэзия и современность: «за» и «против»: монография. М.: Современник, 1989.
4. Полякова Л.В. Цена битв. Из истории литературной борьбы советской эпохи: монография. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1991.
5. Первые российские Замятинские чтения: материалы чтений / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов: ТГПИ, 1992.
6. Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14 кн.: материалы Междунар. Замятинских чтений / под ред. Л.В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1994, 1997, 2000, 2003, 2004, 2007.
7. Евгений Замятин. Избранные произведения. Роман «Мы». Рассказы / вступ. статья, сост., коммент. Л.В. Поляковой. М.: Междунар. изд. дом «Синергия», 1997, 2000.
8. Полякова Л.В. Поэма В.Д. Федорова «Женитьба Дон-Жуана»: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998.
9. Полякова Л.В. Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы как литературной эпохи. Курс лекций. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. Рекомендован Научно-методическим советом по филологии УМО университетов РФ в качестве учебного пособия по спецкурсу.

10. Замятинская энциклопедия. Лебединский контекст: межвузовский региональный проект / колл. авт.; рук. проекта и науч. ред. Л.В. Полякова; автор «Введения в энциклопедию» Н.Н. Комлик. Тамбов; Елец, 2004.

11. Полякова Л.В. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI веков: монография. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007.

12. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 1: материалы Междунар. конгресса литературоведов 5–8 октября 2009 г. / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.

13. Полякова Л.В. Тамбовская магистраль русской литературы: монография. Тамбов: Тамб. отд-ние Литфонда России, 2011.

14. Полякова Л.В. Русская литература: индивидуально-творческий колорит: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.

15. Полякова Л.В. Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию. Авторский курс лекций для аспирантов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.

16. Полякова Л.В. К теории межкультурной коммуникации: национальная идентичность как литературоведческая проблема // Меѓународен дијалог: исток – запад (култура, славјанство и економија): зборник на научни трудови Трета меѓународна научна конференција. Свети Николе, Р. Македонија – Тамбов, Руска Федерација, 2012.

17. Полякова Л.В. «Господи, помилуй, как мучительно трудно быть русским»: скифский сюжет русской литературы // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 7 (111). С. 9-21.

18. Полякова Л.В., Костин Е.А. Шолоховедение // Шолоховская энциклопедия / колл. авт.; гл. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: Изд. дом «Синергия», 2013. С. 1035-1054.

19. Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. Вып. 2: по материалам Междунар. конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 г.: в 2 кн. / отв. ред. и сост. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. Кн. первая.

20. Е.И. Замятин: Pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: антология / науч. ред. Т.Т. Давыдова, Л.В. Полякова; сост. О.В. Богданова, М.Ю. Любимова, вступ. ст. Е.Б. Скороспеловой. СПб.: НП «МОПО «Апостольский город – Невская перспектива», 2014.

21. Полякова Л.В. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 186-201.

22. Полякова Л.В. Голгофа русской литературы в ракурсе национальной антропологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 3 (143). С. 45-59.

23. Полякова Л.В. «Что такое классик?»: к проблеме соотношения литературных рядов // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Серія: Філологічні науки. Літературознавство. 2016. № 1. С. 184-196.

24. Полякова Л.В. Понятийные «рифмы» в развитии науки о литературе: «история литературы» и ее периодизация как проблема. Тезисы к методологии историко-литературного исследования // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 5. С. 34-42.

25. Полякова Л.В. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в историко-литературном дискурсе. К 250-летию со дня рождения писателя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 4. С. 7-20.

Ректорат, факультет филологии и журналистики, кафедра русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики, редакции журналов «Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки», «Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология» сердечно поздравляют юбиляра и желают ей долгих лет активной жизни, счастья, благополучия и новых успехов на академическом поприще! Спасибо Вам, Лариса Васильевна, за беззаветное служение высшей школе, за исключительный научный и преподавательский труд!

Краткий список источников к творческой биографии исследователя

1. Л.В. Полякова. Материалы к творческой биографии / сост. Н.В. Сорокина, Е.Н. Мануйленко. Тамбов, 2002.
2. Тамбовский женский журнал. 2008. № 3.
3. Кто есть кто в русском литературоведении: справочник: в 3 ч. / РАН, ИНИОН, ИМЛИ им. А.М. Горького. М.: ИНИОН, 1994. Ч. 3. П-Я. С. 33-34.
4. Желтова Н.Ю. Маэстро литературы (к юбилейному портрету профессора Л.В. Поляковой) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2001. Вып. 4 (24). С. 106-112.
5. За 10 лет: избранные страницы хроники и переписки. К 60-летию профессора Л.В. Поляковой / сост. Е.А. Лядова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 176-189.
6. Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 457.
7. Полякова Лариса Васильевна // Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина: словарь-справочник: 2-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2004. С. 381-382.
8. Казьмина Е.О., Казьмин О.А. Созвездие «Тамбовская лира»: справочник. Тамбов, 2006. Ч. 1. С. 37-40.
9. Вестник Тамбовского университета. Кафедра истории русской литературы. 1994-2009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. 270 с.
10. Международный научный центр изучения творческого наследия Е.И. Замятина // Вестник Тамбовского университета. Кафедра истории русской литературы. 1994-2009. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 122-126.
11. Кто есть кто в российском литературоведении: биобиблиографический словарь-справочник. М.: РАН; ИНИОН, 2011. С. 269-271.
12. Кто есть кто в Тамбове и Тамбовской области: сб. биографий самых авторитетных и влиятельных лиц Тамбова и Тамбовской области. Тамбов, 2011. С. 133-134.
13. Юбилею профессора Л.В. Поляковой посвящается // Державинский вестник. Специальный выпуск / сост. и отв. за выпуск Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 10 февраля. С. 1-36.
14. Желтова Н.Ю. Ученый, критик, педагог // Филологическая регионалистика. 2012. № 1. С. 93-96.
15. Сорокина Н.В., Толмачева О.В. Избранная экспресс-хроника. Из жизни кафедры истории русской литературы, научной школы

- «Исследование русской литературы в национальном культурном контексте» и деятельности их руководителя Л.В. Поляковой (2000–2011) // Филологическая регионалистика. 2012. № 1. С. 96–104.
16. *Скороспелова Е.Б., Голубков М.М.* Личность современного ученого: неггибаемый пассионарий. К юбилею профессора Л.В. Поляковой // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 2. С. 108–116.
 17. *Желтова Н.Ю.* Личность современного ученого: неггибаемый пассионарий. К юбилею профессора Л.В. Поляковой // *Державинский вестник*. Тамбов, 2017. Январь.
- ### References
1. *L.V. Polyakova. Materialy k tvorcheskoy biografii* [L.V. Polyakova. Materials for creative biography], N.V. Sorokina, E.N. Manuylenko (compilers). Tambov, 2002. (In Russian).
 2. *Tambovskiy zhenskiy zhurnal* [Tambov Women's Magazine], 2008, no. 3. (In Russian).
 3. *Kto est' kto v russkom literaturovedenii* [Who is Who in Russian Literature Studies]. RAS, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences Publ., 1994, part 3. P-Ya, pp. 33–34. (In Russian).
 4. Zheltova N.Yu. Maestro literature (k yubiley-nomu portretu professora L.V. Polyakovoy) [The maestro of literature (Towards the jubilee picture of professor L.V. Polyakova)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2001, no. 4 (24), pp. 106–112. (In Russian).
 5. Za 10 let: izbrannye stranitsy khroniki i perepiski. K 60-letiyu professora L.V. Polyakovoy [Over 10 years: selected pages of chronicles and correspondence. For the 60th jubilee of professor L.V. Polyakova]. E.A. Lyadova (compiler). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2002, no. 3 (27), pp. 176–189. (In Russian).
 6. *Tambovskaya entsiklopediya* [Tambov Encyclopedia]. Tambov, 2004, p. 457. (In Russian).
 7. Polyakova Larisa Vasil'evna [Polyakova Larisa Vasilevna]. *Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G.R. Derzhavina* [Tambov State University named after G.R. Derzhavin]. Tambov, 2004, pp. 381–382. (In Russian).
 8. Kazmina E.O., Kazmin O.A. *Sozvezdie «Tambovskaya lira»* [Constellation “Tambov Lyre”]. Tambov, 2006, part 1, pp. 37–40. (In Russian).
 9. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Kafedra istorii russkoy literatury. 1994–2009. Prilozhenie k zhurnalu* [Tambov University Review. History of Russian Literature Department. 1994–2009. Supplement], 2009, 270 p. (In Russian).
 10. Mezhdunarodnyy nauchnyy tsentr izucheniya tvorcheskogo naslediya E.I. Zamyatina [International research center for the study of the creative heritage of E.I. Zamyatin]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Kafedra istorii russkoy literatury. 1994–2009. Prilozhenie k zhurnalu* [Tambov University Review. History of Russian Literature Department. 1994–2009. Supplement], 2009, pp. 122–126. (In Russian).
 11. *Kto est' kto v rossiyskom literaturovedenii* [Who Is Who in Russian Literature Studies]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 269–271. (In Russian).
 12. *Kto est' kto v Tambove i Tambovskoy oblasti* [Who Is Who in Tambov and Tambov Region]. Tambov, 2011, pp. 133–134. (In Russian).
 13. Yubileyu professora L.V. Polyakovoy posvyashchaetsya [Dedicated to the jubilee of professor L.V. Polyakova]. *Derzhavinskiy vestnik* [Derzhavin Bulletin]. N.Yu. Zheltova (compiler). Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2012, 10 February, pp. 1–36. (In Russian).
 14. Zheltova N.Yu. Uchenyy, kritik, pedagog [Scholar, critic, teacher]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological Regionalistics*, 2012, no. 1, pp. 93–96. (In Russian).
 15. Sorokina N.V., Tolmacheva O.V. Izbrannaya ekspress-khronika. Iz zhizni kafedry istorii russkoy literatury, nauchnoy shkoly «Issledovanie russkoy literatury v natsional'nom kul'turnom kontekste» i deyatel'nosti ikh rukovoditelya L.V. Polyakovoy (2000–2011) [Selected express-chronicle. From the life of the History of Russian literature Department, scientific school “Study of Russian literature in a national cultural context” and the activity of their leader L.V. Polyakova (2000–2011)]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological Regionalistics*, 2012, no. 1, pp. 96–104. (In Russian).
 16. Skorospelova E.B., Golubkov M.M. Lichnost' sovremennogo uchenogo: nesgibaemyy passionariy. K yubileyu professora L.V. Polyakovoy [Personality of the modern scientist: the indomitable passionate. To the jubilee of professor L.V. Polyakova]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2017, no. 2, pp. 108–116. (In Russian).
 17. Zheltova N.Yu. Lichnost' sovremennogo uchenogo: nesgibaemyy passionariy. K yubileyu professora L.V. Polyakovoy [Personality of the modern scientist: the indomitable passionate. To the jubilee of professor L.V. Polyakova]. *Derzhavinskiy vestnik* [Derzhavin Bulletin]. N.Yu. Zheltova (compiler). Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2012, 10 February, pp. 1–36. (In Russian).

havinskiy vestnik [Derzhavin Bulletin]. Tambov,
2017, January. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.02.2017 г.
Received 10 February 2017

UDC 82.02

QUALITY STATUS OF PERSONALITY AND CREATIVE WORK (FOR 75th ANNIVERSARY OF PROFESSOR L.V. POLYAKOVA)

Nataliya Yurevna ZHELTOVA

Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Journalism Department
Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: nata_zheltova@mail.ru

Short characteristics of personality and activity of Doctor of Philology, Professor of Tambov State University named after G.R. Derzhavin L.V. Polyakova is given. Her basic scientific achievements are stated, the role of scientist in organization of educational-methodical, scientific-research and educational work, in preparations of skilled workers in philology and specialists in Russian philology for schools and higher educational institutions of Russia are analyzed. The comprehensive activity of the researcher as of one of leading E.I. Zamyatin's works studies of Russia and creative collective of International Centre for Zamyatin's Creative Heritage Studies headed by L.V. Polyakova are considered. The stages of becoming and development of literary studies school "Study of Russian Literature in National and Cultural Context", uniting the scientists from Tambov, Moscow, Yelets, Borisoglebsk, Michurinsk and other cities are described. Different vectors of research activity of schools (G.R. Derzhavin, N.M. Karamzin, M.Yu. Lermontov, V.G. Belinsky, A.I. Herzen, A.P. Chekhov, S.N. Sergeyev-Tsensky, M. Gorky, A.P. Platonov, M.S. Sholokhov, A.I. Solzhenitsyn and many others), her scientific connection and contacts, the forms of transmission of modern literary studies in educational process, improvement of educational programs on master course, doctoral degree. The role of L.V. Polyakova in becoming of new scientific direction "philological regional studies" is shown.

Key words: literary studies; L.V. Polyakova; scientific school; E.I. Zamyatin

Информация для цитирования:

Желтова Н.Ю. Знак качества личности и творчества (к 75-летию профессора Л.В. Поляковой) // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 68-75.

Zheltova N.Y. Znak kachestva lichnosti i tvorchestva (k 75-letiyu professora L.V. Polyakovoy) [Quality status of personality and creative work (for 75th anniversary of Professor L.V. Polyakova)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 68-75. (In Russian).

УДК 398+80

**ИСТИННОЕ СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ
(85-летию ПРОФЕССОРА М.М. БАГИЗБАЕВОЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ)**

© Айнагуль Бектасовна ТУМАНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Посвящено памяти видного казахстанского ученого-филолога, профессора Май Михайловны Багизбаевой. Изложен материал об огромном вкладе ученого в науку – фольклористику. Благодаря ее кропотливому труду были собраны уникальные архивные материалы по фольклору Семиречья, Восточного Казахстана и т. д., открыты кабинет фольклора, затем фольклорная лаборатория, организованы ежегодные фольклорные практики, создан фольклорный ансамбль «Друженька», известный не только в Казахстане, но и за его пределами. Основные научные достижения профессора М.М. Багизбаевой, такие как «Русский фольклор», «Русский фольклор Восточного Казахстана», «Фольклор семиреченских казаков» до сих пор вызывают научный интерес и пользуются большим спросом. Отмечено, что вся деятельность ученого была направлена на изучение актуальных проблем русского фольклора в Казахстане и тем самым способствовала укреплению взаимопонимания и взаимоуважения народов в полиязычном пространстве Казахстана. В 2017 г. Мае Михайловне исполняется 85 лет; коллектив университета и ее родной кафедры эту юбилейную дату ученого отмечает проведением Международной научно-практической конференции «Багизбаевские чтения» (апрель, 2017 г.).

Ключевые слова: ученый; педагог; организатор; руководитель; фольклор; фольклорная практика; фольклорный кабинет; фольклорная лаборатория; фольклорный ансамбль

Мая Михайловну Багизбаеву по праву коллеги называют: Человек с большой буквы, Учитель, Ученый, Руководитель, Общественный деятель (Л. Ахметова, Г. Морозова, С. Сагалович, Т. Струц, В. Исенгалиева, Н. Гайнуллина, В. Мищенко, Р. Бердібаев, Ә. Рақыш, О. Нұрмағамбетова, Т. Сайрамбаев, Т.Я. Семенова, А. Абдулина, С. Ананьева, У. Абишева, Г. Бектурганова, Э. Какильбаева, А. Тусупова и др.).

С самого момента прибытия (1963 г.) в КазГУ (ныне – КазНУ им. аль-Фараби) Мая Михайловна, выпускница МГУ, прослушавшая лекции известных ученых-филологов (Э.В. Померанцевой, Д.Д. Благого, С.М. Бонди, Б.В. Михайловского, Л.И. Тимофеева, А.И. Метченко, В.Д. Дувакина, Н.К. Гудзия, А.В. Кокорева и др.) с огромным воодушевлением и энтузиазмом взялась за дело – изучение, исследование устного народного творчества. Она считала, что пока живы носители русского фольклора Казахстана, его нужно как можно быстрее собирать и скрупулезно фиксировать, сохранять как бесценное национальное достояние не только культуры, но и науки. С этой целью ею были организованы обязательные ежегодные фольклорные практики, во время которых студенты стали собирать фольклорный материал по регионам Казахстана. Для научной обработки собранного студентами, преподавателями-стажерами и аспирантами богатого фактического материала был создан кабинет фольклора, который позже был расширен и переименован в фольклорную лабораторию. Мая Михайловна являлась бессменным ее руководителем; на базе данной лаборатории были

разработаны и подготовлены десятки дипломных работ и диссертаций.

Кроме того, под непосредственным руководством М.М. Багизбаевой функционировал фольклорный ансамбль «Друженька», прославившийся своим репертуаром, самобытностью не только в Республике Казахстан, но и за рубежом.

Вся научная деятельность М.М. Багизбаевой, научное руководство над студентами, стажерами и аспирантами в том числе, была связана с изучением и разработкой актуальных проблем русского фольклора в Казахстане. Под ее руководством защищены 17 кандидатских и 1 докторская диссертаций.

Научные исследования, проводимые профессором и ее учениками, вносят весомый вклад в развитие современной фольклористики, помогают сохранить историческую память, представляют научную ценность, способствуют укреплению взаимопонимания и взаимоуважения народов в полиязычном пространстве Казахстана [1, с. 74; 2, с. 102].

Профессор Мая Михайловна Багизбаева читала лекции по следующим курсам: «Русское устное народное творчество», «Древняя русская литература», «История русской литературы XVIII века», вела спецсеминары: «Поэтика фольклора», «Литература и фольклор». К занятиям Мая Михайловна готовилась очень серьезно, тщательно (впрочем, такое отношение наблюдалось в любом ее деле), поэтому они проходили живо и интересно; студенты задавали массу вопросов по теме (и не по теме!) лекций, на которые получали обстоятельные, исчерпывающие ответы педагога.

Следует особо отметить, что ее научные труды, такие как «Русский фольклор», «Русский фольклор Восточного Казахстана», «Фольклор семиреченских казаков» (на основе докторской диссертации, 1985 г.) ознакомили общественность с казахским фольклором Семиречья, фольклором Восточного Казахстана, с произведениями русского поэтического искусства, относящегося к периоду бытования в Казахстане. Они восполнили имеющиеся пробелы в науке и явились существенным вкладом в фольклористику.

Фольклорная лаборатория, получившая название «Региональное изучение русского фольклора Казахстана», с накапливаемыми годами архивами, и сегодня, возрождаясь и

укрепляясь, призвана стать областью научных исследований, основанных на накопленном материале многолетних изысканий ученых кафедры русской и зарубежной литературы, последователей дела М.М. Багизбаевой (Г.В. Морозова, С.М. Сагалович, С.В. Попова, В. Мищенко, А.Б. Абдулина, Т.Я. Семенова, А.М. Амребаева, Г.З. Бектурганова, У.К. Абишева, Э.Т. Какильбаева и др.) и студентов.

Известно, что фактические материалы, хранящиеся в вышеназванной лаборатории, использовались не только исследователями нашего университета, но и других вузов СНГ. Многие известные ученые обращались к архиву КазГУ и использовали уникальные примеры для своих исследований. Это Институт русской литературы АН Российской Федерации (сектор русского устного народного творчества), Институт этнографии АН РФ им. Миклухо-Маклая, фольклорная лаборатория Украинского государственного университета (г. Киев), Международная ассоциация исследователей фольклора, Московская государственная консерватория (класс Тихона Хренникова), Фонды культуры Казахстана и России и др. [3, с. 94-95].

Мая Михайловна активно пропагандировала научные достижения: выступала с докладами на республиканских и международных конференциях, проводимых в Алма-Ате (ныне – Алматы, Казахстан), Ленинграде (ныне – Санкт-Петербург, Россия), Москве и Челябинске (Россия), Киеве (Украина), Кишеневе (Молдавия), Риме (Италия) и др. Она и сама была инициатором и организатором республиканских и международных конференций по фольклору, в которых принимали участие ведущие специалисты бывших союзных республик в данной области, обменивались опытом работы, обсуждали актуальные проблемы. Это такие известные ученые, как Д.С. Лихачев, Ф.И. Селиванов, В.П. Аникин, А.И. Лазарев, Э.В. Померанцев, Н.И. Кравцов, А.И. Кокорев, Б.Н. Путилов, П.С. Выходцев, В.А. Горелов, Т.Г. Леонова, Т.Р. Рахмонов, К.М. Максегов, З.И. Власова и мн. др. [2, с. 106].

Следует особо отметить тот факт, что трудное детство, связанное с репрессией, преследованиями и расстрелом отца – партийного работника, организатора хлопковой промышленности Южно-Казахстанской об-

ласти М.А. Бағизбаева, тяжелое время жизни, выпавшее ей как дочери «врага народа», не уничтожили в Мае Михайловне самые высокие человеческие качества: отзывчивость, добропорядочность, человечность, искренность, честность, трудолюбие...

Об этом говорят все те, кто лично знал М.М. Бағизбаеву и работал с ней. Приведем еще фрагменты из воспоминаний казахских коллег.

Известный член-корреспондент Казахской национальной академии наук, доктор филологических наук, профессор Рахманқұл Бердібаев высоко оценивал научные труды Май Михайловны: «...М. Бағизбаеваның «Жетісу казактарының фольклоры» атты еңбекте фольклортанудың бірнеше өзекті мәселесі қозғалған. Мұнда қазіргі ауыз әдебиеті туындыларында дәстүр мен жаңашылдық, фольклор мен жазба әдебиетінің бір біріне өзара ықпалы жайында нақтылы байқаулар, дәлелді ойлар, байсалды пікірлер әдебиеті кездеседі. Әсіресе жан-жақты қарастырылып шешілген мәселе – орыс фольклорының сақталу, даму, түрлі өзгеріске ұшырау жайлары.

Кітап орыс халық өлеңдерінің 205, частушкарларының 353, тұрмыс-салт өлеңінің 41, ертегілердің 20 шығармасы толық текстімен берілген. Сонымен қатар М. Бағизбаева бұл жинақта аңыз әңгімелер, анекдоттар, әзіл-оспақтар, мақал-мәтелдер, ырымдар, жұмбақтар жанрының да материалын тізген. Осылар қосылып келгенде Жетісу казак-орыстарының жадында сақталып келген орыс фольклорының құрама мен ерекшелігі неғұрлым толық айқындалады. Бұл кезге дейін зерттеушілердің арнайы тақырыбы болмай келген өңірдің фольклорлық байлығын ашуды алғаш рет қолға алуы және бұл бағытта елеулі нәтижелерге жетуі, сөйтіп орыс фольклортану ғылымының географиялық өрісін кеңейтуі қазақ ғалымының көрнекті еңбегі демекпіз. <...>

Өте қызық жайлардың бірі – орыс және қазақ фольклорының бір-біріне еткен өзара ықпалын көрсететін фактілердің табылуы. Қазақ фольклоршылары орыс ауыз әдебиетінен ауысқан кейбір сарындар мен көркем бейнелерді өз еңбектерінде әрдайым пайдаланып отырады. Ал қазақ ауыз әдебиетіне тән көркемдеу құралдарының

орыс фольклорында кездесуі М. Бағизбаева зерттеуінде тұңғыш рет көрсетілген...» [5, с. 15].

Видный ученый университета, доктор филологических наук, профессор, соратник Май Михайловны, Әмір Рақыш в своих воспоминаниях отмечает, что она была не только талантливым ученым, но и замечательным педагогом, влюбленным в свое дело:

«Мая Михайловна қай нәрсеніде қасиеттеп ұстаушы еді. Оли – өз отбасы, өзі кәсіп еткен ғылым саласы – орыс әдебиеті, үшіншісі – қазақ мемлекеттік университеті.

Менің аңғарғаным – Мая Михайловна өзінің педагогтік жұмысын үлкен әлеуметтік, жоғары кәсіби деңгейден межелеп атқаратын. Шәкірттеріне орыс әдебиетінің дүние жүзілік мәдениет мұрасы етіп көрсетуге тырысумен қатар, оның КСРО біріккен ұлттардың тарихымен, әдебиетімен байланысын ашып беріп отыратын... Ұзақ жылдар Жетісу казактарының фольклорын зерттеді. Зерттеу үстінде қолға түскен творчестволық материалдар лекцияларында пайдаланып жүрді. Филология факультетінің көркемөнерпаздары қазақ өлеңдерін, частушкарларын жарқыратып сахнада орындады. Мая Михайловна өзі Мая Михайловна де бұл өлеңдерді мәнерлеп айтатын» [6, с. 40].

О Мае Михайловне как о великольном организаторе, руководителе говорится в воспоминаниях доктора филологических наук, профессора Оразгуль Нұрмағамбетовой:

«Мая Михайловнаның бұл саласында еткен еңбегі қыруар – бәріде «ен алғаш» деп айтуға болатын істер еді: ҚазГУ-дің филология факультетінде орыс фольклоры кабинетін ашып қана қоймай, республикада алғаш рет фольклор ғылыми зерттеу орталығын ашу, алғаш рет фольклор ғылыми-зерттеу лабораториясын ашу және алғаш рет орыс фольклоры ансамблінің құру да әрі жаңалық, әрі өте қиын іс болатын. Фольклор кабинеті мен фольклор лабораториясы ұйымдасқаннан бері жиналған материалдар, олардың жүйеге түсіріліп жариялана бастауы, орыс фольклорының жан-жақты терең зерттелуі, кандидаттық және докторлық диссертациялардың қорғалуы бәрі-бәрі Мая Михайловнаның басқаруымен жасалып жатуы ауыз толтырып айтуға болар әрі жаңалық, әрі қажет іс болды. Сонымен қатар

Мәкеңнің каншама білімді де білікті мамандар дайындауының өзі үлкен бір сала. Мая Михайловнаны шын жанындай жақсы көретін, сыйлап, құрметтейтін шәкірттерінің көп болуы да сондықтан» [7, с. 45-46].

Подводя итоги, необходимо отметить следующее: серьезный вклад в науку, широта научных достижений в области фольклористики позволили признать факт образования и функционирования школы профессора Майи Михайловны Бағызбаевой, которая была признана не только в Республике Казахстан, но и далеко за ее пределами [2, с. 103-104; 3, с. 95].

Список основных трудов ученого

1. Бағызбаева М.М. Фольклор семире-ченских казаков. Ч. 1. Алма-Ата: Мектеп, 1977. 280 с.
2. Бағызбаева М.М. Фольклор семире-ченских казаков. Ч. 2. Алма-Ата, 1979. 383 с.
3. Бағызбаева М.М. Русский фольклор Восточного Казахстана. Алма-Ата: Рауан, 1991. 509 с.
4. Бағызбаева М.М., Журавлева Н.Г. Русская литература: пособие для старше-классников и поступающих в вузы / под ред. З.А. Ахметова. Алма-Ата: Атамұра, 1992. 95 с.
5. Методическое пособие: «Семинар-ские занятия, самостоятельная работа и фольклорная практика по курсу «Русское устное народное творчество» (каф. фонд).
6. Методическое пособие: «Семинар-ские занятия, индивидуальная работа и кон-трольные задания по курсу «Древняя русская литература» (каф. фонд).

Список литературы

1. Струц Т. Человек с добрым сердцем // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 73-75.
2. Ананьева С.В. Ad cogitandum et agendum homo natus est // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 102-105.

3. Абдулина А.Б. Слово об учителе // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 92-96.
4. Абишева У.К. Трудная и интересная судьба // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 105-107.
5. Бердібаев Р. Орыс фольклорының өрісі // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 11-16.
6. Рақыш Ә. Намыс деп, білім деп өтіп еді... // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 40-42.
7. Нұрмағамбетова О. Аяулы асыл жан еді // Мая Бағызбаева (эссе, сұхбат, естеліктер). Алматы, 2002. С. 41-47.

References

1. Struts T. Chelovek s dobrym serdtsem [A person with kind heart]. *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 73-75. (In Russian).
2. Ananeva S.V. Ad cogitandum et agendum homo natus est. *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 102-105.
3. Abdulina A.B. Slovo ob uchitele [A word about a teacher]. *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 92-96. (In Russian).
4. Abisheva U.K. Trudnaya i interesnaya sud'ba [Difficult and interesting destiny]. *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 105-107. (In Russian).
5. Berdibaev R. Orys fol'klorynyң өрісі. *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 11-16. (In Kazakh).
6. Rakysh Ә. Namys dep, bilim dep өтіп еді... *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 40-42. (In Kazakh).
7. Nұrmarambetova O. Ayaulы asyl zhan edi. *Maya Bazyzbaeva (esse, sykhbat, estelikter)*. Almaty, 2002, pp. 41-47. (In Kazakh).

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.
Received 10 January 2017

UDC 398+80

VERITABLE SERVICE TO SCIENCE (DEDICATED TO 85th ANNIVERSARY OF PROFESSOR M.M. BAGIZBAEVA)

Aynagul Bektasovna TUMANOVA

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department

Al-Farabi Kazakh National University

71 al-Farabi Ave., Almaty, the Republic of Kazakhstan, 050040

E-mail: a.tumanova@inbox.ru

It is devoted to the memory of outstanding scientist-philologist Maya Mikhailovna Bagizbaeva. The material about the great scientific input to study of folklore is presented. The unique archive materials about the folklore of Semirechye, Eastern Kazakhstan etc. are collected due to her assiduous work. The room of folklore was inaugurated and then folklore laboratory, the annual folklore practice was organized, the folklore ensemble "Druzhenka" was created. It is known not only in Kazakhstan but also beyond the boundaries. The basic scientific achievements of professor M.M. Bagizbaeva such as "Russian Folklore of eastern Kazakhstan", "Folklore of Semirechye Cossacks" are still of great scientific interest and very demanded. It is marked that all the activities of the scientist were aimed at study of relevant problems of Russian folklore in Kazakhstan and promoted the consolidation of common understanding and respect of peoples in poly language space of Kazakhstan. In 2017 Maya Mikhailovna celebrates the 85th anniversary; the staff of the university and her native department will celebrate this jubilee at the International Scientific-Practical Conference "Bagizbaeva's Readings" (April, 2017).

Key words: scientist; teacher; organizer; head; folklore; folklore practice; folklore room; folklore laboratory; folklore ensemble

Информация для цитирования:

Туманова А.Б. Истинное служение науке (85-летию профессора М.М. Багизбаевой посвящается) // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 76-80.

Tumanova A.B. Istinnoe sluzhenie nauke (85-letiyu professora M.M. Bagizbaevoy posvyashchaetsya) [Veritable service to science (dedicated to 85th anniversary of professor M.M. Bagizbaeva)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 76-80. (In Russian).

